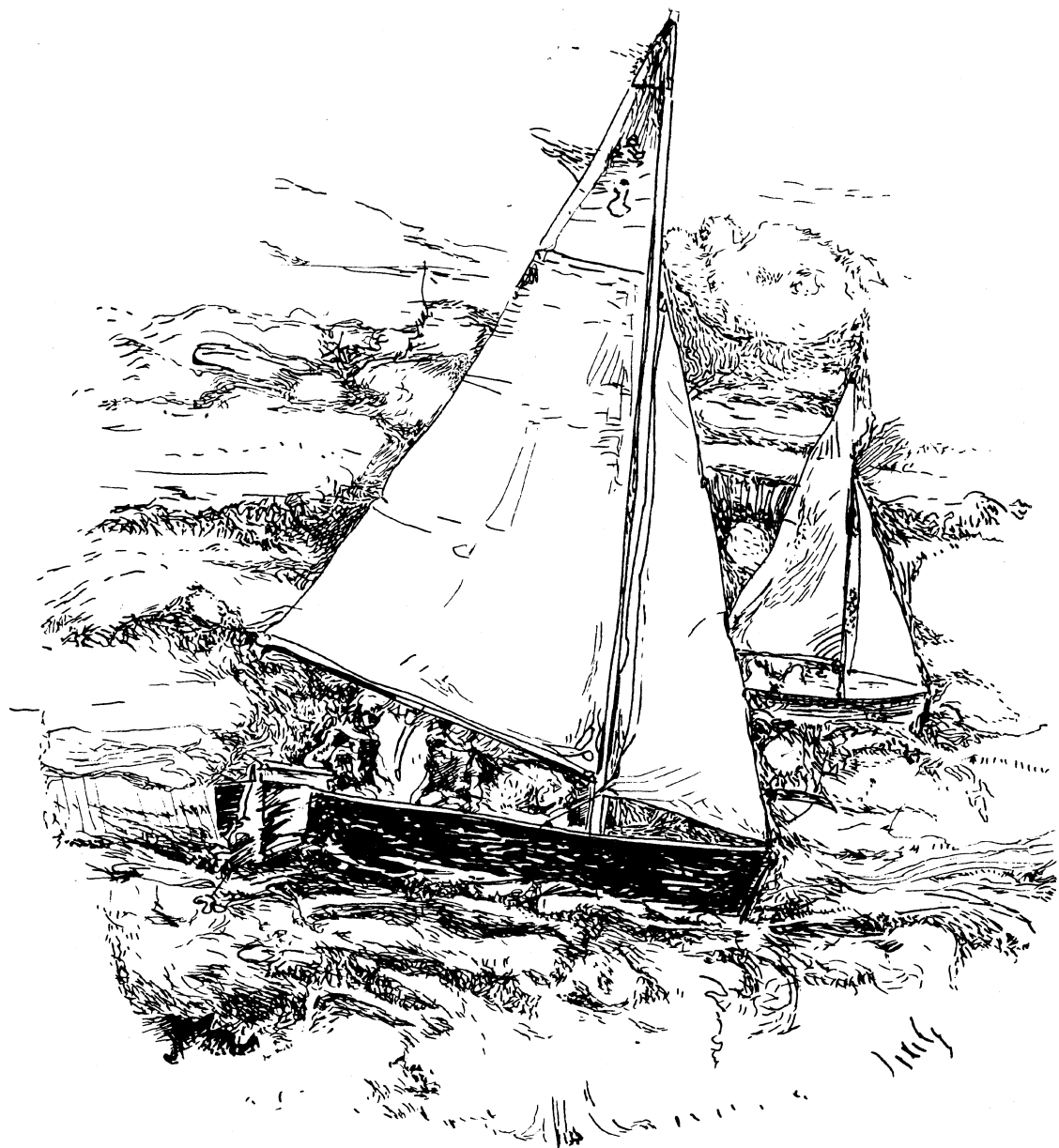


У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-241X
Снеговой
7•2001



● ТАТИЩЕВ, КАК ПЕРВЫЙ ГЕОГРАФ УРАЛА ● «НЕОТКРЫТЫЕ» ОТКРЫТИЯ
● ПРОДОЛЖЕНИЕ «СЕВАСТОПОЛЬСКОГО» РОМАНА ВЛАДИСЛАВА
КРАПИВИНА ● ПУТЕШЕСТВИЕ К ЗАТОНУВШИМ КОРАБЛЯМ ● НОВОСТИ ●

Дорогие, преданные друзья-читатели!

Мы так благодарны всем Вам!

И тем, кто выписывает журнал, чтобы просто с удовольствием прочитать его от корки до корки. И тем, кто неравнодушно воспринимает интересные темы, пишет и звонит в редакцию, выражая своё мнение. И тем, кто, не имея возможности купить журнал, бежит в ближайшую библиотеку, чтобы узнать, не поступил ли новый номер «Уральского следопыта»...

Но иногда нас до слёз пронимают письма и телефонные звонки, из которых мы узнаём, что по тем или иным причинам (а в основном, конечно, из-за финансовой беспомощности!) ещё одним читателем у журнала стало или вот-вот станет меньше. Пенсионеры, инвалиды локальных войн, люди, живущие в деревнях и сёлах... Где им наскрести денег на очередную подписку? А ведь за время знакомства с «Уральским следопытом» журнал стал всё равно что членом их семей. И разве можно равнодушно слушать истории жизни, истории обнищания, истории падения достойных, а в каких-то смыслах и лучших наших соотечественников?

И всё чаще редакция, откладывая в дальний ящик планы по улучшению самого журнала или отказываясь от великолепных, но требующих денежного вложения материалов, принимает решение помочь, выделить деньги для продления подписки тем или иным людям.

Но возможности редакции не беспредельны. Если вспомнить, что ещё одной благотворительной акцией «Уральского следопыта» является безвозмездная рассылка новых номеров по всем больницам города, то станет понятно, каких жертв нам стоит помочь тем, кто в ней нуждается.

Мы обращаемся ко всем Добрым Людям.

Изыщите возможность! Помогите журналу! Помогите людям, которые хотели бы, но не могут подписаться на любимое издание!

Ведь кому как не Вам известно, что протягивая руку другим, в первую очередь помогаешь себе: обрести благородную цель в жизни, а вместе с ней уверенность, что всё делаешь правильно, достойно, **ЧЕЛОВЕЧНО**.

Наши банковские реквизиты:

ИНН 6661014243

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

Р/сч. 40702810001010001096, кор. счет 30101810600000000781

БИК 046577781, ОАО «ВУЗ-банк» г. Екатеринбург.

«Благотворительное пожертвование».

**«Хочешь
двигаться —
ищи
попутчика»**

**Николай ВЕХОВ
Юрий КЛЮШНИКОВ
Юрий ДУНАЕВ
Нина АРХИПОВА
Арсений БОРИСИХИН
Андрей ПЕРЕПЕЛИЦЫН
Вадим БЕРЕСНЕВ
Ирина СЕРОВА**

**Владислав КРАПИВИН
Виктор КОСЕНКОВ
Сергей БЕРЕЖНОЙ**

**Евгений ТАМПЛОН
Сергей КОНДРАШИН
Юрий НИКИТИН
Евгений СПИРИН**

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт



ИСТОРИЯ, ФАНТАСТИКА, ПУТЕШЕСТВИЯ

В номере:

7"2001



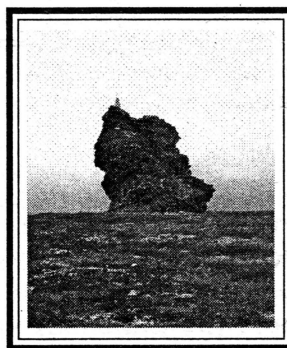
**РЕКА
ВРЕМЕНИ**

СТР. 3-24



АЭЛИТА

СТР. 25-62



**ВСТРЕЧНЫЙ
ВЕТЕР**

СТР. 63-79

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ

Адрес в Интернете: <http://uralstalker.ekaterinburg.com>

УралРелком



УРАЛЬСКИЙ
следопыт

УС

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС «БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ»

При поддержке полномочного представителя президента Российской Федерации в Уральском Федеральном округе П.М. Латышева, Министра культуры Свердловской области Н.К. Ветровой.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ КОНКУРСА:

Поиск и объединение начинающих поэтов, фантастов, историков и краеведов Урала, которые со временем станут постоянными авторами журнала «Уральский следопыт».

ОРГАНИЗАТОР КОНКУРСА — ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт».

СООРГАНИЗАТОРЫ КОНКУРСА — Урало-Сибирская ассоциация клубов ЮНЕСКО, областная Детско-юношеская библиотека.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОМИНАЦИИ:

1. Фантастика и сказка.
2. Проза и публицистика.
3. Поэзия.
4. История и краеведение.

Объем и количество представленных работ не ограничивается. К участию в конкурсе приглашаются школьники и молодежь до 18 лет.

ПРИЗОВОЙ ФОНД ПО КАЖДОЙ НОМИНАЦИИ:

1 место — 6 000 руб.; 2 место — 4 500 руб.; 3 место — 2 000 руб.

Произведения победителей будут опубликованы в номерах журнала «Уральский следопыт» и оформлены отдельным изданием.

Участники конкурса будут отмечены поощрительными призами и дипломами, все конкурсные работы будут размещаться на сайте:

<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Подведение итогов литературного конкурса и награждение победителей состоится в декабре 2001 года.

Работы принимаются до 15 ноября 2001 года.

Присылать или приносить работы можно по адресу:

**620142, ЕКАТЕРИНБУРГ, ДЕКАБРИСТОВ, 67,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».**

С конкурсными работами обязательно присылать:

- заявление (рукописное) на участие в конкурсе;
- анкета участника (адрес, сколько лет, в каком учебном учреждении учится конкурсант);
- копия подписного абонемента на журнал «УС».

Телефон для справок: (3432) 22-36-62, 22-45-01

РЕКА ВРЕМЕНИ



СОДЕРЖАНИЕ:

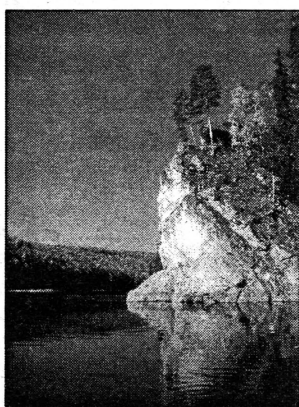
Новости	стр. 4
Николай ВЕХОВ «Вайгач — земля богов»	стр. 5
Юрий КЛЮШНИКОВ «Российский соловей в Туринске»	стр. 9
Юрий ДУНАЕВ «Каменка или Усть-Утка?»	стр. 12
Нина АРХИПОВА «Первый географ Урала»	стр. 15
Арсений БОРИСИХИН «Мария Первая»	стр. 18
Андрей ПЕРЕПЕЛИЦЫН «Все ли на Земле открыто?»	стр. 20
Вадим БЕРЕСНЕВ «Оплошность, достойная похвалы»	стр. 23
Ирина СЕРОВА «Екатеринбург — Париж»	стр. 23

ЧУСОВАЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЪЕКТИВА

Река Чусовая — совсем особая водная артерия Среднего Урала. Чего ни коснись — экономики ли начального периода развития, когда по меткому выражению историка Карамзина, у нас еще не было дорог, а были «токмо направлѣния», социально ли бытовых надобностей уральцев — ведь Чусовая испокон веков поила, кормила, давала приют на своих берегах. А уж так учить понимать и любить прекрасное в окружающей природе, как учит наша красавица река, больше никому не по силам.

Так вот, у Чусовой сегодня праздник. В Екатеринбурге Независимым Институтом истории и материальной культуры в серии «Родной Урал» выпущен альбом Евгения Савенко «Чусовая». Он вобрал в себя реку от А до Я — от истоков ее в окрестностях города Верхний Уфалей Челябинской области до впадения в Каму. В альбоме — два раздела. Первый представляет реку в ее биографическом протяжении через весь средний Урал. А в зеркале второго раздела почти адекватно отражены природные памятники Чусовой — ее камни, «бойцы». Приложением к альбому даны мини-фотографии населенных мест, которые осчастливила красавица Чусовая своим посещением.

Что отличает этот альбом от уймы предыдущих, так или иначе причастных к красотам Чусовой? Прежде всего то, что он дает представление о всей реке. Она вся перед нами, такая, какой ее увидел глазами своего объектива Евгений Савенко. В реку, говорят, нельзя войти дважды, но ее дважды и увидеть нельзя одинаковой! Мы всегда имеем дело с остановленным мгновением. И еще: листая альбом, то и дело ловишь себя на ощущении, что перед тобой больше, чем фотография. Такие кадры, как «Над камнем Каменским плывут облака», или «После грозы у камня Таш» — так и просятся в раму и на художественную выставку высокого полета.



Страница из альбома.
Камень-«боец» Отметьши

И с этим праздником тоже хочется поздравить и реку Чусовую, и всех создателей этого маленького большого шедевра. И прежде всего автора нашего журнала Евгения Викторовича Савенко — фотохудожника и следопыта.

Юний
ГОРБУНОВ

Авторы, пишущие по военно-патриотической тематике, приглашаются принять участие в литературном конкурсе имени легендарного разведчика нашего земляка Н.И. Кузнецова. Конкурс учрежден генеральной дирекцией ОАО «Уралмаш» и правлением Литературного фонда России. На конкурс могут быть представлены литературные произведения приключенческого жанра (проза, стихи, сценарии и пьесы, документальные хроники) и мемуары защитников Родины, участников фронтовых и конспиративных операций, опубликованные в Российской Федерации на русском языке.

Дата присуждения премии им. Кузнецова — День машиностроителя (последнее воскресенье сентября). На конкурс принимаются произведения, изданные в течение двух календарных лет, не позднее первого сентября сего года.

Жюри определит двух лауреатов конкурса. Они награждаются золотой и серебряной медалями, дипломами и денежными премиями.

Французский аквалангист и фотограф Люк ван Рель утверждает, что обнаружил в море недалеко от Марселя обломки самолета Антуана де Сент-Экзюпери, потерпевшего катастрофу 31 июля 1944 года. Самолет найден на глубине 80 метров в «чертовом» треугольнике, образованном мысом Краузет, островами Риу и Моргну — месте многих авиационных аварий.

Люк ван Рель начал поиски после того, как 26 сентября 1998 года марсельский рыбак, промышленный в том самом «чертовом» треугольнике, разбирая сети, обнаружил запутавшийся в них серебряный браслет. На одной его стороне была выгравирована фамилия Экзюпери и в скобках имя его жены, на другой — фамилия и адрес американского издателя, выпустившего книгу «Маленький принц».

Почему произошла трагедия? До поднятия наверх обломков этого самолета и определения идентификационного номера вопрос об обстоятельствах гибели прославленного писателя и авиатора остается открытым.

Уникальная историческая находка — печать князя Изяслава, сына Ярослава Мудрого, — обнаружена в ходе раскопок на площади Независимости в Киеве. По словам руководителя экспедиции, кандидата исторических наук Михаила Сагайдака, печать сделана из свинца, хорошо сохранилась, поэтому идентифицировать ее владельца было не сложно. На печати изображен святой Димитрий, покровитель Изяслава, и надпись «Агиос Димитриос». Кроме того, на верхней стороне нанесен родовой герб князя, напоминающий ромашку.

Интерфакс

ский может звучать, как остров Лихих Молодцев, или Разбойничий остров.

Вайгач лежит на пути к Новой Земле, в Сибирь (в древнюю Мангазею, на Обь и Енисей). Он всегда был своеобразным запасным вариантом для промысловиков и моряков. Часто «ворота» в Сибирь — проливы Карские Ворота и Югорский Шар — были забиты льдом. Нередко в Карском море и у Новой Земли бушевали многодневные штормы. Тогда, в удобных и защищенных от ветров бухтах и заливах острова отставали суда в ожидании погоды.

Остров был интернациональным. Как хорошие соседи, уживались здесь и русские, и ненцы.

Для ненцев (самоедов) Вайгач был священным островом. Они называют его «Хэбидя Я» — святая земля. В течение многих столетий здесь находились главные ненецкие святыни — идолы и святилища. На севере острова, на мысе Болванский Нос стоял один из двух главных идолов — Ходако (старик), а на юге, на мысе Дьяконова — второе божество, Вэсако (старуха). Ненцы никогда не жили на острове постоянно, они приезжали сюда лишь на промыслы, для выпаса оленей и для поклонения богам.

Почему именно этот остров ненцы выбрали в качестве сакрального объекта? По-видимому, здесь сыграло свою роль положение Вайгача. Он окружен морем, удален от материка. Это своеобразная природная крепость, труднодоступная для иноверцев. А один из отечественных исследователей ненцев Архангельской губернии Н.Д. Козмин писал, что «самоеды издавна смотрели на горы с суеверием, считая утесы их вершин седалищами неведомых, но грозных богов, а о-в Вайгач внутри сплошь покрыт скалами и горами».

И действительно. Упомянутый идол Вэсако стоял на высоком обрывистом берегу, в «котором чернеет громадная и глубокая пещера с двумя выходами. Вихри, врываясь в пещеру, производили в ней ог-

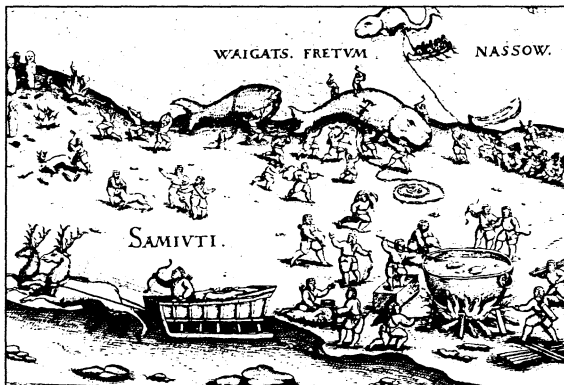
лушительный гул, поражавший ужасом дикарей». То же самое можно сказать и об идоле Ходако.

Первые сведения о Вайгаче добыли европейские мореплаватели. В середине XVI века английский шкипер Стивен Барроу во время плавания к устью Оби встретил у острова много поморских лодей, промышлявших моржа и белуху. Один из поморов-промысловиков знал о существовании святилища на современном мысе Дьяконова и привел сюда англичан. Они нашли здесь около 300 идолов.

Несколькими десятилетиями позже, во время плаваний Виллема Баренца, голландцы в первой же экспедиции 1594 года обнаружили следы пребывания на острове архангельских поморов-зверобоев и ненцев-охотников, а также множество деревянных идолов, стоявших на подпорках и обращенных лицами на восток. Некоторые были с ликами мужчин, женщин и детей, а часть имела несколько ликов. Вокруг святилища валялись кости и черепа оленей. Голландцы даже разглядели на идолах орнамент.

Здесь же европейцы впервые встретились с самоедами, которые приехали к ним на оленьих упряжках (на санках, как говорили голландцы). Однако «дикари» испугались их и убежали. Во время второй экспедиции в районе современной бухты Варнека, на юге острова, голландские мореплаватели нашли ненецкие нарты, груженные шкурами, посудой и другой непонятной им утварью; на берегу лежали туши только что освежеванных моржей. Встретили они и поморов-зверобоев. Все эти сведения подробно описал Геррит Де Фер, главный летописец экспедиций Баренца. На гравюрах в его книге запечатлены сцены пребывания европейцев на Вайгаче.

Через 300 лет сийский архимандрит Вениамин, обращавший ненцев в православную веру, на южном мысе острова (мыс Дьяконова) нашел почти такую же картину, какую наблюдали и голландцы.



Ненцы на промыслах на о. Вайгач.
Старинная гравюра XVI века



Такими впервые увидели идолов Вайгача европейские
путешественники.
Голландская гравюра XVI века на меди

По его описанию 1826 года: «Вэсако... идол... был деревянный, трехгранный, тонкий и весьма ветхий, вышиною в два аршина (около 140 см. — Авт.). Верхняя часть его имела семь лиц. Они вырезаны были на двух передних отлогих гранях, одно над другим таким образом: по середине вырезан рот и округлен нос; по сторонам его на гранках вырезаны впадинистые щеки... над носом прорезаны по две черты для обозначения глаз; по бокам находилось по два рубеза для обозначения ребер. Нижняя часть идола состояла просто из трех граней, к концу сведенных; он воткнут был в землю...»

Находившаяся перед главным идолом большая гряда оленьих рогов и черепов белых медведей была украшена: к оленьим рогам привешены топоры, стрелы, медные кольца, пуговицы, гвозди, разноцветные суконные лоскутки и т.д.

По существовавшему поверью никто не отправлялся на Вайгач, не принеся жертвы идолам, а уезжая благодарил за промысел и дарование благополучной переправы через Югорский Шар.

Проведенные на вайгачских святилищах в 1980-х годах археологические раскопки обнаружили несколько сотен предметов волго-камского и западно-сибирского происхождения. Серебряные и бронзовые изделия X — начала XIII века и более древние предметы, относящиеся к VIII-IX векам (например, поясная бляшка). Среди находок — сакральные предметы языческих культов аборигенных народов Севера (бронзовая личина, фигурки лося-человека, полые ажурные фигурки зайцев и другие), предметы новгородского производства (бубенчики), эмалевые крестики эпохи Киевской Руси. Археологи находили и очень редкие в северных широтах предметы — части сабли XI-XIII веков, кресала с изображением хищников, бронзовую фигурку лебедя, оловянное обрамление иконки с оглавием и изображением «Нерукотворного Спаса»...

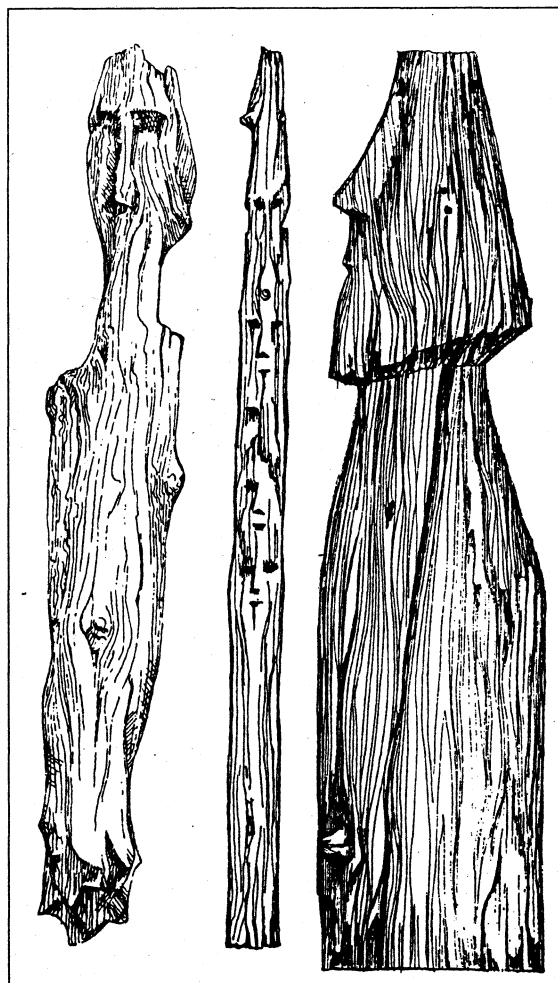
Для поклонения своим богам и ритуальных жертвоприношений сюда устремлялись ненцы с материка, из просторов Большеземельской тундры, с Урала, даже с Ямала и с низовьев Оби. Каждый из них соорудал еще и своего небольшого идола. Поэтому на месте каждого из святилищ их скапливалось по несколько десятков и даже сотен.

Когда началось крещение самоедов и приобщение их к христианству, православные священники ринулись бороться с язычеством ненцев. В течение пяти лет почти все культовые места были уничтожены. Но ненцы все же сумели сохранить некоторые святилища. На Вайгаче они перенесли идолов из северной части в глубину острова и надежно спрятали их в горах (современная гора Большая Болванская). Посетивший в 1898 году Вайгач художник

А.А. Борисов с большим трудом уговорил самоедов показать ему святилище. На оленях он вместе с ненцами совершил поездку на эту гору. Впечатление от увиденного Борисов описал затем в своей книге «От Пинеги до Карского моря» (1907).

Художник оказался единственным русским, документально запечатлевшим для потомков Большую Болванскую гору со скоплением на ней ненческих идолов на своем красочном полотне «Главная самоедская святыня на о. Вайгаче» (1898 г.). Эта картина хранится в Архангельском музее изобразительных искусств.

В XVII-начале XX вв. русские промысловики приходили на остров в начале-середине лета на своих традиционных парусных судах — лодьях, шняках, кочмарах, раньшинах и карбасах. Они совер-

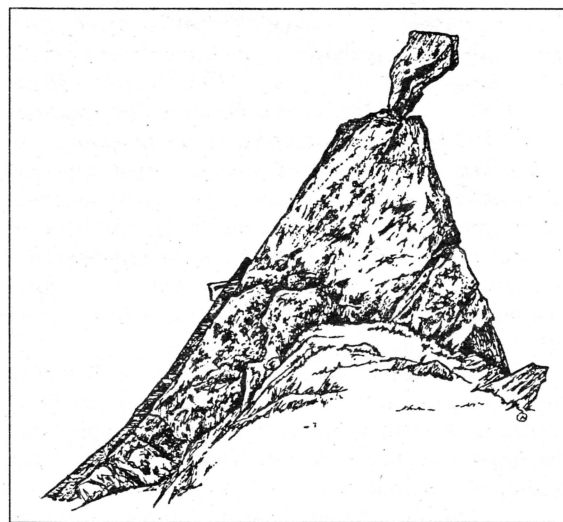


Деревянные идолы о. Вайгач.

1. Святилище горы Большая Болванская
2. Семилкий идол «Вэсако», святилище горы Идолы
3. Святилище горы Идолы



Святылище в верховьях реки Сармик



Каменные идолы о. Вайгач

Святылище «Заяцкий камень»

шали небезопасный путь из Архангельска, Шуи, Сумского Посада и других сел Беломорья, чтобы осенью, с началом ледостава, вернуться домой с богатой добычей. Зверобои добывали моржа, тюленей, белух, заготавливали шкуры и сало. Ворвань, сало и жир морских зверей вывозили отсюда в бочках. Особо ценился на ярмарках Архангельска, Пустозерска и других северных городов «рыбий зуб» — моржовый клык. Остатки многовековой культуры поморов на Вайгаче до сих пор сохранились в виде далеко заметных невооруженным глазом каменных кладок-гуриев и остатков, а то и целых, приметных крестов. Этими простыми инженерными сооружениями опытные поморские кормщики помечали опасные мысы и скрытые под водой камни у берега, места стоянок судов и богатые промыслы, закрепляли за хозяином промысловые участки.

Кроме них на Вайгач приезжали купцы — «русские-пустозеры» с низовьев Печоры. Сами они здесь не охотились и не рыбачили, а нанимали ненцев, которые пасли стада оленей, добывали морского зверя и ловили омуля. Купцы вели с ними натуральный обмен — за продукты промыслов (пушнину, моржовые и тюленьи шкуры, ворвань, моржовый клык, рыбу и т.д.) ненцы полу-

чали порох и боеприпасы, сети для рыбной ловли, продукты (чай, муку, крупу, сахар), необходимую домашнюю утварь и т.д. Ежегодно весной, в апреле, пустозерские купцы снаряжали караваны из нескольких оленьих нарт, грузили весь предназначенный для обмена товар и отправляли их в нелегкий почти двухмесячный путь через тундру к Югорскому Шару. На берегу пролива стояла Никольская церковь, а вокруг нее было небольшое поселение. Прибыв сюда еще по снегу, приказчики перебирались по льду пролива на нартах или по воде на лодках на Вайгач, объезжали остров, собирая продукцию осенне-зимних промыслов (пушнину, шкуры, моржовую кость). Жили здесь до осени. Летом из Пустозерска, Мезени и Архангельска приходили на карбасах сами хозяева — купцы. Осенью, после завершения летнего промыслового сезона на берегу

Югорского Шара устраивалась ярмарка, на которую с Вайгача и из материковой тундры съезжались ненцы для обмена рыбы и продукции летних промыслов. После ярмарки груженные суда отправлялись в обратный путь морем, а оленьи караваны выходили уже по замерзшей тундре в конце октября.

Всем хватало места на Вайгаче, всех выручал остров...

Фото автора
и из его архива.



Юрий КЛЮШНИКОВ, г. Туринск Свердловской области

«Российский соловей» в Туринске



А. А. Алябьев

Весь мир знает этот чарующий романс. «Соловья» пели звезды итальянской оперы — дивная Аделина Патти и несравненная Полина Виардо-Гарсиа в сцене вокального урока в опере Россини «Севильский цирюльник» и в концертах. Блистательное переложение этого романса для

фортепьяно сделал великий венгерский композитор и пианист Ференц Лист. Самые лучшие оперные и камерные певцы планеты и поныне считают за честь исполнять алябьевского «Соловья»...

Мало кто знает, что Туринск, пожалуй, единственный город на Урале, где «Соловья» исполнил сам автор.

1828-й год. Городок на Туре пестрит афишами. В народном доме для зрелищ — концерт тобольского композитора Александра Александровича Алябьева. В программе — вокальные сочинения, оперная, балетная, камерно-инструментальная и театральная музыка. Исполняет большой тобольский оркестр (три хора и сто музыкантов). Концерт почтили своим вниманием городничий, чиновники магистрата и Думы, влиятельные люди всех туринских сословий. Талантлив сынок бывшего тобольского наместника. Наслышаны о его столичных успехах. Посещением концерта есть повод выразить признательность батюшке композитора — статскому советнику Алек-

сандру Васильевичу Алябьеву, поборнику просвещения и культуры.

Наряду с Тобольском, он создал театр и в Туринске. Здесь ежегодно дают по сорок спектаклей. Разрешил правитель наместничества тобольским актерам каждый год после премьеры в Тобольске ставить и в Туринске новые драмы, оперы, комедии. Вот и концерт «российского соловья», по сведениям правления туринского городничего за 1828 год, вызвал интерес у публики. Звучали алябьевские произведения: фрагменты из оперы «Лунная ночь, или домовые», номера из балета «Волшебный барабан, или следствие Волшебной флейты», куплеты к оперетте М. Загоскина «Деревенский философ». И, конечно же, алябьевские романсы на раннюю лирику Пушкина. Восторженно встретила публика знаменитого «Соловья» на стихи А. Дельвига, поэта и друга Пушкина. Как отмечает чиновник правления туринского городничего, сей романс «автор-композитор Алябьев пел с большим чувством в сопровождении скрипок оркестра» заключительным номером концертной программы.

Композитор А.А. Алябьев, находясь в зените славы, не по своей воле оказался вновь в Тобольске, где родился сорок один год назад в 1787-м — в год приезда отца в Тобольск наместником. Восемилетним ребенком (в 1795-м году) родители увезли его из Тобольска в Астрахань, куда отец был назначен губернатором. И с тех пор ничто не предвещало возвращения автора «Соловья» на малую родину. Скорей наоборот. Блестящая столичная карьера ожидала сына просвещенного екатерининского вельможи и родственницы известного просветителя Н.И. Новикова. Отец — Александр Васильевич — покровитель печати, заядлый театральный и библиофил, привил мальчику любовь к литературе и искусству. Мать — Анна Андреевна, хорошо игравшая на фортепьяно, дала музыкальное воспитание.

Молодой Александр своим ярким музыкаль-

ным дарованием рано обратил на себя внимание высшего света. По словам заводчика салотопенного предприятия купца 3-й гильдии Петра Дворникова, туринаского приятеля Алябьева, композитор рассказывал ему, как общение в Петербурге с автором бессмертной комедии «Горе от ума» А. Грибоедовым, а также с драматургом, членом Российской академии князем А. Шаховским вдохновило его на сочинение театральной музыки.

С 1823 года началась активная творческая жизнь в Москве. «Александр Александрович, — продолжает Дворников, — сотрудничал в водевилях автора «Аскольдовой могилы» А. Верстовского, А. Маурера, графа М. Виельгорского — виолончелиста и музыкального деятеля». В великосветских салонах звучали алябьевские романсы «Я вас любил», «Увы, зачем она блистает», «Зимняя дорога» на стихи Пушкина. «Из бесед с Алябьевым, — свидетельствует Дворников, — я узнал, что большое впечатление на общество произвела музыка пролога «Торжество муз», написанная Алябьевым совместно с Верстовским к открытию Большого театра в Москве. Удивительной признали знатоки музыку, созданную Алябьевым и Верстовским к водевилю Хмельницкого «Новая шалость, или театральное сражение».

А погубила карьеру тоболяка страсть к картам. Картежным азартом были заражены в ту пору многие. Не вылезал из карточных долгов А. Пушкин. Другой поэт — Г. Державин — ночи просиживал за ломберным столиком... Однажды вспыльчивость и горячность за картами подвели композитора. Во время большой игры у Алябьева дома автору «Соловья» показалась нечестной игра партнера-помещика. Он побил несчастного, а помещик возьми да умри. Почти три года шло следствие по делу арестованного сочинителя. В результате он был лишен чинов, орденов, дворянства и сослан в Тобольск.

Тобольская аудитория, хотя и многочисленная, оказалась недостаточна для кипучей творческой деятельности «тобольского Россини» — так называл Алябьева его современник П. Словоцов — историк Сибири, поэт, публицист, просветитель. Талант нуждался в «понимающем, чутком слушателе». И именно такого он нашел в Туринске среди художников-иконописцев, мастеров-ремесленников, политссыльных и образованного купечества. Документы фонда городнического правления 20-х годов XIX века из Тобольского

филиала Тюменского областного государственного архива (ТФТОГА) свидетельствуют: Алябьев в период своей тобольской ссылки неоднократно выступал с концертами в городке на реке Туре. Это подтверждал и сам композитор: «Я стараюсь бывать в Туринске по возможности чаще, ибо нахожусь здесь благодарного слушателя, способного постигать глубины настоящего музыкального искусства».

Алябьев едва ли не первый познакомил туринцев с произведениями западноевропейских музыкальных классиков — Моцарта, Бетховена, Россини и крупнейших русских музыкантов начала XIX века — Верстовского, Глинки, Варламова, Гурилёва. Об этом говорят очевидцы. Их «отзывы» я нашел в том же архиве — в фонде туринских городских сословий первой половины XIX века. «Концерты господина Алябьева в Туринске, — вспоминает владелец туринской мыловарни мещанин Василий Топорков, — всегда были самым крупным событием в музыкальной жизни города и неизменно проходили при большой публике».

Наряду с европейской и отечественной музыкальной классикой признание туринцев получили сочинения самого Алябьева периода тобольской ссылки. По словам туринаского купца второй гильдии Дмитрия Онуфриева, «успех у туринской публики» имели написанные в ссылке «Тихий марш» и «Печальный марш», 1-ая симфония, три «Польских», а также сочинение «Сын Сибири отдаленной» на стихи местного тобольского поэта, гвардии штаб-ротмистра И. Черкасова, написанное в честь приезда знаменитого немецкого ученого А. Гумбольдта в Тобольск в августе 1829 года. Алябьевская духовная музыка звучала на богослужениях в туринских храмах — Свято-Николаевском девичьем монастыре, Покровской, Спасской и соборной Крестовоздвиженской церквях. Смотры войск туринаского гарнизона, казачьей, инвалидной команд Туринска не обходились без алябьевской полковой музыки.

Занимаясь с созданным оркестром и в кружке молодых тобольских поэтов, композитор позволял себе, по старой привычке, азартную картежную игру. В частности, не имея при себе достаточно денег расплатиться по карточному долгу с поставщиком кирпича — туринаским купцом Петром Бакулевым, Алябьев заложил ему «с правом выкупа» в счет «долга чести» автограф (авторскую нотную запись) романа «Прощание с соловьем на севере» на слова тобольского по-

эта И. Веттера. Об этом говорит долговая расписка Алябьева купцу Бакулеву из фонда туринаского купечества 20-х годов XIX века. Нотную рукопись свою автор впоследствии выкупил, вернув купцу 35 рублей серебром.

В ссылке Алябьев находился под полицейским надзором. Слежка продолжалась и в Туринске. Летом 1830 года служитель канцелярии туринаского городского полицейского управления доносил в Санкт-Петербург всеильному шефу жандармов начальнику 111 отделения графу А. Бенкендорфу, что «господин Алябьев предерзостно отзывается о государе-императоре, обвиняя его императорское величество в своей несчастной доле». Далее доносчик уведомляет, что композитор в разговоре с друзьями, знакомыми, каковые у него были в Туринске, неоднократно сетовал, что «государь-император доверился небрежному следствию и клеветническому навету на него родственников умершего помещика, тогда как кончина оно, по словам Алябьева, есть случайное совпадение с обстоятельствами картежной ссоры и не могла никак воспоследовать вследствие нанесенных ему Алябьевым легких побоев».

Забегая вперед, отметим, что в энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона (1890 год) этот эпизод назван «несчастливым происшествием». А современная историография считает обвинение ложным. Но вернемся к доношению канцеляриста из архивного фонда третьего отделения секретной его императорского величества канцелярии в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР). Доносчик сообщает, что «г-н Алябьев называет государя-императора жестокосердным». Дескать, ни за что провел композитор почти три года в тюремном заточении, откуда шло следствие, и упекли бы подсудимого несправедливым судом в сибирский острог или на каторгу, кабы не заступничество дяди — Ивана Васильевича Алябьева, сенатора, президента Берг-коллегии, главного директора горного корпуса и межевой канцелярии, перед царем. И кабы не заслуги рода Алябьевых. В

XVI веке предок маэстро — тоже Александр, выходец из Польши, пожалован был великим князем московским Василием Ивановичем деревенькою в Муромском уезде. Служили Алябьевы в воеводах, стольниках, а Григорий Андреевич был даже послом в Нидерландах.

«Счастлива ваша звезда: вы отделались ссылкой, — объявил Алябьеву Бенкендорф монаршую волю. — Государю нравятся ваши водевильи. Он снисходителен к вам». Но и эта монаршая милость казалась Алябьеву унижительной, поскольку он «проучил помещика во имя чести и справедливости» и посему «никакой вины за собой не видит». Туринскому городничему в дружеской беседе Александр Александрович сказал, что врача, дававшего медицинское заключение о смерти помещика, вероятно, подкупили родственники покойного, поскольку доктор почему-то связывал летальный исход с легкими ушибами от алябьевского рукоприкладства. Да и свидетели, по-видимому, тоже подкупленные, оклеветали его в суде — на радость недругам и завистникам композитора. Картежную алябьевскую страсть суд расценил как «порочное поведение» обвиняемого, что сыграло не последнюю роль при вынесении приговора.

«Тобольский Россини» тяготился ссылкой. Снедала тоска по столичной жизни. Поселенец донимал правительство прошениями (то же делали и его родственники) — разрешить композитору проживание в Москве. Но добился лишь перевода на Кавказ. Царь не простил ему «предерзостных высказываний». Туринские доносы еще долго выходили опальному боком.

После Кавказа поднадзорный жил в Оренбурге, потом — в Московской губернии. Лишь с 1843 года он в Москве (вначале под надзором полиции). В 1832-м Алябьев покидает Тобольск навсегда. Но за четыре года тобольской ссылки мастер русской вокальной лирики успел внести «достойный вклад» в дело музыкального просвещения жителей городка на реке Туре. Дальнейшая жизнь и творчество «российского соловья» — это уже другая история.



Юрий ДУНАЕВ, г. Первоуральск

Каменка или Усть-Утка?

Загадка, которую нам задал Мамин-Сибиряк

В творческом наследии уральского писателя особое место занимает очерк весеннего сплава по реке Чусовой «Бойцы». Начало связывается у читателя с современной деревенькой Каменкой, что расположена при впадении в Чусовую одноименной речки на территории муниципального образования «Город Первоуральск».

Кроме того, на одном из домов в деревне до недавнего времени висела мемориальная доска, сообщавшая о посещении деревни Д.Н. Маминим-Сибиряком.

Я внимательно перечитал «Бойцы» и убедился, что действительная Каменка и «маминская» Каменка, описанная в очерке, — совершенно разные населенные пункты.*

Первое, что насторожило, это подлинное расположение и описание деревни в очерке. Мамин-Сибиряк пишет: «Каменка — одна из нижних (подчеркнуто мною. — Ю.Д.) чусовских пристаней, раскинула свои полтораэтажных изб по крутому правому берегу в углу, который образовала с Чусовой бойкая горная речка Каменка».

В действительности наша Каменка расположена на левом берегу Чусовой и находится в верхнем течении реки.

Далее автор описывает вид из окна «на реку и на пристань... и на красовавшуюся вдаль двухэтажную караванную контору, построенную на самом юру, на стрелке между Каменкой и Чусовой». Сравнивая расположение двухэтажного дома в современной Каменке с описанием автора, следует заметить, что дом, который ошибочно принимают за караванную контору, стоит под угором, а не на юру.

Причем строился дом в начале XX века, что подтвердил бывший житель Каменки Серафим Мичуров. Босоногим мальчишкой он бегал по срубам дома в 20-х годах. Первоначально в нем располагалась контора лесопилки, потом — правление колхоза «Авангард».

«Гавань устроена, вероятно, из островка или песчаной косы, которая образовалась в устье Каменки», — пишет Мамин-Сибиряк. Подобного островка в устье Каменки нет.

*Первым историческую ошибку обнаружил и печатно заявил о ней другой наш автор — ученый-географ Е.В. Ястребов (см. его публикацию «История одного досадного недоразумения» — «Урал», 1983, № 3, с. 143). Однако истина не сразу «овладевает массами». Вот почему мы публикуем статью Ю. Дунаева, содержащую более основательные аргументы. — Ред.

В одной из глав автор сообщает о возникновении деревни: «Каменка — название исторического происхождения». Он приводит строки из летописи. В XVI веке шла ожесточенная борьба за обладание причусовскими землями. Сибирские татары не хотели без боя уступать свои земли русским. Нередко, собрав воинственных сородичей, они нападали на русские слободы и городки, сжигали их. Один из таких набегов был совершен в 1573 году. Брат сибирского султана Маметкул напал на строгановские поселения и разграбил их. В ответ на погром Строгановы послали войско. «Строгановские казаки поднялись вверх по реке Чусовой верст на триста (подчеркнуто мною. — Ю.Д.) и остановились только при впадении в Чусовую реки Каменки».

Если строгановские казаки выступили из Чусовских городков вверх по Чусовой, то они дошли не до нынешней Каменки, а до реки Межевой Утки, которую казаки наименовали Каменкой. Великое множество рек с таким названием течет по России. Единственный широко распространенный признак, который служил мотивом присвоения названия реке — каменистое дно.

Устье Межевой Утки находится от Чусовских городков на расстоянии 260 километров, что соответствует маминскому тексту: «верст на триста». Расстояние же от Чусовских городков до современной Каменки составляет не триста, а более четырехсот верст.

Следовательно, наиболее выдвинутым вверх по реке Чусовой русским форпостом в XVI веке был населенный пункт, заложенный казаками в устье довольно крупного притока Чусовой, — современное селение Усть-Утка, расположенное в устье реки Межевой Утки.

Об этом Мамин-Сибиряк пишет в другом очерке весеннего сплава — «На реке Чусовой»: «Межевая Утка — название историческое. Она была основана за несколько лет до знаменитого похода Ермака в Сибирь, в 1582 году, и представляла собой крайний пункт русской цивилизации в этой вогульской стороне».

Каменкой реку назвали строгановские казаки, обратив внимание на ее каменистое русло. Но до прихода казаков на берегах реки обитали тюркские народности. Они называли реку Ут. Со временем русские вернули реке прежнее имя, назвав ее Уткой. В первой половине XVIII столетия по этой реке прошла граница между владениями Строгановых и Демидовых. Реку стали именовать Межевая Утка, то

есть пограничная, разделяющая владения двух промышленников.

Посмотрим на карту Чусовой. Нетрудно убедиться, что речка Каменка вливается в Чусовую под прямым углом и никакой стрелки не образует. Подобную стрелку можно отметить только в Усть-Утке, где в прошлом остановились строгановские казаки и «на усторожливом местечке, при впадении реки Каменки в Чусовую» основали селение. «Последовавшей затем царской грамотой вся завоеванная сторона отдана Строгановым вплоть по реку Каменку»: Эта выдержка свидетельствует о том, что под Каменкой подразумевается именно Межевая Утка.

А на месте нынешней Каменки в XVII веке не было не только пристани, но и селения с таким названием. В «Пермской старине» А. Дмитриев отмечает, что в 1681 году над речкой Каменкой была деревня Фомина в два двора. Административно деревня относилась к Чусовской слободе.

Документы свидетельствуют о появлении селения Каменки в более позднее время. В 1729 году на речке Каменке закончили строить «плотину и мельничный пильный амбар с двумя станами на одном водяном колесе». Как пишет В.И. Геннин в книге «Описание Уральских и Сибирских заводов», близ пильной мельницы стояла одна изба с сенями для житья работных людей. Жителей здесь было два пильщика с тремя учениками.

В генеральном описании заводов, составленном

Берг-коллегией в 1797 году, отмечено, что при Каменской лесопильной мельнице стояло шесть домов мастеровых, в которых проживала 51 душа обоего пола.

Но не было ни пристани, ни судоверфи. Для устройства судоверфи и пристани необходима немалая территория. В Каменке же плотина построена в двадцати сажнях от русла Чусовой. Под плотиной выстроена пильная мельница. Где же тут расположить судоверфь или гавань? К тому же следует учесть габариты уральской барки: их строили длиной в 18, шириной в 4 сажени. Сажень равна 2, 13 м, значит, длина барки будет 38, 34 м. Едва ли такая громадина поместилась бы в Каменском устье, которое зажато крутыми каменистыми берегами. А ведь Мамин-Сибиряк отмечает, что караван состоял из нескольких барок. Здесь распиливали лес для строительства барок на Уткинской казенной пристани. До пуска Уральской горнозаводской железной дороги (1878 год) Уткинская казенная пристань оставалась основной для сплава продукции казенных заводов.

В XVIII-XIX веках крупная судоверфь и пристань имелась в Усть-Утке. Есть все основания утверждать, что Мамин-Сибиряк именует селение Усть-Утку по-старому Каменкой. В этом нет ничего противоестественного. В художественных произведениях автор имеет право на подобные «вольности», преподнося читателю обобщенный образ чусовских пристаней. Замечу, что в произведениях



Река Чусовая. Дарьинский пережат у Уткинского завода (ныне Староуткинский)

Мамина-Сибиряка частенько встречается название Каменка.

Близкое знакомство писателя с Усть-Уткой подтверждается документально. Ближайшей пристанью от Висимо-Шайтанского завода — родины писателя — была Усть-Уткинская пристань, расположенная в 20 верстах. Отсюда он сплавлялся по Чусовой, будучи еще семинаристом и в более позднее время.

О начале маминского путешествия по реке Чусовой с Усть-Уткинской пристани свидетельствует такой факт, как описание береговых скал. В двенадцатой главе он пишет: «Самая гористая часть Чусовой находится между пристанями Демидовой Уткой и Кыном. Мы теперь плыли именно в этой живописной полосе... Самые опасные переборы, вроде Кашкинского, сделались еще страшнее в полуиюль, потому что здесь течение реки сдавлено утесистыми берегами».

Но разве до Кашкинского перебора, если следовать из Каменки, не было опасных мест? А переборы Ревень, Дарьинский, Нотихинский, Волеговский? Они наиболее длинны и круты, остаются заметными и под весенними водами. Однако они не нашли отражения в «Бойцах» по той причине, что писатель по ним не проходил.

Если бы Мамин-Сибиряк сплавлялся от Каменки, то, безусловно, не упустил бы возможности опи-

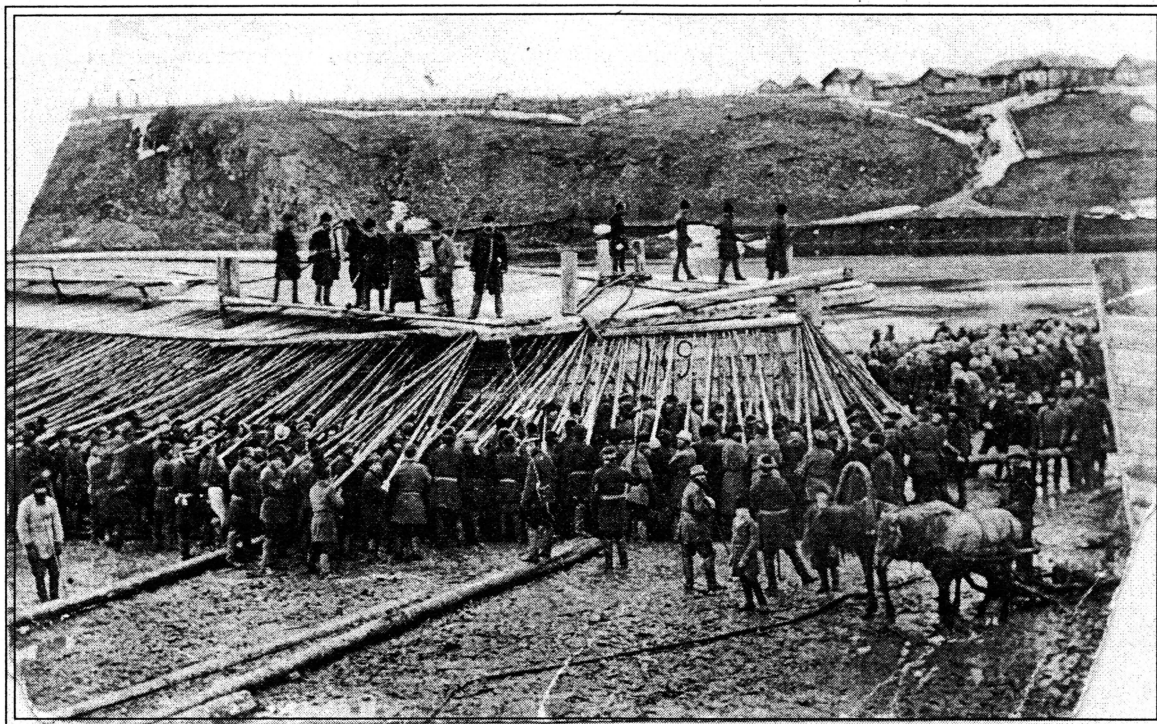
сать «боец» Шайтан и опасные камни Висячий и Сокол, расположенные близ Нижнего Села. Разве не привлекли бы внимание писателя камни Гребешки, Винокуранный, Богатырь, Максимовский?..

Далее автор отмечает: «Из встречавшихся по пути селений больше других были пристани Межевая Утка и Кашка». Но, если бы он отправлялся из Каменки, то прошел бы мимо таких крупных селений как Уткинский завод (ныне Староуткинск) и Шайтанский (ныне село Чусовое). По сравнению с этими селениями ни Усть-Утку, ни Кашку никак не назовешь крупными. В 1869 году, когда Мамин-Сибиряк сплавлялся впервые по Чусовой, в Уткинском заводе (Утка Демидова) было 749 дворов с 3068 жителями, тогда как в Усть-Утке насчитывалось всего 62 двора с 279 жителями.

Еще факты из произведения: «Караванный просил Осипа Ивановича немедленно отправить нарочного в Тагил, чтобы купить там омаров и несколько страсбургских пирогов», — пишет автор. И тут же поясняет, что от пристани до Тагила 70 верст. На таком расстоянии как раз и находится Усть-Утка.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Д.Н. Мамин-Сибиряк не сплавлялся из Каменки, а под этим именем описал Усть-Уткинскую пристань.

*Фото В.Л. Метенкова
(из фондов музея фотографии).*



Река Чусовая. Спуск барок в Уткинском заводе

Нина АРХИПОВА, Екатеринбург

Первый географ Урала

Труды Татищева стали известны науке через два столетия



В.Н. Татищев. Рис. П. Борель. Резал на дереве К. Вейерманс портрета, находившегося на выставке 1870 г.

Роль В.Н. Татищева в развитии отечественной географии еще недостаточно раскрыта. Его основные географические труды были опубликованы лишь в 1950 году, спустя два века после смерти ученого. А между тем географические исследования Татищева на Среднем и Южном Урале сделали этот край в первой половине XVIII века наиболее изученными по сравнению с другими районами России. Ему принадлежит важное географическое открытие: он рассматривал Уральские горы как обширную горную систему — «знатнейшую во всей Российской Империи». Он также ввел в науку термины «Урал» и «Уральские горы» и проводил по этой горной стране границу между Европой и Азией. Татищев явился одним из основателей городов Екатеринбурга, Перми и Челябинска.

На Урале В.Н. Татищев посетил обширную территорию, которую мы называем Средним и Южным Уралом (части Пермской, Свердловской, Челябин-

ской, Оренбургской областей и Башкирию): от Чердыни, Соликамска и Верхотурья на севере — до Орска, Оренбурга и Соль-Илецка на юге; от реки Камы и Кунгура на западе — до Ирбита, Тюмени и Тобольска на востоке.

Разъезжая по Уралу и части примыкающей к нему Западной Сибири по служебным делам, Василий Никитич примечал и особенности природы, интересовался происхождением и «добротой» (качеством) полезных ископаемых, и в последствии дал классификации солей, медных и железных руд. Его интересовала жизнь местного населения — башкир, татар, зырян, калмыков и др., о чем мы можем прочитать в его известном «Лексиконе Российском...» (Татищев, 1793, 1979) и в работе «Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи» (Татищев, рукопись 1744, публикация 1950).

О разнообразии его интересов можно судить по книгам на польском, немецком, латинском, позднее французском языках, которые он начал собирать за границей с 1713 года. Это были книги по истории, военному делу, геологии, геометрии, географии, медицине и пр. С первых дней приезда на Урал, наряду с основной своей работой, он занялся поисками старинных книг и рукописей XVI-XVII веков, особенно в монастырях и среди старообрядцев.

На Урале, в Кунгур, Татищев (вместе со своим помощником «пробирных дел мастером» саксонцем И.Ф. Блиером и первыми русскими специалистами горного дела — И. Патрушевым, Я. Бривциным, Н.Шаламовым и Л. Зуевым, привезенными им из Петербурга) прибыл 30 июля 1720 года* и сразу же направился осматривать подведомственную ему территорию.

Уже 1 августа им был подписан первый указ: с этого времени ведется история «горной власти на Урале».

Первоначально Татищев собирался осмотреть и изучить медные руды, но жители города рассказали ему о «ходах подземного зверя», который оставляет на поверхности глубокие «рвы». Так Татищев приступил к изучению первого природного объекта на Урале — Кунгурской пещеры.

*Здесь и далее даты даны по старому стилю.

В дальнейшем из Кунгура он предпринял ряд поездок для ознакомления с природой и хозяйством окружающих мест.*

В сентябре 1720 года Татищев посетил Соликамскую (Соликамск) — старинный город, бывший в XVI веке центром управления Пермского края, давнишнюю вотчину Строгановых. Здесь его заинтересовал процесс соледобычи и солеварения. В будущем он познакомится с солеными озерами Зауралья и богатейшим месторождением соли в Соликамской Илецкой Защите. В 1736 году Татищев вторично посетил Соликамск и проехал в Верхотурье — главные ворота в Сибирь и таможенный центр. Путь из Соликамска в Верхотурье проходил через горы и леса, по проложенной в конце XVI века дороге в Сибирь, известной под названием «Бабиновской». Эта поездка привела к мысли, что таможенную и дорожную в Сибирь надо перевести в Екатеринбург. Но Сенат не внял этому разумному предложению. Как известно, дорога от Москвы через Казань — Пермь — Екатеринбург — Тюмень и далее на восток, то есть Большой Сибирский тракт, была официально открыта по указу Екатерины II только в 1783 году.

Из Соликамска в том же 1720 году Татищев проехал далее на север в старинный городок Чердынь. Здесь ему рассказали о «говорящей горе» на реке Вишере, и Татищев поспешил отправиться к ней.

Известный в наше время Говорливый Камень на реке Вишере — огромная красивая известняковая скала, подобная скалам-«бойцам» на Чусовой. В «Лексиконе Российском» под буквой «Е» он так зафиксировал это явление: «Ехо — греч., отзыв или отклик... Оные бывають хитростию архитекторов сделанные и природные (подчеркнуто мною. — Н.А.), как показывает Говорливый Камень».

Это был самый северный объект, посещенный Татищевым на Урале.

Еще более впечатляют разъезды Татищева в 1721 году. Накануне Нового года, в ночь с 29 на 30 декабря, он прибыл на Уктусский завод и в течение января осматривал местность. В своих географических работах он не дает описания реки Уктус и Уктусских гор, но не посетить их он не мог. Татищев понял, что маловодная речка, гористость рельефа и обилие леса, который пришлось бы уничтожать, не годились для строительства крупного завода и нового города. Поэтому в том же январе он послал людей на поиски более полноводной реки, и место было найдено в 6-7 верстах севернее Уктусского за-

вода — на р. Исети. Уже 2 февраля, несмотря на то, что река под снегом была не видна, и стояла морозная погода, Татищев прибыл на указанное место, которое ему понравилось. Исеть делает здесь широкий изгиб, поверхность долины сравнительно ровная, а леса находятся в некотором отдалении от реки, что было немаловажным условием для выбранной им строительной площадки. На Исети стали строить железоделательный завод, а город впоследствии был назван Екатеринбургом (по Татищеву: Екатеринбург). В «Лексиконе Российском» он записал: «Екатеринск... в Сибири, в горах Пояса, на реке Исети, зачат капитаном Татищевым в 1721 году, строить железной завод и зделан город немалой» (Татищев, 1979, с. 272).

Другие разъезды Татищева в том же 1721 году. 14-18 января — осмотр Невьянского завода Демидовых. С 1 по 27 марта и с 4 октября по 18 декабря — поездка в Тобольск: сбор редких рукописей и книг, старинных икон, а главное — деловые разговоры о поставке материалов и солдат для строительства завода-крепости.

Со 2 по 6 мая, а затем со 2 сентября — осмотр Каменского завода и поездка в Далматово. Каменский завод Татищев посещал много раз, как в первый, так и во второй свой приезд на Урал. По своему оснащению тогдашней техникой и качеству выпускаемой продукции (пушки, ядра, посуда и пр.) он считал его «первейшим во всей Сибири», но из-за опустошения лесов в радиусе 30 верст, завод требовал реконструкции, что и было сделано в 1734-1735 годах.

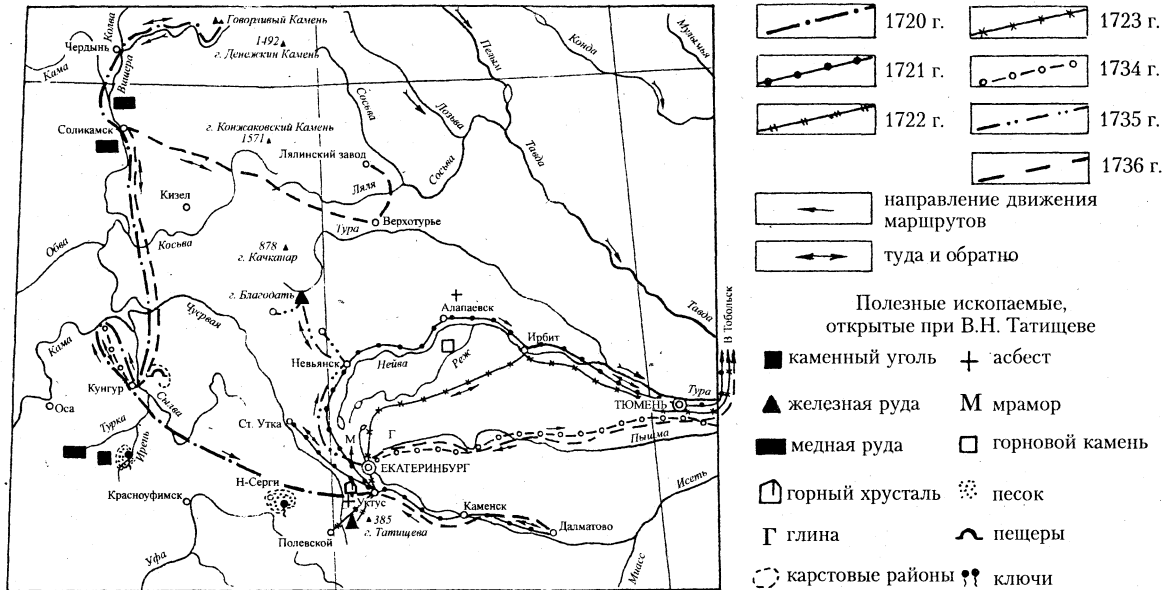
Поездка в Далматовский монастырь (ныне — Курганская область, близ г. Шадринска) преследовала цель поиска старинных книг, рукописей и икон.

С 19 по 25 апреля состоялась его первая поездка на Чусовую в район Староуткинска, там он познакомился с чусовскими пристанями. Тогда же, на свой страх и риск, Татищев ведет строительство грунтовой дороги от Уктуса к реке Чусовой и далее в Кунгур, значительно сокращавшей «узаконенный» путь через Соликамск в Сибирь.

С 7 по 23 июня 1721 года Татищев снова посетил Невьянск, а оттуда проехал на Алапаевский завод и на ярмарку в Ирбит. В феврале 1722 года по тягбе с Демидовым Татищев, как известно, отбыл в Петербург, откуда возвратился уже во второй половине того же года, поступив в подчинение В.И. Геннина. Последний полностью доверял Татищеву — его знаниям и опыту.

По возвращении из Петербурга, в том же 1722 году и в начале 1723-го, Татищев заложил Нижне-Уктусский завод в среднем течении р. Уктуски. Несомненно, для этого он осмотрел эту реку и подни-

*Автором составлена первая карта маршрута Татищева по Среднему Уралу и Зауралью (опубликована в книге Архипова, Ястребов, 1990, вкладка), а также в «Атласе Свердловской области» (Екатеринбург, 1998). Новая карта имеет ряд уточнений и дополнений.



Основные маршруты В.Н. Татищева по Среднему Уралу и Зауралью (составила Н.П. Архипова)

мая на Уктусские горы. Нижне-Уктусский завод достраивался В.И. Генниным, и он же дал ему имя Елизаветинского в честь цесаревны, младшей дочери Петра I — Елизаветы. Это же название получил Елизаветинский пруд и местность вокруг завода — село Елизавет (в настоящее время — Чкаловский район Екатеринбурга)*.

В начале 1723 года В.И. Геннин направил Татищева искать место для строительства Егосихинского завода (будущий город Пермь). Следует отметить, что еще осенью 1720-го Татищев выбрал место на берегу реки Камы при устье речки Егосиха для нового медеплавильного завода. В ноябре 1722-го он показал это место де Геннину, который одобрил его выбор. В мае, июне и июле 1723 года Татищев вновь был здесь, а в сентябре 1734-го присутствовал при закладке плотины на р. Егосихе.

В конце 1723 года Татищев вновь выезжал в Тобольск для переговоров с губернским начальством о пособиях для строительства крепости и завода на Исети. Тогда же вторично, посетил он и ярмарку в Ирбите, о которой в «Лексиконе Российском» записал: «Ирбит — слобода невеликая, в Сибири; Верхотурского уезда, на реке Туре, от Верхотурья вниз

22 версты*, в ней бывает годовой торг с 6 января по 20 февраля; множество купцов из всей Сибири и Руси приезжают сюда».

В свой второй приезд на Урал, снова в должности Главного начальника горных казенных заводов и уже в чине генерал-майора, Татищев вновь посетил знакомые места: Невьянск (1735), Соликамск, Тобольск, Далматово, Каменский завод (1736), а также познакомился с новыми объектами: Нижне-Татильский завод, гора Благодать (1735), р. Ляля, Лялинский завод, Верхотурье (1736) и др. А главное — он принял от де Геннина руководство строительством Исетского завода и крепости, внутри которой появились новые постройки.

В 1734 году осмотрел место и подписал приказ Канцелярии о строительстве Северского железнорудного завода в Полевском районе, где еще в 1722-м им был заложен Полевской медеплавильный завод.

В том же 1734-м Татищев приступил к выбору места и строительству дороги от Екатеринбурга в Тюмень. Когда план дороги, составленный геодезистом М. Куроедовым, был принят, вряд ли Татищев не побывал на будущей трассе — в Пышме или Камышлове.

Разъезжая и знакомясь с новыми местами, Татищев вел «Дневальные записи», весьма подробные, которые несомненно помогли ему в дальнейшем при написании многих работ.

*Здесь Татищев ошибается: город Ирбит, где проходила ярмарка, стоит на р. Ирбит, притоке Ницы, правого притока р. Туры. От Верхотурья до Ирбита только по прямой 160 км.

*Нижне-Уктусский завод одно время назывался Верхне-Уктусским. Дело в том, что в истоках р. Уктуски, там, где теперь пос. Горнощитский, с начала XVIII в. был Верх-Уктусский завод. Но в 1709г. он был сожжен башкирами, считавшими эту землю своей. Лишь в 1722-1723 гг. Татищев, а затем и де Геннин построили здесь крепость Горный Щит, а село, называвшееся Нижним Уктусом, получило название Верхний Уктус (впоследствии — Елизаветинское).



Арсений БОРИСИХИН, Екатеринбург

Мария Первая

Высшую строку рейтинга международных молодежных лидеров ЮНЕСКО России занимает президент клуба «Изумруд» по изучению Мирового культурного наследия, учащаяся 10 класса школы № 5 города Екатеринбурга и выпускница Международной открытой школы Урало-Сибирского центра ЮНЕСКО Мария Вехова. Кто они, молодые юнесковские лидеры? Чем занимаются? Чем живут? В чем сила их?



Мария Вехова

Из широкого бело-желтого зева пещеры Шульган-Таш истекает, не ширясь, язык чистой речки, которая через сотню метров, убегая по склону, на перекатах становится болтливой.

Шаг вглубь, и полная тишина, полный покой, если не вечный... Здесь шаг — век, здесь шаг — тысячелетие.

Час шестивия, почти на ощупь, по сыро-стекающим склонам, и Мария видит алые, красные, охровые (под лучом фонарика) прелестные очертания дикой лошади. Ее нарисовали там 12 тысяч лет назад...

Мария знает, что пещера эта — кандидат на внесение в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО; знает, что открытие древних рисунков здесь было сенсацией, Ибо считалось, что такие рисунки времен палеолита существуют только в центре Европы, в пещерах Альтаира (крово-охровый бизон на тонких балетных ножках), а тут Урал; знает, что доклад о пещере Шульган-Таш представляет ЮНЕСКОВский лидер, уже аспирант Международной открытой школы, Инсаф Иксанов, башкир, крепыш, с сильным, гортанным, как у акына, голосом (он тут же, рядом, в пещере).

Как прекрасно все у башкир: курай, кумыс, Шульган-Таш, эпос Урал-Батыр, Салават Юлаев. Конкретная, точная, понятная культура. Тысячелетняя.

Именно Башкортостан выбрали в тот юбилейный, 2000 год, местом проведения конференции международных молодежных лидеров, при содействии ЮНЕСКО и Информцентра ООН, «Мир в наших руках» в рамках реализации программы Всемирного десятилетия «Культура мира». Двадцать докладов прозвучало на конференции. Со всей большой России. О мировой культуре. О природе планеты. О самом дорогом.

Марии Веховой в это лето было пятнадцать лет. Ее доклад «Океан — колыбель человечества» попал в тройку лучших.

После конференции, победной для Марии я спросил ее, еще не отошедшую от четырех минут выступления с трибуны:

— Волновалась?

— Море тоже волнуется. Еще как волнуется, — сказала она.

Но как сказала! Сказала, просияв.

Это её лицо я уже видел так просиявшим — на Кипре, в летнем лагере ЮНЕСКО, где возможно и мелькнула у нее мысль заняться мировым океаном, культурами, природным наследием планеты...

Ветка Средиземноморья, как спелая гроздь мирового океана отодвинула все впечатления. Именно здесь, в древнем греческом поселении Пафосе, свидетеле 9000-летней истории острова, где у морского берега, как свидетельствует миф, из морской пены появилась сама богиня красоты и любви — Афродита, проходил летний лагерь ЮНЕСКО. Только в 1961 году совершенно случайно наткнулись археологи на остатки фундамента. А под ним — культура целой цивилизации... Есть еще что открывать в мире.

Мария видела, как молодые матери на месте храма ставят свечи Деве Марии. Чтоб было молоко для младенцев. Кто знает, не от поклонения ли это самой Афродите?

— Маша, — заметил я, — смотри из какой дали плывет твое имя.

— Наша родословная еще дальше, — снова просяла она.

Маша уже думала о поразившем ее океане. Тогда уже решила изучать океан. Над Уралом ведь, очень давно тоже был океан. Мы живем на его дне, каменистом, полном тайн.

Она так и начала свой доклад на конференции в Арском Камне под Белорецком, о великом океане земли, изученном всего на пять процентов, как возможной неисчерпаемой кладовой всех ресурсов человечества в будущем...

На сцену мы, победители конференции международных молодежных лидеров ЮНЕСКО «Мир в ваших руках», вышли трое. Мы с Амиром поставили Машу в центре. Ибо она стала абсолютным победителем. Марией Первой. Через полгода ее выбрали президентом клуба ЮНЕСКО. Она получила титул лучшего молодежного лидера России 2000 года. Выиграла еще две Международные конференции. Клуб «Изумруд» победил на международном конкурсе сайтов, тема сайта — «Культура Урала». Уже нынче, в июле закончившейся Европейской

встрече Международных лидеров ЮНЕСКО в Варне доклад Марии Веховой «Океан — колыбель человечества» признан лучшим в номинации «Мировое культурное наследие».

— Маша, — провоцирую ее на очередной мудрый ответ, — как ты успеваешь везде?

— Просто. Дели сутки не на 24 часа, а на 1440 минут. Вон сколько их появляется. На все и хватит!

Ну что тут скажешь...

От редакции: Мария Вехова и все двадцать победителей Европейской встречи Международных молодежных лидеров отныне — подписчики «Уральского Следопыта».

Дорогие читатели, если у Вас возникнут вопросы к Марии Веховой, то вы можете обращаться на электронный адрес: info@uralstalker.ekaterinburg.com для ЮНЕСКО. Если Вы захотите подписаться на журнал «Уральский Следопыт» в международном пункте подписки Урало-Сибирского центра ЮНЕСКО России, адрес тот же.



У памятника Салавату Юлаеву в Уфе. Маша Вехова — вторая слева.

Уважаемый читатель!

Я понимаю, что весь объем предоставляемой мною информации об УСЦ ЮНЕСКО может не удовлетворить всех ваших ожиданий. Поэтому у меня возникла идея создания небольшой под рубрики, в которой Вы могли бы задать вопросы касающиеся не только УСЦ, но и ЮНЕСКО в целом.

Андрей ПЕРЕПЕЛИЦЫН, г. Калуга

Все ли на Земле открыто?

Собиратель тайн протягивает руку любопытным

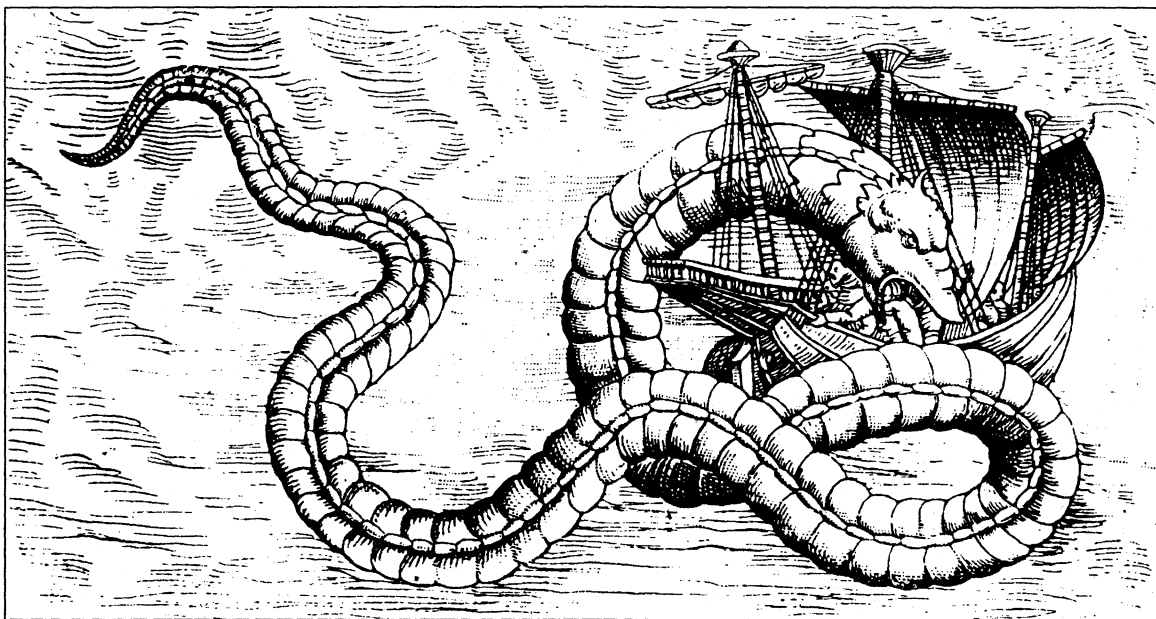
Собирательский инстинкт силен у многих представителей homo sapiens — и удовлетворяют его по-разному: коллекционированием марок, кактусов... вплоть до пивных пробок! Мое собрание несколько иного рода — я выискиваю сведения о существующих рядом с нами чудесах и тайнах.

Начало было положено еще в школе — как вызов неромантическим заявлениям учителей и учебников, что планета наша в основном открыта и изучена, а Великие Открытия, если и совершаются, то в глубинах Космоса, атомного ядра или, на худой конец, океана. Стремясь опровергнуть эти скучные постулаты, я вскоре с удивлением убедился, что часто буквально рядом с нами (только руку протяни!) живут удивительные вещи, способные вызвать научный переворот. Никто, однако, руки не протягивает.

Спросите любого историка — известны ли ему славянские языческие изваяния на территории России? Почти наверняка ответ будет отрица-

тельным. Даже авторитет в этой области — академик Рыбаков в монографии «Язычество Древней Руси» восстанавливает облик наших древних богов косвенными методами. А между тем в Рославльском (Смоленская область) и Козельском (Калужская область) краеведческих музеях экспонируются «крестовидные идолы» — грубо высеченные из камня человекоподобные фигуры почти метрового размера. Однако в историческую науку они не введены, а научные сотрудники обоих музеев даже не знают, откуда приволокли к ним эти древние статуи. Упоминаний же о затерянных в лесах и лугах культовых камнях (иногда обработанных и с рисунками) десятки! Мало того, есть сообщения о сложных комплексах, возведенных из гигантских камней. Например, в столетней давности номере «Калужских губернских ведомостей» я прочел такие слова анонимного журналиста (цитирую в сокращении):

«Живя в Козельске, я слышал, что в глуши леса существует каменная постройка. заинтере-



Морская змея в 300 футов, пожирающая матросов.

По рисунку Олафа Магнуса

совавшись, я решил лично посмотреть это место. С первого взгляда видно, что постройка эта существует с незапамятных времен, а теперь осталось только подобие дома. При осмотре невольно берет раздумье, как можно было выстроить стену из камней, поднять каждый из которых, кажется, не в состоянии тысяча человек. Предположить же что-либо самородное никак нельзя, так как ясно видно, что сооружение сделали при помощи искусственных сил».

Разумеется, я посетил названный район и, как поведали местные жители, опоздал: в 1953 году каменные сооружения взорвали на щебенку... Однако в моем архиве есть сообщение об аналогичном сооружении из огромных камней в Астраханской области. Дорога из каменных плит упоминается в фольклоре Симбирской губернии... Официально же существование «российских стунхенджей» не признано — архелологи продолжают копать черепки, а в школьных учебниках дохристианская история Руси занимает всего несколько страниц. Жили, дескать, какие-то темные пастухи и землепашцы, а потом позаимствовали у греков новую веру и раз — сразу создали высокую культуру...

Что уж говорить о вещах более сенсационных и скандальных. Вот в Чувашии, по рассказам сельских аборигенов, есть затерянное в лесах глухое озеро, на котором каждую ночь можно видеть погибающий в трясине отряд белогвардейцев. Скептики на подобные байки хмыкают, парапсихологи, обозвав явление «хрономиражом», иногда упоминают его в своих лекциях, и никто из «образованных» не попытался сходить на озеро и убедиться в истинности или лживости «байки». Спор идет на уровне «верю — не верю». Между тем, подтвердись хоть один из таких слухов — физика получила бы новый объект для исследований, которые, возможно, привели бы к новым технологиям получения и хранения информации...

Еще пример. Откроем книгу известного нашего писателя-аномальщика Н. Непомнящего «Странники вселенной». В ней цитируется письмо жителя башкирской деревушки:

«В деревне, где я родился, творятся чудеса. Садятся объекты за лес, поднимаются и исчезают. Ходят существа ростом 4-5 метров, спрашивают, по какой траектории им попасть в Швейцарию»... и т.д. и т.п. Автор книги принимает сногшибательные факты как одно из доказательств реальности аномальных явлений, большинство его чи-

тателей, несомненно, посчитают письмо шуткой или творением шизофреника — и никто (насколько я знаю) с момента выхода книги и не подумал съездить в Башкирию и узнать: что за чудеса там творятся.

А вот шанс сделать открытие в области зоологии. В приднестровских селах испокон веков рассказывают о встречах с гигантскими змеями, четырех-пятиметровой длины (что более чем в два раза превышает «рост» известных здесь видов пресмыкающихся). В прошлом году мы с друзьями посетили одно из сел — и встретили очевидцев, видевших «суперзмей» совсем недавно, в начале лета. Между прочим, кормовая база по берегам, практически не посещаемых людьми, богатая — так что неизвестная науке крупная змея здесь вполне может обитать и оставаться почти незамеченной.

Попробуем разобраться, почему проверкой столь интригующих сообщений ученые не занимаются. Обычно полагают, что дело в традиционном консерватизме академической науки, избегающей скандальных ее ответвлений, таких как криптозоология или уфология. Вряд ли, однако, дело лишь в этом.

Возьмем спелеологию — в существовании пещер, в том числе и практически неизвестных, не



«Жилище» или ... ракета?

сомневается никто. Тем не менее, в родной моей Калужской области, на окраине старинного поселка любой местный житель покажет обвалившийся вход в пещеру. Старожилы говорят, что еще до войны, пацанами, лазали в подземелье — и попадали в длинную пещеру, покрытую сталактитами и сталагмитами, минимум полукилометровой длины (до конца никто не доходил). Безусловно, обнаружение красивой «обнатечной» пещеры в 160 км от Москвы наделало бы шуму в прессе, но в геологии переворот и сенсацию это открытие не вызовет (я консультировался со специалистами). Расчистить заваленный вход несложно, однако, не то что ученые, а даже туристы-спелеологи предпочитают посещать уже известные и многократно пройденные полости.

Так что одна из причин «невнимания» к недоверным сообщениям — в невысокой вероятности их подтверждения. В самом деле: спортсмен-пещерник, безусловно, предпочитает провести долгожданный отпуск в уже проверенной и хотя бы частично освоённой пещерной системе, чем станет раскапывать оползень, за которым может ничего и нет: «мало ли что деды придумают...». У археологов есть даже ругательное определение: «заниматься кладоискательством». Хотя, казалось бы, что плохого в том, чтобы проверить хотя бы правдоподобные сведения о казне Наполеона?

Каков же выход? В идеале, конечно, Академия Наук должна была бы организовать исследовательскую группу, целенаправленно занимающуюся

полевой проверкой недостоверной информации — нельзя не заметить, что методологически поиск и «снежных людей», и подземелий, и всего перечисленного и не перечисленного схожи и не требуют узкой специализации. Однако, в наше время, это предложение нельзя рассматривать всерьез. Надеяться можно только на энтузиастов, так называемых сталкеров, получающих «кайф» именно от Путешествий за Тайнами, но и на этом пути обольщаться не стоит. Сколько лет уже ищут «снежного человека», а воз и ныне там. Как правило, во время своих экспедиций любителям удается в лучшем случае опросить аборигенов. Только приступят к поиску — как заканчиваются отпуска... Через год приходится начинать все с нуля — и обычно (в силу разных житейских обстоятельств) новым составом...

Этим летом мы (автор вместе с друзьями из разных регионов) попробуем применить некоторые новые подходы и все же добиться каких-то результатов... — но не будем говорить «гоп»... Пока можем только обратиться к читателям с просьбой: рассказать об известных им, пусть даже по слухам и с чужих слов, сведениях о существующих рядом с нами Тайнах. Обычно такая информация исчезает вместе со старожилками, а попав на страницы журнала (а, следовательно, и в архивы) сохраниться для потомков, которые, будем надеяться, окажутся более любознательными.

*Письма присылайте по адресу:
620142, Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67.
Отдел истории и краеведения.*



Вадим БЕРЕСНЕВ, п. Ильинский Пермской области

Оплошность, достойная похвалы

Молодой сосед Женя Быков, встретив меня, порылся в карманах и отдал три вещички: «На, Вадим Афанасьевич, нашел на берегу, слышал, интересуетесь».

Одна из вещиц была самой малой монетой Российской империи — «полушкой» 1835 года рождения; другая относилась к нательным талисманам: хорошо просматривался православный крест, а на обороте текст молитвы; третьей оказался фрагмент трехстворчатой дорожной иконки, выполненной из бронзы с явным литейным браком. Нет-нет, с изложницей все было в порядке, четко просматриваются лица жен-мироносиц, руки, положенные на грудь,

— их не чистили кирпичной пылью раз в году крестьянки к светлому празднику — Пасхе.

Иконка не стояла на божничке в крестьянской избе, а завалилась в дальнем углу литейной мастерской, поэтому и сохранилась, объявившись через сто с лишним лет. Одежда святых до пояса — ниже не хватило в ковшике металла: ошибся мастер, мало зачерпнул из тигля (литейного горшка) — потому и брак.

Мы знаем, что у нас в селе Ильинском меднолитейным делом с 1883 года занимался Петр Артамонович Симанов. В 1887 году он был участником Сибирско-Уральской выставки в Екатеринбурге и

за поддужные колокольчики был удостоен почетного отзыва.

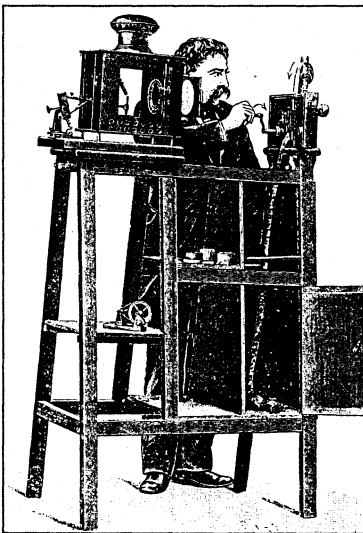
Может, и медно-бронзовая пластинка его рук дело? Именно в 1887 году он основал литейную мастерскую. Возможно, кроме прочего, отливал ступки, подсвечники, барельефы, малую скульптуру. Если есть мастерская, то поле деятельности для предпринимателя безгранично.

Сохранилась и фотография Петра Артамоновича, на которой он увековечен с велосипедом. Снимок сделал фотограф села Ильинского Григорий Яковлевич Шайдуров. Кстати, велосипед, по всей вероятности, тоже был первым в селе.

Ирина СЕРОВА, Екатеринбург

Екатеринбург — Париж

Музей Свердловской киностудии — один из самых молодых в Екатеринбурге. Его основой стала экспозиция, подготовленная к пятидесятилетию киностудии в 1993 году. Однако, здесь собирается все, что касается кинематографа вообще.



На небольшом листке желтоватой бумаги, даже не зная французского, можно прочесть — сначала вверх: «Кинематограф», дальше: «Париж. Бульвар Капуцинов, 14. Гранд-кафе. Индийский салон» — адрес знаменитого кафе, где братья Люмьеры 28 декабря 1895 года устроили первый публичный платный сеанс. На нем демонстрировались сцены, снятые с натуры с помощью аппарата, запатентованного под названием «кинематограф»... Перед нами — программа одного из первых показов. Есть и билет на просмотр.

А на другой афишке — все по-русски: «Екатеринбургъ. Съ дозволенія начальства. Городской театр. Единствен. въ міре аппаратъ движущейся фотографии. Синематографъ Люміэра». А дальше перечислено 48 названий сюжетов, которые демонстрировались в четырех отделениях с антрактами.

Внизу совсем мелким шрифтом: «Печ. доз. 12 июня 1897 года и. д. Полиціймейстера Флоровъ».

Екатеринбургъ, типографія газетъ «Ураль». Упомянутый здесь «Городской театр» многие годы был известен екатеринбуржцам как кинотеатр «Октябрь».

Через полтора года после первых киносеансов в Париже екатеринбуржцы не только уже приобщились к великому изобретению (первый показ «картин кинематографа» состоялся в городе осенью 1896 года), но просмотр «живой фотографии» стал частью городской жизни.

«Выход из костела», «Кормление кошек», «Купающиеся негры», «Сожжение негодной травы», «Приход поезда на станцію» (скорее всего, другое название знаменитого «Прибытия поезда») — эти крошечные 1-2-минутные зарисовки поражали тогда воображение публики. А в третьем отделении предлагалось 17 сюжетов с «Торжества Священного Коронования императора Николая II» — коронация, что прошло в Москве в мае 1896 года.

Кинематограф, как известно,

ЕКАТЕРИНБУРГЪ
Съ дозволенія начальства.
ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ.
Единствен. въ міръ аппаратъ движущейся фотографии

КИНЕМАТОГРАФЪ
ЛЮМІЭРА.

ПРОГРАММА.

Отдѣленіе 1-е.

- 1) Выходъ изъ костела.
- 2) Штуртарть. Фонтанъ на Королевской площади.
- 3) Ковка лошадей.
- 4) Дрезель.
- 5) Венеція—тонналь.
- 6) Франкфуртъ.
- 7) Пельнамъ.
- 8) Берлинъ—площадь.
- 9) Каналь въ Венеціи.
- 10) Игры и оловянки.

Антрактъ. Отдѣленіе 2-е.

- 1) Выходъ съ завода Стальверки.
- 2) Испанскія артиллеріи.
- 3) Талии сиренковъ.
- 4) Борженіе кошекъ.
- 5) Словари.
- 6) Боксеры.
- 7) Сожженіе погодой транъ.
- 8) Кушанье въ морѣ.
- 9) Прыжки лошади на станціи.
- 10) Французскіе кирасиры.

Антрактъ. Отдѣленіе 3-е.

Торжественно Свѣщенно Коронованіи Москва. 1896 г.

- 1) Москва. Торжеская во время коронаціи. торжества.
- 2) Царь-Пушка.
- 3) Шейхъ авланскій племянъ, Эмиръ Бухарскій.
- 4) Анатскія денгатины.
- 5) Ф-каль Вильгельмъ отправляется на коронаціи.
- 6) С мисье Montebello.
- 7) Поездъ отправляется на коронаціи.
- 8) Фридрихъ отправляется на коронаціи.
- 9) Изъ окошкы Иухъ Величества.
- 10) Выходъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая II въ Москву.
- 11) Выходъ Его Императорскаго Величества Государыни Императрицы въ Москву.—Вел. Кн. Ксения Александровна (во второй маршѣ).
- 12) Красное крестцо. Торжественное шествіе Иухъ Величества на коронаціи.
- 13) Красное крестцо. Восторженіи Государыни Императрицы отправляется на коронаціи.
- 14) Торжественное шествіе Иухъ Величества на коронаціи подъ балдахиномъ Иухъ Величества.
- 15) Торжественное шествіе Иухъ Величества изъ собора послѣ коронаціи.
- 16) Скорѣ въвѣжи Иухъ Величествами.
- 17) Отъѣздъ Иухъ Величества.

Антрактъ. Отдѣленіе 4-е.

- 1) Талии на остр. Либъ.
- 2) Путешественникъ и жюрижи.
- 3) Буксеры.
- 4) Игра въ карты.
- 5) Дискъ бѣлы.
- 6) Барочка прости.
- 7) Игра въ шары.
- 8) Водяны горы.
- 9) Комическая опера заланыхъ дѣт.
- 10) Кувандисея игры.
- 11) Канариски.

НАЧАЛО ВЪ 8^{1/2} ЧАС. ВЕЧЕРА.

Изд. доп. 12 іюня 1897 года в. д. Навольногоро. Фаррен.
Екатеринбургъ, театральн. г. н. г. «Уралъ».

был изобретен в Лионе, где на фабрике фотопластинок, принадлежавшей Люмьеру-отцу, работал Луи Люмьер, ставший главным в паре изобретателей. Огюст помог брату в работе над аппаратом «кинематограф», пионером же французского кинопроизводства и кинорежиссуры по праву считается Луи. Он рассылал по всему свету своих кинооператоров — «охотников за кадрами». Фирма Люьера за три года выпустила около полутора тысяч фильмов. В дальнейшем — с 1898 года — Луи Люмьер ограничился производством киноаппаратов, кино- и фотопленки.

Чрезвычайно любопытна скромная открытка, отправленная 18 июня 1897 года из Севастополя в Лион, где «киносъемщик»

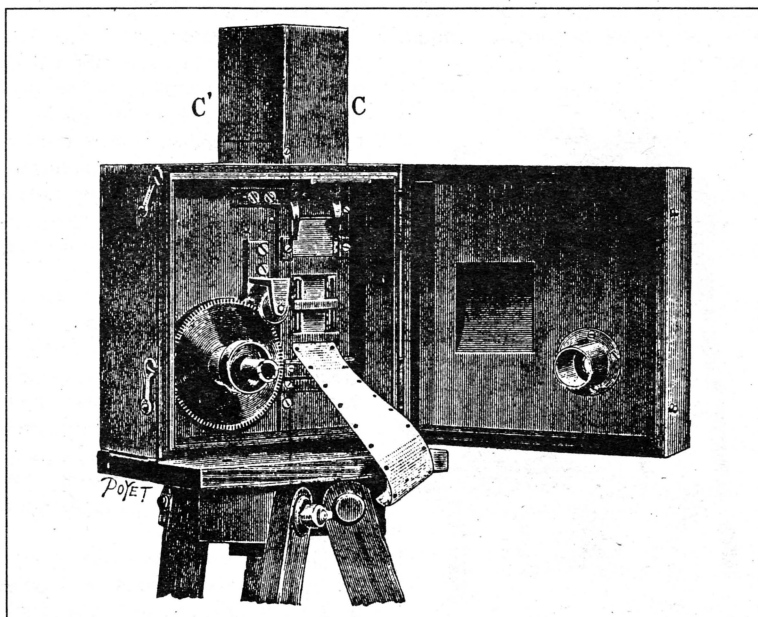
Мариус Шапю сообщает родителям, что уже приобрел билет до Екатеринбурга и через неделю встретится там с товарищами. В Екатеринбург — на почтамт — он и просит отправлять письма для него. Это может значить, что не только екатеринбуржцы видели по кинематографу «Купающихся негров», но и парижане смотрели сюжеты и о нашем городе!

Может быть со временем отыщутся драгоценные для нас кадры, снятые более 100 лет назад на Урале? Ведь на сегодняшний день «движущихся фотографий», запечатлевших жизнь старого Екатеринбурга конца позапрошлого века, пока не найдено.

Режиссеру Свердловской киностудии Владимиру Чиненову в ходе работы над документальной лентой «Хрупкие мгновения истории» — об известном уральском фотографe Вениамине Леонтьевиче Метенкове, удалось найти в Российском государственном архиве кинофотодокументов лишь несколько сюжетов, снятых в Екатеринбурге или его окрестностях в начале XX века. Потом на один из фестивалей неигрового кино «Россия» представители киноархива привозили еще несколько сюжетов и показали их на одном из просмотров, надеясь, что кто-то из

зрителей узнает, что запечатлено в крошечных фильмах, которые, судя по записям, сняты на Урале. Однако, загадки остались неразгаданными.

Но как оказались в музее киностудии столь любопытные документы более чем столетней давности? В руки Владимира Чиненова попали архивные кинокадры, где сняты двое мужчин за старинным монтажным столом. Считалось — это братья Луи и Огюст Люмьеры. Но полной уверенности не было. Редактор фильма о Метенкове Лев Эглит (он же и заведующий музеем киностудии), зная, что на родине кинематографа — в Лионе — есть музей кино, отправил туда письмо и фотокопию кинокадра с просьбой прояснить загадку. И вскоре получил ответ от президента Лионского музея Поля Генара. Оказалось, на кинокадрах не Люмьеры. Это были Шарль Пате, тоже один из зачинателей кинематографа, и режиссер Фердинан Зекка. Но кроме ответа, в конверт была вложена целая пачка копий уникальных документов, в том числе и открытка Мариуса Шапю и программа «Синематографа Люмьера» в Екатеринбурге. А не Мариус ли и привез ее в Лион?



АЭЛИТА



СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 34
Владислав КРАПИВИН «Давно закончилась осада...»	стр. 35
Виктор БУРЦЕВ «Командная работа»	стр. 51
Сергей БЕРЕЖНОЙ «Несколько главных слов»	стр. 62

колонка редактора

К ВОПРОСУ О...

Люди бывают читающие и нечитающие. Читать в наше время тоже можно по-разному: некоторые умудряются вообще без книг обходиться (есть же сугубо сетевая ялитература). Но библиотека — это особенное явление. Говорю не только как закоренелый библиотечный патриот, а потому, что знаю: библиотека — это больше, чем источник информации. Здесь особая атмосфера (энергетика!). Знающие люди утверждают, что книги «работают», даже если их не открывают. Может быть, именно поэтому в библиотеке человек раскрывается, как нигде. Не в этой ли потребности доверительного общения причина возникновения разнообразных клубов при библиотеках. Когда в 80-х годах явилась всесоюзная волна КЛФ, большая их часть образовалась на базе библиотек, поближе к полкам с фантастикой, которой тогда было так мало, что любителей радовал каждый рассказик с элементами фантастики. Не буду углубляться в историю фэн-движения, это отдельный разговор. Но истории свойственна цикличность. Сейчас мы, похоже, живем в нижней точке синусоиды. КЛФ осталось очень мало. Но наш городской клуб «Радиант» живет как раз в библиотеке с трогательным названием «Библиотека милосердия». И это радует мою библиотечную душу. И думается мне, как бы ни развивались разнообразные информативные технологии (в библиотеках в том числе), основа нашей особенной библиотечной атмосферы именно в книгах. И самый фантастический процесс начинается, когда человек углубляется в строчки, перелистывая книжные страницы.

Доброй фантастики тебе, читатель!

Татьяна ПАТРАКОВА

ВСЯКИЕ НОВОСТИ

26 мая в Сиэтле, штат Вашингтон, на ежегодном банкете для членов Ассоциации авторов романов ужасов (Horror Writers Association) были объявлены очередные лауреаты премии **Брэма Стокера**.

Роман / Novel

«The Traveling Vampire Show», Ричард Лаймон (Richard Laymon)
Дебютный роман / First Novel

«The Licking Valley Coon Hunters Club», Брайан Хопкинс (Brian A. Hopkins)

Крупная форма / Long Fiction

«The Man on the Ceiling», Стив Рэсник Тэм и Мелани Тэм (Steve Rasnic Tem & Melanie Tem)

Малая форма / Short Fiction

«Gone», Джек Кетчум (Jack Ketchum)

Сборник / Fiction Collection

«Magic Terror: Seven Tales», Питер Строуб (Peter Straub)

Антология / Anthology

«The Year's Best Fantasy & Horror, 13th Annual Collection», составители Эллен Дэтлоу и Терри Уиндлинг (Ellen Datlow and Terri Windling)

Литературоведение / Nonfiction

«On Writing», Стивен Кинг (Stephen King)

Иллюстрированное повествование / Illustrated Narrative

«The League of Extraordinary Gentlemen» (цикл изданий), Алан Мур (Alan Moore)

Сценарий / Screenplay

«Shadow of the Vampire», Стивен Кац (Steven Katz)

Работа для молодежной аудитории / Work for Young Readers

«The Power of Un», Нэнси Эчменди (Nancy Etchemendy)

Поэтический сборник / Poetry Collection

«A Student of Hell», Том Пичирилли (Tom Piccirilli)

Другие медиа / Other Media

Web-сайт «Chiaroscuro», Патрисия Ли Макомбер, Стив Эллер и Сандра Кастури (Patricia Lee Macomber, Steve Eller and Sandra Kasturi)

За вклад / Lifetime Achievement Award

Найджел Нейл (Nigel Kneale)

Издательству Subterranean Press и его руководителю Уильяму Шаферу (William K. Shafer) была также вручена специальная премия с формулировкой «Specialty Press Award».

2 сентября в ходе WorldCon 2001 в Филадельфии будет впервые вручаться премия **«Повторного открытия» имени Кордвайнера Смита** (Cordwainer Smith Rediscovery Award).

Премия, которую официально предлагается сокращенно называть «Кордвайнер», учреждена Фондом Кордвайнера Смита и будет присуждаться авторам фантастических произведений, чьи работы отмечены особой оригинальностью, воплощают дух прозы Кордвайнера Смита и заслуживают того, чтобы быть «повторно открыты» современными читателями фантастики. Другими словами, это премия «за заслуги», а не за новые публикации.

Жюри премии этого года — четыре автора, известные широтой взглядов и эрудиции в области фантастики: Роберт Силверберг (Robert Silverberg), Гарднер Дозуа (Gardner Dozois), Джон Клют (John Clute) и Скотт Эделман (Scott Edelman). Они вольны выбирать в качестве лауреата премии любого писателя, живого или уже покойного.

Сергей БЕРЕЖНОЙ

Владислав КРАПИВИН

Давно закончилась осада...

Севастопольская фантазия

Роман

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ



Продолжение. Начало в № 4-5, 6, 2001

Катенька

Саша и правда сшила Коле рубашку с иностранным матросским воротником. Не сразу, а к лету.

Давно уже прошла Пасха, пробежал май — с густоющей зеленью трав, цветом акаций и еще каких-то южных деревьев. На дворе у Лазуновых два неторопливых каменщика пристраивали к дому помещение из широких брусьев инкерманского камня. В отношениях доктора и тетушки, кажется, ничего не изменилось. Венчание было отложено до того срока, когда будет готова пристройка.

В конце мая Коля с Татьяной Фаддеевной съездили в Симферополь, и третьеклассник Вестенбаум сдал весенние экзамены. Не столь блестяще, как зимой, но все же успешно. А когда вернулся, Саша, смущаясь, протянула ему сверток:

— Вот... Помнишь, я обещала перед Пасхой...

Воротник был ярко-синий, с пристроенными по краям белыми тесемками. А на груди был такой же синий с белыми полосками галстучек. Коля вспомнил, что видел такую форму на матросах с голландского парохода, который весной приходил в Севастополь.

Рубашка оказалась в самую пору. Свободная, легкая. Носить ее с суконными штанами было глупо, и тетушка вместе с Лизаветой Марковной соорудила для Коли холщовые летние брючки длиной ниже колен. Вроде тех, что носили многие городские мальчишки. Только Тё-Таня еще украсила каждую штанину снизу двумя синими пуговками. Так, мол, гораздо приличнее. Коля возмутился — засмеют. Сошлись на том, что пуговицы заменили трофейными английскими гудзиками с якорями. В общем, получился вполне морской наряд.

Коля натягивал этот костюм прямо на голое тело. Конечно, мальчику из приличной семьи полагалось носить еще нательную рубашку и нижние штанишки с кружевами. Но Коля с ужасом представил, как эти кружева увидят ребята, когда надо будет раздеваться перед купаньем. Нет уж, надо быть как все. Женька вон тоже... И босиком бегают, как остальные.

Увидев босого Женю Славутского, Татьяна Фаддеевна махнула рукой и больше не мешала племяннику «деградировать» окончательно.

Купались обычно за Артиллерийской бухтой, где Хрустальный мыс опоясывали галечные пляжи. Здесь было удобно. Девчонки и тетушки поблизости оказывались редко. А если поодаль, то и наплевать. Сбросил с себя все, кроме нательного крестика, и с разбега бултых в зеленую глубину. К медузам, юрким ставридкам и суетливым замшелым крабам.

Коля научился плавать еще в Петербурге, вернее на даче под Петергофом, у знакомых. Но то купание, в пресной и мутноватой балтийской воде, не шло ни в какое сравнение со здешним. Черноморская вода была плотной, держала мальчишек на плаву как рыбешек, и,

казалось, утонуть в ней невозможно. Коля так и говорил Татьяне Фаддеевне в ответ на ее вечные опасения. И добавлял:

— Не могу же я ходить купаться с няней! Здесь без присмотра плавают и ныряют даже грудные дети. — Он, конечно, преувеличивал, но не очень.

Постоянное плескание в море было одной из главных радостей южного лета. Но ребята не забывали и о деле. О своей охоте за товаром для туристов.

Коля и Женя давно уже сплывали иностранцам барабанные палочки. По двугривенному за штуку. Получилось два рубля. Поделили поровну.

— Но ты ведь весной уже дал мне две палочки, — слабо сопротивлялся Женя. — Значит сейчас моих было только четыре.

— Весной был подарок, это не в счет. К тому же ты... ведь ты же отдал их барабанщику. Разве не так? Женя не сказал, что не так. И больше не спорил.

Саша иногда ходила с мальчишками, собирала трофеи для продажи. Но не часто. Не девичье это дело — копаться в оружейном мусоре. Там еще и кости человеческие встречаются до сей поры — страх такой... Ей нравились другие находки, те что говорили о давних веках. Коля тоже мечтал о трофеях античных времен. Не раз напоминал он Саше: когда пойдем в Херсонес? И та говорила, что да, скоро пойдем, да все случилось как-то, что недосуг. То у нее дела по дому, то сам Коля шастает с ребятами по бастионам и траншеям.

Конечно, можно было пойти в Херсонес и с мальчишками, но у тех лишь одно на уме — набрать побольше того, что на продажу. Можно было сговориться с Женей, уж он-то все понимает. Но... хотелось с Сашей. Именно с ней, с одной. По крайней мере, на первый раз. Казалось, что именно она принесет удачу, и можно будет отыскать осколки амфор со сказочными рисунками. А то и целую вазу! Ох, да только ли в находках дело...

— Коля, на той неделе обязательно!

Но «на той неделе» в семействе Маркельча случилось удивительное событие, и Саша несколько дней торчала у них в доме, помогая счастливой Настеньке.

— Ну, ты, что ли, поселилась там окончательно? — рассердился наконец Коля. Он «ухватил» Сашу у нее на крыльце, когда та опять торопилась к Ященкам.

Саша не обиделась, обещала примирительно:

— Завтра с утра пойдем обязательно. Как раз вторник, пустой день...

— Почему пустой?

— Ну... мы ведь и к Девичьей бухте пойдем тоже, а по вторникам да по четвергам и пятницам туда лучше всего.

— Что за бухта такая? — насупленно сказал Коля и стал царапать босой пяткой крыльцо.

— Ты разве не слышал?

— Ничего я про нее не слыхал, — соврал Коля и смутился. Потому что он, конечно, знал про Девичью бухту от мальчишек, и Саша могла об этом догадаться.

Она, видно, не догадалась и тоже смутилась — от того, что приходится объяснять.

— Ну... маленькая такая бухточка, рядом с Песчаной. Среди обрывов спрятанная. Там по понедельникам, по средам и субботам купаются девчата. Потому и название такое.

— А... почему там? Далеко же... — неловко сказал Коля.

— Ну, почему... — вздохнула она. — Вам-то, мальчишкам, хоть где можно, никто на вас не глядит. А девочки... им надо укрытое место.

Коля опять почесал пятку о каменную ступень. А потом, чтобы скрыть смущенье, заметил небрежным тоном:

— Да разве бывают совсем укрытые места? Наверно, сверху, на обрывы, все равно может кто-то подойти...

— Да кто? Случайных людей там не бывает, а здешние знают и не подходят, потому что есть же совесть-то... Ну, только вредные мальчишки иногда подбираются. Бессовестные, да?... Девочки тогда сразу в воду или за камни. Да как завизжат! От такого визга хоть кто дёрну даст!..

— Дураки... — бормотнул Коля, краснея, будто сам был замечен среди бессовестных мальчишек.

— Конечно, дураки. Ты же не такой, верно?... А наши один раз тоже... Фрол да еще кое-кто с ним... Я тогда на них так разозлилась! А Федюне за это от деда перепало горячих. Ого как! Жаль только, что ему одному, а не всем... — она засмеялась, и Коля почувствовал, что настоящей злости на мальчишек у Саши, кажется, нет. — Да ты небось от ребят слышал про тот случай...

— Ничего я не слышал...

Он опять врал. Эту историю он узнал в недавнем разговоре на дворе у Маркелыча.

А дело случилось такое. В прошлом году, за неделю до Ильина дня, Фрол предложил приятелям:

— Пойдем русалок наблюдать. А то скоро купанью конец, так и не поглядим.

«Наблюдать русалок» — это и значило подглядывать за девчонками у моря.

Пошли, кроме Фрола, Макарка, Ибрагимка, Федюня да еще двое ребят — не из постоянной компании Боцманского погребка, но знакомые. Просился и Савушка, да его не взяли.

Семилетний Савушка, оставшись посреди пустого двора, заревел. Вышла мать. Пожалела:

— Это почему же они, окаянные, без тебя пошли куда-то? Раньше всегда брали.

— Говорят, дорога дальняя. И говорят еще: «Рано тебе на русалок глядеть».

— Чего-чего?! — Матери, видать, про «русалочьи игры» было известно. — Ну-ка, говори толком!

Савушке бы смолчать да выкрутиться как-нибудь, а он от великой досады на «изменщика» Федюню (пускай знает, как бросать брата!) выложил ребячьи планы во всех подробностях. И не только матери, но и деду, который вышел и присел с трубкой на порог своей пристройки.

Мать всплеснула руками.

— Отец, ты только послушай! Вырос на нашу голову охальник! Ты уж его проучи за такое бесстыдство! — Это она о Федюне, конечно.

— А чего ж... Оно как водится... — покивал тот, окутавшись дымом. О взглядах знаменитого Пирогова на воспитание он не слыхал, но свои собственные взгляды у него были похожие.

Докуривши трубку, Евсей Данилыч не поленился, сходил на ближний косогор, где росли несколько одичавших вишен, и срезал подходящую для такого дела ветку. А после того опять сел на пороге — терпеливо поджидать старшего внука. Савушка между тем томился в доме, убеждая себя, что не сделал ничего худого: правду же сказал!

Когда Федюня наконец появился на дворе, дед спросил с ненастоящей ласкою:

— Ну-ка, сказывай, юнга, где гулял?... Только не вздумай врать, мне и без того все ведомо.

Федюня сразу понял: и вправду «ведомо». Обмяк и хныкнул:

— А чего... Я и не хотел... Все пошли, и я пошел...

— У «всех» свои тятки и деды, а у тебя — я. Потому — идем со мною.

И обмякший Федюня безропотно поплелся за дедом в его конуру. Тот пропустил его вперед, а Савушке (которого ноги против воли привели сюда же) велел с порога:

— Пока обожди тут.

Доцатая дверь неплотно прикрылась, и вскоре за ней прорезались несколько коротких воплей. Затем Федюня, придерживая штаны, вылетел на двор, мокрыми глазами яростно чиркнул по брату и умчался за дровяной сарайчик. Дед же с прежней ласкою поманил корявым пальцем присевшего от перепуга Савушку:

— Ступай теперь ты...

— Зачем?! За что меня-то?!

— А за ябеду, — охотно пояснил Евсей Данилыч, под мышки внося Савушку через порог. — Ябеда, она последнее дело. Зачем на Федора сказал?

— А ежели он худое задумал! — слабо брыкался бедный Савушка.

— Ежели худое, ты ему и скажи: не делай так. А к старшим да к начальникам с жалобой иди, это срам, — разъяснял дед, садясь на топчан и ставя несчастного Савушку между колен. — Когда будешь матросом, товарищи тебе такого сроду не простят...

— Не буду я матросом!

— А кем же еще будешь? У нашего брата иной до- роги не бывает. Потому и понятие должон иметь с ма- лых лет. Ну-кось, расчиняй гудзики...

Уложивши младшего внука животом на здоровое, левое колено, Евсей Данилыч трижды отмерил ему «вишневую порцию» (не шибко, но чтобы все-таки ощу- тил). И велел воюющему Савушке:

— Цыц!.. А теперь иди, проси прощенья у брата.

— Не буду!

— Неужто не будешь?

— Ай! Буду! Буду!.. Да ведь он не простит!

— А коли не простит, приходи ко мне сызнова. Не- прощенному положено вдвое...

Конечно, Федюня простил глупого Савушку. Куда его девать: брат же, да и ябеду свою сделал не от злобы, а по неразумению. Малой еще...

Скоро они лежали рядышком на черепичной кров- ле сарайчика и согласно дышали, переживая недав- нее. Солнце жалючи грело сквозь холщовые штаны пострадавшие места. Обиды на деда не было. Потому что, по правде-говоря, оба получили за дело.

Савушка повозился на черепице и спросил наконец:

— Ну и чего там?.. Зачем это ходят смотреть на них?..

— Да я и сам не знаю. Это Фролу хотелось. Пой- дем, говорит, подразним их и напугаем, а сперва погля- дим... А чего там глядеть? Высоко же, с обрыва-то. Из- даля они вточь как мальчишки...

— А напугали их?

— Не успели. Они нас первые заметили. Завизжа- ли сперва, попрыгали в воду. А потом разозлились, ви- дать, повыскакивали и давай в нас камнями! Да разве добросишь! Ну, мы все равно скорей бежать от ихнего визга...

— Глупость одна, — уверенно сказал Савушка.

— То-то и есть, что глупость. Я и сам так думаю...

Так же думал он и следующим летом. Так и сказал, когда Фрол предложил «навестить русалочек».

— Дурь одна, а забавы никакой. Только ноги бить пять верст туда и обратно...

— Дедова прута боишься, — без жалости напо- мнил прошлое Фрол.

— А вот и не боюсь. Савушка теперь умный, не ска- жет. А идти неохота, дурная забава...

Ибрагимка и Макарушка были вроде бы не прочь — отчего бы не поразвлечься. У Коли же, уяснившие- го наконец, о чем речь, начали гореть щеки. Стыд такой... Вспомнилось, как разглядывал атлас в каби- нете доктора. Никого тогда рядом не было, да и то не по себе. А сейчас... Но если не пойти, скажут — забоялся...

Он сидели тогда на дворе у Маркельча, на камен- ном выступе, что тянулся снаружи сарайчика, где была теперь их «кают-компания». Синяя тень скрывала их от горячего июньского солнца. Расположились в ряд,

лишь Фрол — отдельно, на пустом бочонке, перед все- ми остальными. Он молчал насмешливо, явно ждал, что скажет «Николя».

Но Колю опередил Женя (он сидел с краю от всех):

— Я тоже не пойду ни в коем разе.

Фрол изогнул левую бровь.

— А ты почему? Тебя, вроде бы, дома не дерут.

Женя сказал негромко и ясно:

— Разве в том дело? Просто нехорошо... Грех это.

Фрол опустил левую бровь и возвел правую:

— Ох уж! Великий ли грех-то?

— Может и не великий, а все равно... Потом как про- такое скажешь на исповеди?

— А ты что? Про все на свете на исповеди призна- ешься?

Женя пропустил насмешку мимо. Только удивился слегка:

— А разве можно иначе? Тогда зачем она, исповедь?

Фрол мигнул. Стал серьезным. Согнутым мизинцем потрогал нижнюю губу. Сказал уже без намека на ехид- ство:

— А я вот тоже думаю: зачем? Отчего это надо пе- ред попом душу открывать? Разве он святой? Бог и без того все про нас знает. У него и надо просить милости, когда виноват. Если захочет — простит...

Коля, нагнувшись, смотрел на Женю мимо Ибрагим- ки и Макарки. Женя отвечать Фролу не стал, только шевельнул плечом: чего, мол, с тобой спорить. А потом проговорил все же, но будто не для Фрола, а для себя:

— После исповеди на душе легче... — И встретил- ся глазами с Колей. Тот съехал плечи.

На исповеди Коля был последний раз еще в Пе- тербурге. Татьяна Фаддеевна не обременяла пле- мянника религиозным воспитанием. Если он вече- ром скажет перед сном молитву, а в праздники по- бывает на церковной службе — того и достаточно. Что же касается исповеди, то — считала она — у мальчика должна созреть для того в душе ясная потребность. По правде говоря, Коля такой потреб- ности пока не ощущал. Ведь в самом деле Бог и без того знает и видит его насквозь — все что есть в нем хорошего и плохого. Зачем же еще кому-то рас- сказывать про это? Можно просто укрыться с голо- вой одеялом и прошептать: «Боже, отпусти мне гре- хи, которые я наделал, я постараюсь исправиться и больше не поступать дурно», и тогда появляется на- дежда на прощение. А если после того прочитаешь еще «Отче наш», чувствуешь себя христианином не меньше остальных.

Однако сейчас Коля был полностью на стороне Жени. Мало того! Он понял наконец, что надо сказать Фролу!

— Я тоже туда не пойду. Потому что это свинство. Они же ничего не ведают, а мы исподтишка. Это... как предательство.

Вопреки ожиданию, Фрол не оцетинился. Опять с задумчивостью потрогал губу и сказал сочувственно:

— Просто вы еще не выросли, вот и не понимаете. Никакого греха тут нет, потому что такая человеческая натура, мужской интерес. Без него ничего бы на свете не было...

— Чего это не было бы? — подозрительно спросил Поперешный Макарка.

— Люди бы не женились, и род человеческий перевернулся бы.

— Люди женятся по любви, а не по твоему дурацкому интересу, — с усилием задавив в себе неловкость, сказал Коля.

У Фрола — рыхие искры из глаз:

— А любовь на чем держится, по-твоему?

«Любовь — от Бога», — чуть не ответил Коля. Но смолчал в последний миг. Не от стеснения, а потому что не хотелось отдавать для спора такое вот, сокровенное. Про это можно бы с Женей, один на один, но уж никак не с Тимберсом... Подумаешь, «вы еще не выросли!» А сам-то много ли вырос? «Интерес» у него...

А Фрол опять вдруг утратил насмешливость и сказал примирительно:

— С любовью это ведь как кому по жизни повезет. Хорошо, если как у Маркельча с Настей. А если как у нашего отца с мамкой, то какая там любовь? Каждый день она его поедом ест. А все равно... Жениться-то всякий обязан, кто мужского сословия, когда достигнет совершенных годов...

— Неужто всякий? — звонко удивился маленький Савушка.

— А то как же. Если, конечно, этот человек не монах и не хлипкого здоровья.

Федюня, который не любил споров, на сей раз вмешался в разговор:

— Павел Степаных Нахимов не монах был и здоровьем был не обиженный, а про женитьбу не помышлял. И офицерам не советовал. «Надо, — говорил, — о службе думать и о матросах заботу иметь, а не глупыми делами заниматься»: Дед про это рассказывал не раз...

— Я тоже слышал про это, — вспомнил Коля.

— Много вы знаете! — с привычным хмыканьем отозвался Фрол. — Это он здесь об одной лишь службе радел, а в Курской губернии у него жена была и детишки, только жил он с ней невенчано. Она сама не хотела, потому что была иудейской веры...

— Что ты такое сочиняешь! — вскинулся Коля и даже кулаки сжал.

— Вовсе не сочиняю. Павел Степаных и сам был из иудеев по родству-то. Его деда звали Нахум. Оттого и фамилия, только отец Павла Степаныха малость изменил ее. Отца-то сперва звали Самуилом, он был из еврейских кантонистов, служил в полку барабанщиком, а когда крестился, стал Степаном. Служил усердно,

офицером сделался, в дворяне вышел. Ну а сын его Павел Степаных — сами знаете, кем стал... Только жене его да детям от того не легче, раз незаконные. Родня его сразу их погнала из имения, когда погиб...

С минуту все ошарашенно молчали. Потому что была в словах Фрола скучноватая увесистость. Она убеждала, что Фрол не врет. Или, по крайней мере, сам верит в то, что сказал.

Коля наконец спросил, стараясь говорить пренебрежительно:

— Это, тебе, небось твой Адам Вишневский наплёл?

— Не наплел, а рассказал, что было... Да и не он один. Многие про это слышали, только почему-то правду знать не хотят. И вы тоже...

Женя сказал негромко:

— Потому что, Фрол, от твоей правды никакой радости. Ты ее так говоришь, будто иголки во всех втыкаешь.

— А ты чего хотел? Правда, она часто бывает колючая... Да только сейчас-то вы чего испугались? Здесь как раз никакой колючести нет. От того, что вы про Павла Степаныха знаете, разве стал он хуже? Как был герой так и есть. Человек-то бывает плохой или хороший не от того, какой он крови, а от того, какая у него душа...

«А ведь в самом деле», — подумал Коля. Да, Фрол умел порой повернуть разговор так, что враз начинал казаться умней и справедливее остальных. И он добавил еще справедливости в новых словах:

— Вон Ибрагимка, он татарского роду и не нашей веры, а разве хуже нас? Может, не такой образованный, зато душа добрее, чем у иных.

Ибрагимка застеснялся, заболтал грязными ступнями, сказало сипловато и дурашливо:

— Ай нет, я вредный...

Все засмеялись, кроме Савушки. А тот вдруг спросил с непривычной строгостью:

— Фрол, а твоя душа — добрая?

Фрол неожиданно обмяк:

— А чего я?.. Мне откуда знать? Это надо со стороны глядеть...

— Со стороны оно выходит по-разному, — опять же с необычной взрослостью сказал Савушка.

— Ну и что? — Фрол сузил глаза, глянул вверх головы. — Это у каждого — по-разному. Только ангелы бывают без всего плохого, но они на небе, а на земле — люди. Без вредности ни одного человека не бывает... Вы думаете, адмирал Нахимов всегда был такой добрый, отец матросам, да? В молодости с ним всякое случалось...

— Он, когда мичманом на фрегате «Крейсере» вокруг света ходил, матросов спас во время бури, — напомнил Женя.

— Ну, спас, потому что храбрый был да умелый, про это все знают... Одних спас, а другим, случалось, ого как зубы чистил! Ему за такое даже от командира

Лазарева попадало. От того, с которым они теперь рядом лежат под собором.

И снова с досадой Коля ощутил, что Фрол не сочиняет, опять в его словах те самые «иголки».

А Федюня заспорил:

— Врешь ты небось. Добрее адмирала Нахимова никого не было.

— Это уж потом, когда ума набрался...

— Все равно врешь! Я у деда спрошу, он про Павла Степаныча все знает!

— Спроси, спроси, — совсем уже привычным тоном посоветовал Фрол. — Он с тебя сызнова штаны снимет...

Федюня набычился. Могло кончиться настоящей ссорой, но опять вмешался Савушка. И спросил про другое, про то, что засело в нем с начала разговора:

— Я все равно не понимаю. Зачем всякий должен жениться?

— Ай, до чего непонятливый, — вздохнул Ибрагимка. — Без того детей бы не было, тебе же сказано.

— А почему не было?

Фрол с хмылкой глянул на Федюню:

— Он чего, до сей поры не знает, откуда дети?

— Ему ж только восемь, — опять насупилась Федюня. — Успеет еще.

Но Савушка прекрасно знал, не глупее других. Дети появлялись по-всякому. В некоторых землях их высиживали вместе с птенцами в гнездах большие птицы. А как увидят, что это не птенец вовсе, хватают в лапы и несут людям на чье-нибудь крыльцо. Бывает, что младенцы заводятся в стогах и скирдах и из травяных и хлебных зерен... Соседская девчонка Анфиса, что на год старше Савушки, говорила ему, будто бы малыши вылезают прямо из матерей, как котят из кошек, но это было такое несусветное вранье (разве люди — кошки?), что и спорить не стоило. Савушка просто обозвал Анфиску дурой и пошел прочь... В здешних краях все было проще простого. Дети вырастали на бахчах среди арбузов (изредка, правда; арбузов — тех в тыщу раз больше). Как младенец созреет и стебель отвалится у него от пупка, люди слышат новорожденный крик и находят мальчика или девочку... Савушка так и сказал:

— Чего не знать-то, если самого на бахче нашли. Маменька же говорила.

Надо сказать, никто не засмеялся, даже Фрол. Мелькнули улыбки, но быстро пропали. Женя нашелся первый, объяснил ласково:

— Все правильно, Савушка, только жениться все равно надо. Потому что найти ребенка на бахче могут лишь женатые люди. Такой закон природы. Ну, то есть так устроено на свете. Для того, чтобы у маленького были отец и мать. А то чего хорошего, если с первых дней сирота? — Он вдруг сбился, виновато глянул на Колю. Но тот глядел весело, обрадованный ловким рассуждением своего друга.

Были довольны и остальные. Савушке объяснение показалось разумным. Тем более, что Женя был человек, не склонный к вранью.

Однако очень скоро жизнь опровергла «научные» утверждения Жени Славутского.

На следующий день после того разговора мальчишки собрались в Карантинную балку, где можно было отыскать немало осколков от бомб и гранат. Там, среди бурьяна и глиняных груд, хватало и литых ядер всякого калибра — французских и русских — но такую тяжесть никому не продашь, а осколки весьма ценились туристами.

Вприпрыжку спускались по скальной тропинке — там, где слободка называлась уже не Артиллерийской, а Карантинной (впрочем, сами жители не всегда могли разобраться, где какая). По сторонам тянулись каменные заборы, за которыми — бахчи и огороды. Савушка чуть отстал: он наступил на колючую кожуру прошлогоднего каштана и досадливо прыгал, держась за ступню. Потом прислушался. Сквозь нагретый воздух пробивались слабые вскрики, похожие на кошачий писк. Вроде бы за изгородью...

Савушка всегда жалел котят. Был он ловкий мальчонка и, забыв про боль, разбежался, прыгнул, уцепился за верх изгороди. Подтянулся, лег животом. Простор бахчи волнисто стелился широкими листьями, среди них полосато зеленели незрелые еще, но уже набравшие величину арбузы.

Писк раздался опять. Савушка, метнувшись взглядом по зелени, углядел среди листьев холщовый сверток из которого торчала крошечная человечья ножонка. Она суетливо сгибалась и разгибалась.

— Эй! — завопил Савушка. — Сюда идите! Живее!

Ребята бегом бросились назад — было в Савушкином крике что-то *такое*. Прыгать на забор не стали, неподалеку оказалась в нем широкая щель (немалое, кстати удобство для любителей даровых арбузов, когда те созреют). Пролезли, кинулись, куда указывал Савушка. Он прыгнул за ними. Столпились у свертка. Меньше всех удивился, конечно, Фрол.

— Э, да это, видать, подмётыш... — И умело взял младенца на руки, чмокнул над ним губами (ясное дело, помнил, как нянчился с грудной сестренкой).

Из холщовых тряпиц глядело кукольное личико с крошечными пузырьками на губах и блестящими глазами.

— Чей он? — изумленно сказал Коля.

— Кабы знать, — хмыкнул Фрол и огляделся.

Глянули вокруг и остальные. Домик хозяев бахчи белел в отдалении, высоко на склоне. Ясное дело, не оттуда ребенок. неподалеку торчала сложенная из ракушечника будка. Наверно, тот, кто подкинул малыша, думал: выйдет из будки человек и заметит. А не понял того, что в таких будках если бывает кто-нибудь, то лишь



в пору арбузного созревания, когда надо сторожить. Повезло крохе, что слабый крик услышал чуткий на ухо Савушка.

— Ай, куда же его теперь? — озабоченно спросил Ибрагимка.

Фрол хмыкнул опять. И протянул примолкнувшего младенца Савушке:

— На... Сам понесешь или помочь?

Савушка попятился, как от крапивы.

— А чего я-то...

— Вот те на! А кто его нашел? Сам же вчера говорил: кто на бахче дитя найдет, тот и родитель. Отец или мамка. Будешь теперь тятенька...

Савушка попятился пуще.

— Не говорил я такого!

— Да как же не говорил? Все слышали, не так ли?

— Фрол хитро оглядел мальчишек. Те (кроме Макарки) дружно хихикнули и закивали: был такой разговор. Поэтому что очень уж смешно перепугался Савушка. Намокшими глазами он глянул на каждого: не пора ли зареветь? Но увидел на Женином лице сочувствие и вспомнил:

— Я же неженатый! Ты сам вчера говорил, что без того нельзя!

Женя развел руками:

— Ну, ошибка вышла. В природе случается такое. Ничего, справишься один...

Савушка отчаянно глянул на последнюю надежду, на Федюню. Тому бы пожалеть брата, но и он не удержался от забавы.

— Ради такого случая и оженить можно, дело не долгое. Анфиска вокруг тебя давно, будто кот вокруг сметаны, ходит...

Савушка наконец заревел:

— Не хочу я-а-а...

И тут Макарка — он всегда поперек всех! — сердито повернул разговор:

— Ну, чего дразните малого? Дело не шутейное. Куда его девать, дитё-то?

Все разом посерьезнели. Фрол качнул малыша на согнутых локтях.

— Если Савушка не хочет, придется кого-то искать. Против воли в отцы не запишешь...

— Надо отнести к хозяевам, чей огород, — предложил Женя.

Фрол сумрачно глянул на дальний домик.

— А хозяева-то знаете кто? Бабка да дед Горпищенки. Мало того, что оба зловредные, так еще и песок из их сыпется. На кой им грудное дитя на старости лет? Они нас метлой с порога...

— Тогда одно остается, в участок, — с прежней сердитостью рассудил Макарка. — Дядько Куприян решит по закону.

Фрол опять покачал малыша.

— Закон законом, а из Семибаса какая нянька...

— Может отыщет того, чей он по-правде, — неуверенно сказал Федюня.

— Жди... — хмыкнул Фрол.

Колю осенило:

— Давайте отнесем к тете Тане! Она знает, что делать с такими маленькими!

В самом деле! Тё-Таня знала выходы из всех затруднительных положений, а уж что касается новорожденных младенцев — тем более!

На том с радостью и порешили.

Фрол бережно и с умением понес найденныша, остальные возбужденно шагали с двух сторон. Малыш слегка попищал, потом вновь успокоился. Когда были уже вблизи от Колиного дома, повстречали Маркельча и его Настеньку. Маркельч волок на хлипкой тележке свою мортирку. Настенька шла рядом и что-то укоризненно ему выговаривала. Оба увидели ребят.

— Вот, велит, чтобы свез орудие в участок, — пожаловался Маркельч. — Заодно с Семибасом. Тот который раз уже пристал: сдавай мортирку, потому как дома иметь артиллерию не положено... Эй, Фрол, что это у тебя?

— Да вот, Савушка нашел на бахче. Сам вчера новорожил такое, а нынче тятенькой быть не хочет: не умею, мол...

Никто не засмеялся.

— Дай... — Одними губами сказала Настя. Взяла у Фрола сверток, покачала тихонько, осторожно размотала пленку. — Катенька... — И большущими светлыми глазами глянула на мужа: — Это Господь послал...

Повернулась и, ничего не сказавши больше, пошла с девочкой к дому.

Маркельч сунул веревку от тележки Фролу.

— Отвезите Куприяну Филиппычу. Да скажите там заодно, что случилось. Все едино, без полиции тут не обойтись.

Настя обернулась издалека:

— Не надо говорить...

— Да не бойся, — осторожно успокоил ее Маркельч. — Если Бог дал, никто не отберет.

...Никто не отобрал у них Катеньку. Росла она веселая и добрая, всем соседям по нраву. Глазами похожая на мать, а вздернутым носом на отца — георгиевского кавалера и шкипера Николая Тимофеевича Яценко. Тот с первого дня звал дочку «Катёнок». Похоже было на «котёнок». Оно и понятно, такая ласковая...

Находились, конечно, языкастые бабки, что меж собой, а то и с другими людьми любили поболтать: не родная, мол, она им. Дошли наконец слухи и до Катеньки, та кинулась к маменьке. Настасья засмеялась: — Ты на нос свой погляди. Разве не точно батюшкин?

И не однажды потом случалось такое, но всякий раз отец и мать со смехом успокаивали дочку: чего, мол,

слушать всяких сплетниц. Но однажды, когда шел ей шестнадцатый год, расплакалась Катенька всерьез, потому что вновь услышала где-то ядовитый слух. И снова пристала к матери: откуда же эти разговоры, если ничего не было?

— Да было, было, — не выдержала Анастасия Павловна. — ладно, скажу. Дело-то шутейное. Правды на грош, а разговоров пошло на сто фальшивых рублей... Ты ведь знаешь Савву Иваныча, что живет ниже нас, на Шлюпочной?

Катеньке как не знать — потупилась, чуть зарделась даже.

— Ну и вот, — продолжала мать, — был он еще в ту пору несмышленный, рассказал приятелям, что детей малых находят на бахчах. Другие мальчишки, постарше, решили подшутить. «Давай, — говорят, — Настя, мы с твоим дитём погуляем, пока ты по хозяйству управляешься». Я малость удивилась: не девочки же, чтобы в мамки-нянки играть. Но и обрадовалась. Потому что дел и правда выше головы, а отец в плаванье был. Ничего такого не подумала, мальчишки-то все знакомые, добрые. А они унесли тебя на бахчу, положили в межу да Савушку подослали, чтобы он увидал. И говорят: «Вот, нашел дитё, значит, быть тебе тятенькой». Тот с перепугу в слезы... А Горпищенки прослышали, что на их бахче нашли подмётыва, вот и пустили слух. С той поры бабки и плетут, чего в голову взбредет, каждая добавляет свое... А не веришь, спроси сама у Саввы.

Катенька не утерпела, спросила однажды:

— А правда ли, Савва Иванович, что в малые годы с вами да со мной мальчишки сыграли шутку.

— Ну как же, Катерина Николаевна! Было такое! Нашел я вас, а они говорят: «Ну вот, дочка есть, теперь женись безотлагательно, иначе нельзя». Вы раньше разве не слыхали про это?

— Да я всякое слыхала.... А тогда в меже... я в пеленках была?

— Вся как есть завернутая, — успокоил Савва. Враз понял, как страшно Катеньке представить, будто она оказалась перед ним без всякой одёжки, пускай и кроха совсем. — Один только нос торчал... Я тогда еще у мальчишек пытал: почему это арбузы растут ни во что не закутаные, а человеческий ребенок сразу запеленатый? Был с нами Женя Славутский, умный такой мальчонка, из образованных... нынче он живописец, для морского музея картину пишет... вот он и дал разъяснение: пеленки, мол, из листьев образуются, такой закон у земной природы, чтобы маленький не простыл, пока не нашли. Я и поверил... А почему вы, Катерина Николаевна, так взволновались из-за давней той истории?

— Да так... Старухи чего только не плетут...

Савва свел густые брови.

— Старух этих, если не смолкнут, я длинными языками в литейный ковш макну, будут знать!..

Савушка, вопреки предсказанию деда (царство ему

небесное), не стал матросом. Сделался он мастером в горячем цехе адмиралтейского завода, где лили якоря, причальные кнехты и тяжелые детали для новых судов. Брат его работал там же. Оба слыли знатоками своего дела. Жалованье у мастера было приличное, и свадьба у Савушки и Катеньки получилась не бедная. А сына они назвали Куприяном, в честь бывшего околоточного надзирателя, деда Филиппыча, которого по звали к малышу в крестные отцы...

...Но все это случится в будущие годы, много позже того дня, когда Коля и Саша собрались в Херсонес и к Девичьей бухте, куда Коля недавно отказался наотрез идти с мальчишками.

Он и Саше сейчас сказал на всякий случай:

— Ну, а зачем нам туда, к Девичьей бухте-то? Это разве тоже Херсонес?

— Рядом... Там отыскать можно всякое. Черепок с кентавром я как раз на том берегу нашла... Да ты не бойся, вторник же... — и усмехнулась тихонько.

Коля старательно зашевелил пальцами босых ног.

Саша скользнула глазами по его загоревшим ногам — от побитых коленок, торчавших из-под сморщенных штанов, до пыльных ступней. Будто щекотнула ресницами-крылышками.

— Башмаки завтра надень, а то ноги отобьешь.

— Не отобью! Я привычный!

— Хоть привычный, а дорога не близкая...

Щит вещего Олега

Дорога, однако, была не столь уж дальняя. Херсонесский берег и строящийся на нем собор видны были прямо со склонов Артиллерийской слободки, верстах в двух, за Карантинной бухтой. На ближнем берегу бухты Коля бывал уже не раз. А обойдешь ее — и вот она, древняя земля поселенцев с Эглады.

Вышли незадолго до полудня. Раньше не получалось: тетушка и доктор все никак не уходили в лечебницу, а говорить о своих планах Коле не хотелось. Начнутся опять расспросы, наставления, предостережения, а это могло спугнуть удачу.

Наконец отправились.

Коле, хоть и в башмаках, шагалось легко. Потому что день был хороший. Безоблачный, но без лишнего зноя. От разбитых домов и ракушечных ступеней привычно пахло теплым камнем, а прилетавший с побережья ветерок приносил другие запахи: моря и южных трав (названий которых Коля еще не знал).

От Шестого бастиона по извилистым дорожкам спустились в Карантинную балку. Здесь густо пахло полынью. Она, серовато-зеленая, высокая, росла островками. Такими же островками подымался бурьян — и свежий, и серый, прошлогодний. Но было и много ничем

не заросших груд — сухая красноватая глина, щебень, желтые глыбы песчаника. Там и тут, в глине и среди камней можно было разглядеть ядра всяких калибров. Одни, полузарытые, ржавчиной своей сливались с землей. Другие, почти не тронутые коррозией, темнели дерзко и открыто, как выкатившиеся на середину комнаты мячики. С двух сторон их накидали сюда наши и французские батареи.

Коля относился к ядрам без особой боязни, но и без лишней беспечности. Два ядра — для коллекции — лежали у него в комнате под кроватью (подальше от глаз тетушки), а больше и не надо. Таскать их в сумке — одна морока и туристам эту тяжесть все равно не продашь. И к тому же, кто их знает? Подыметь такой «мячик», а у него снизу — запальное отверстие... И Коля старался лишний раз не задевать чугунные шары. Зачем дразнить судьбу? Кто знает, вдруг именно судьба предупредила его давней газетной строчкой: «...ждет один из них — меня».

Да, еще не от всех страхов избавился Николай Лазунов-Вестенбаум. Ох, не от всех...

Но сейчас эти страхи еле шевельнулись и пропали. Была в Коле веселая беззаботность, было ожидание радостных и ничуть не тревожных событий. Летали желтые и коричневые бабочки. Одна, лимонного цвета, села на коротенький рукав Сашиного платья. Наверно, приняла серо-зеленый полосатый ситец за траву.

— Это капустница. Она решила, что ты капуста.

— А вот и нет. Капустницы белые, — серьезно возразила Саша. — Не прыгай так по камням, ногу свихнешь...

Но Коля прыгал — такое было настроение.

Однако веселая прыгучесть не мешала ему привычным взглядам зацеплять на пути трофеи. Он поднял несколько забуренных чугунных черепков (наверно, две бомбы столкнулись тут в полете). Выковырял из глиняных комков две пуговицы с номерами французских полков и плоский латунный значок с орлом и буквой N — то ли с форменной сумки, то ли с кивера. Бросил в холщовую сумку, что висела на плече.

Саша часто уходила вперед, теряясь в своем «красительном» платье среди полыни. Потом нетерпеливо оглядывалась:

— Опять застряла из-за этих гудзиков! Разве мы затем пошли?

— Иду, иду!..

От Шестого бастиона до оконечности Карантинной бухты по прямой не более версты. Если бы нормальной дорогой, то и говорить не о чем. А по склонам и горкам, по ямам и буеракам, да еще с остановками — путь, конечно, не такой быстрый. Но за полчаса все равно добрались до синей гладкой воды. Здесь бухта загибалась запятой и была неширокой, шагов сто. У маленького мыса приткнулась к дощатому причалу двухмачтовая шхуна с убранными парусами. Еще одна

шхуна втягивалась с моря в бухту: завозили на шлюпке вперед якорь и мотали канат на шпиль. «Кажется, это называется *верлование*», — вспомнил Коля.

На шхунах суетились матросы, а на берегу — ни души. Только стрекот стоял в нагретом воздухе — то ли цикады, то ли обычные кузнечики. Они прыгали среди желтого мелкоцветья, чиркали Колю по ногам сухими крылышками. Травы стало гораздо больше, и дорога сделалась легче. Даже тропинка обозначилась, она змеилась недалеко от берега по плоским заросшим буграм. Солнце теперь светило в затылок, грело спину и плечи сквозь успевший полинять матросский воротник. Впереди, на синеве открытого моря, солнечно желтели несколько зданий. К ним и вела тропинка. К ним и шагала Саша, поторапливая Колю. А он опять присел на корточки.

— Саша, смотри!

Это было растение — ну прямо из тропических стран! Мясистые овальные листики с колючками. Как с картинки в журнале «Земля и море».

— Это кактусы!

— Это «ведьмины пятки», — терпеливо сказала Саша. — Их тут много.

— Ну, пускай «пятки»! Все равно из породы кактусов. Значит, здесь совсем южный край. Да?

— Да уж ясно, не Петербург... — Впервые в разговоре с Колей у Саши появилась нотка превосходства. Впрочем, чуть заметная и только на миг. — Ну, идем... Видишь там самый большой дом, недостроенный? Это здешний Владимирский собор, его сам царь закладывал, когда приезжал сюда.

— Да знаю я... А чего же до сих пор не достроили, если сам царь...

Саша вздохнула с житейским пониманием:

— Работа большая, а людей и денег мало... А внутри того собора знаешь что?

— Что?

— Стенки от храма, где крестился князь Владимир. Ну, тот, что Ясно Солнышко. От него пошла по Руси православная вера...

— Чего-о?

Коля читал, конечно, что киевский князь Владимир взял когда-то Корсунь (так в ту пору звали Херсонес), а после помирился с византийцами и крестился у них. А потом крестил все свое княжество. Но неужели здесь, в получасе ходьбы от Колиного дома?... Да, Коля слышал, что собор закладывал сам император, но думал, что это в память об осаде, а про княжье крещение не слышал.

— Не может такого быть, — сказал он уверенно.

— А вот и может! Нам отец Кирилл рассказывал... А иначе зачем бы такой громадный собор строили на этом месте? Недаром называется «Владимирский», так же, как в городе...

Собор, даже недостроенный, в самом деле был гро-

маден. Издали не казался очень большим, но сейчас, когда шли к нему, он словно двигался навстречу и вырстал на глазах. Не было еще башни и купола, но светлые треугольные фронтоны с рельефными крестами возносились в синее поднебесье. Темнели ряды оконных арок. Храм казался постройкой античной древности.

Эта громадность и торжественность желтого от солнца строения быстро убедила Колю в правдивости Сашиного рассказа.

— А ты видела остатки того храма? Там, внутри...

— Два раза... Хочешь посмотреть?

— Еще бы! А нас пустят?

— Да там обычно нет никого.

Но на сей раз у храма были люди. Два господина с усиками, в сюртуках иностранного покроя, и две дамы в пестрых платьях, с кружевными зонтиками и лорнетами. Одна молоденькая и симпатичная, другая вроде сухопарой гувернантки, каких Коля немало видел в Петербурге. Он наметанным взглядом сразу определил — туристы. Скорей всего заграничные. В трех шагах от туристов почтительно топтался старый дядька в мятой матросской фуражке — ясное дело, сторож. К нему-то и шагнула Саша, сказала безбоязненно и звонко:

— Дяденька, можно зайти в храм? Мальчик недавно приехал, хочет посмотреть.

Пока «дяденька» соображал и скреб затылок под сдвинутой на лоб бескозыркой, девушка весело спросила по-французски:

— О чем просят эти дети?

— Хотят побывать там, где только что были мы, мадемуазель, — учтиво сообщил один из господ.

«Гувернантка» подняла лорнет.

— О! Я вижу, юные аборигены здесь не лишены стихийного религиозного чувства...

«Ах ты карга парижская!..»

Тщательно следя за выговором, Коля учтиво произнес:

— Мадам! Стихийность религиозных чувств свойственна дикарям с островов, открытых капитанами ла Перузом и де Бугенвилем. А здесь Россия, мадам.

— О! — пожилая дама уронила лорнет. Два господина столкнулись твердыми соломенными шляпами, поднимая его. Девушка обрадовано засмеялась:

— Какой очаровательный гамен!

— Вы так находите, мадемуазель? — язвительно сказал Коля.

— Не обижайтесь, пожалуйста! Гамен — это...

— Не трудитесь, мадемуазель. Роман месье Гюго «Les misérables» известен не только на берегах Сены.

Последовала немая сцена, вроде той, которой заключил свою знаменитую комедию любимой Колей писатель Гоголь. С удовольствием отметив это, Коля обернулся к сторожу:

— А правда, можно побывать внутри?

— Пожалуйте... паныч... — Да, мальчишка был помятый и взлохмаченный, однако же явно не из простых. Вон как отбрил непонятными словами французиков.

В окруженном высоченными стенами пространстве стоял странный, сказочный свет. Потолка еще не было, его заменяло высокое густо-синее небо, в котором висело лишь одно полупрозрачное облако. Время от времени высоту косо рассекали чайки. С южной стороны били в оконные арки широкие лучи. Их ярко-желтый свет растворялся в синеве воздуха, придавая ему зеленоватый таинственный оттенок.

Между стенами слышался тихий гул и шелест. Это было эхо легкого прибоя, что шуршал галечником внизу под обрывами. Коля мигом забыл о французах. Душа у него притихла. Саша взяла его за руку очень теплыми пальцами и повела на середину.

— Вот...

Серые бугристые стенки — высотой по пояс — очерчивали контур древнего византийского храма — совсем небольшого по сравнению с нынешним. Кое-где были заметны цоколи колонн. В дальнем краю стенки выгнулись дугой, отмечая алтарное закругление. А в центре площадки были косо навалены известняковые плиты. Видимо, для строительства.

— Говорят, там под ними купель, — шепнула Саша. И перекрестилась. Коля тоже перекрестился. Показалось на миг, что у дальних стен возникли в зеленоватом воздухе древние священники в золоченых одеждах и усатые воины в кольчугах со снятыми острыми шлемами в руках... Он зажмурился, постоял так и коснулся ладонью верха каменной стенки. Камень был сухим и прохладным. А воздух все шелестел и шелестел отзвуками моря.

Саша опять взяла его за руку.

— Идем?

Теперь они пошли не к большому входу, а к узкому проему в боковой стене. Здесь был высокий, по колению, порог. В Коле вновь проснулся прежний петербургский мальчик (тот, что вспомнился недавно при разговоре с французами). Он вспрыгнул и отработанным жестом протянул руку Саше. И она — ну, в точности как Оленька! — легко и ловко приняла его помощь. Наверно в каждой девочке, независимо от звания-воспитания, прячется принцесса.

Они спрыгнули в колючую траву, глянули друг на друга и рассмеялись.

— Ты о чем это так ловко говорил с теми приезжими?

— А... больно много о себе думают. Будто их Франция пуп Земли, а мы дикари. Ну, я им напомнил одну книжку, чтобы носы не задирали...

— Какую книжку?

— «Всеми гонимые»... Да я же тебе рассказывал о ней. Про Козетту... А еще там есть Гаврош, мальчишка

такой. Он во время боя, под выстрелами, собирал пули для ружей. Ну, как здешние ребята во время осады...

— Значит, он против наших воевал?

— Нет, это еще раньше было... А та девица вдруг сказала, что я похож на него.

Саша скользнула по нему глазами:

— Такой же смелый?

— Нет, наверно, такой же... языкастый... — И засмеялся опять.

А Саша спросила без улыбки:

— А он уцелел там, под пулями?

Коля вдруг ясно ощутил ее тревогу. И хотел сперва соврать: да, уцелел. Или можно было сказать: «Не знаю, не дочитал». Он ведь и правда читал роман лишь урывками. Трудно все же одолеть такой пухлый том по-французски. Татьяна Фаддеевна выписала эту книгу через симферопольский магазин, у которого были связи с Францией, и сказала, что русского перевода еще, видимо, нет. То, что Коля не прочитал, она пересказывала ему по вечерам, полагая, что столь увлекательная и нравоучительная книга будет весьма полезна для мальчика. И могло случиться, что Коля и вправду не знал бы еще судьбы Гавроша. Но сейчас врать было невозможно. После того, как только что побывал в святом месте...

— Нет, он погиб...

Коля заметил, как Саша украдкой сцепила пальцы замочком: от дурной приметы.

— Тогда не надо.

— Что не надо? — неловко сказал он.

— Чтобы ты был похож...

У Коли почему-то — мурашки по спине. Он бодро потряхнул головой:

— Ну, а теперь куда?

Обогнули храм, по теневой стороне. Открылось еще одно здание. Красивое такое, с наружной лестницей, сводчатыми окнами, с крестом над крышей.

— А там что? Церковь?

— Нет, там настоятель монастыря живет и монахи.

А церковь вон... — Саша вытянула руку к невысокому зеленому куполу с золоченым крестом. — Это храм Семи Священномучеников, его тоже недавно построили...

— Ты в нем была?

Саша виновато вздохнула:

— Ни разу. Один раз подошла, но он оказался закрыт до вечерней службы, а ждать не было времени... Коля...

— Что?

— Я... Тут еще одна церковь есть. В нее я всегда захожу. Она... будто моя... Хочешь, зайдём?

Он удивился ее голосу — и смущенному, и с непонятной тайной. Торопливо кивнул. И опять она взяла его запястье тонкими теплыми пальцами.

Снова пошли мимо недостроенного храма. Теперь

уже не было видно ни французов, ни сторожа. Полная пустота и солнечная тишина, которой не мешали ни шорох моря, ни трескотня кузнечиков. Мимо штабелей из брусьев инкерманского камня, мимо груд из бревен и досок, а потом через гущу жесткой и высокой сурепки вышли на берег Карантинной бухты. Шхуна, что недавно верповалась с моря, уже стояла теперь у ближнего причала. А за бухтой увидел Коля холм, белые заборы и крыши Артиллерийской слободки. Совсем недалеко. Казалось, будь тут мост, добежать можно в несколько минут. Свой дом Коля не разглядел за соседними крышами, но Сашин и Маркельча — вот они... Саша, однако, тянула его вдоль берега, направо.

Здесь в зарослях дрока стояли развалины. Можно было угадать, что это церковь, только снесенная снарядами наполовину. Остался нижний этаж, его верхние кромки поросли полынью.

— Это церковь Святой Ольги, — шепотом сказала Саша. — Ее освятили за год до войны. Потом пришли французы, засели в ней и стали обстреливать нашу сторону из ружей. У них ружья шибко далеко бьющие...

— Штуцера...

— Ну да... Тогда наши с Шестого бастиона да с редута «Ростислава» по ним из орудий...

— По церкви-то...

— Когда война, разве глядят, где церковь, где что... Всю как есть поразбивали, теперь уж, наверно, заново не построят...

— Это и есть *твоя* церковь? — тем же, что у Саши, шепотом спросил Коля.

— Да... Пойдем в нее?

— Пойдем...

Вход сплошь зарос цветущим дроком. Саша и Коля пролезли вдоль стены, между каменным косяком и колючими мелколиственными плетями (они цеплялись за воротник). Из дверного проема дохнуло каменной прохладой и влагой. Внутри было полутемно, хотя сквозь заросшие окна и пробоины пробивались тонкие лучи.

Потолок первого этажа сохранился, только змеились по нему густо-черные трещины. Стены казались закопченными. У них всюду были навалены земля и камни. Местами — до половины высоты.

Коля постоял — глаза привыкали к сумраку. Саша ждала рядом. Потом тепло шепнула ему в ухо:

— Нам надо туда, — и потянула за руку.

По земляной гряде с битыми кирпичами они поднялись к неглубокой полукруглой нише. Она была похожа на заделанное окно. Из окошек напротив падал сквозь листву зеленоватый свет. Он мягко вымывал из сумрака роспись на побитой штукатурке. Видна была голова Богородицы в темном платке, очерченном тонким нимбом. Большие глаза ее были печальными и тревожными. А еще различим был Младенец. Он прижался к плечу Матери, поднял голову и смотрел ей в лицо. Выражение глаз было таким же, как у Богородицы. Так

по крайней мере виделось Коле в этом зеленоватом таинственном полусвете. Маленькая ладонь мальчика лежала у мамы на плече. На нее падал тонкий луч, и она светилась, словно крыло светлой бабочки...

— Это я нашла в прошлом году еще, — тихонько сказала Саша. — И расчистила...

— И с той поры приходишь сюда? — понятиливо шепнул Коля.

— Да... В уцелевшие-то церкви много людей ходит, а сюда никто... Мне кажется, им тут грустно совсем без людей... — Она вытянула руку, пальцами осторожно провела по верхнему краю росписи, над чуть заметными нимбами Иисуса и Марии. — Вот я и прихожу. И свечку им ставлю...

В самом деле на нижнем уступе ниши лежал крошечный восковой огарок.

— Если хочешь, тоже поставь... — чуть слышно предложила Саша.

— У меня же нету...

— Я взяла...

У Саши была такая же, как у Коли, холщовая сумка. В ней лежала половинка круглого хлеба и заткнутая тугой бумажной пробкой бутылка с квасом. (Коля несколько раз рыцарски предлагал: «Давай понесу», но Саша говорила: «Вот еще. Мне вовсе не тяжело».) Теперь Саша достала из сумки две похожие на желтые карандаши свечки и красную бумажную коробочку. Коля знал, что на ней написано:

Фабрика спички Д.И.Паркеръ

— Хочешь, зажги...

Коля хотел. Он любил зажигать спички. Умело цапнул головкой о картонку-чиркалку. От головки отлетела горящая крошка, клюнула его в рубашку, но, к счастью, не прожгла. Палочка загорелась едким шипучим огоньком.

— Давай... — Коля оплавил нижние концы свечек, укрепил их на каменном выступе. Близко друг от друга (ведь он и Саша тоже были рядышком). Придвинул горящую спичку (уже вторую) к одному фитильку, к другому. С тихим треском зажглись два ярких язычка. От их дрожащего света лица на фреске словно ожили, в глазах блеснули искорки.

Саша быстро встала на колени. Коля постоял, потом, спохватившись, опустился рядом — коленями в земляные и кирпичные крошки. Что-то острое попало под левую коленку, но он не шевельнулся. Саша неразборчиво шептала рядом. Коля не помнил ни одной подходящей молитвы. Он перекрестился и, глядя на два строгих освещенных лица, мысленно спросил:

«А почему вы позволили расстрелять эту церковь?»

Потом виновато опустил глаза. Разве он имеет право задавать *Им* такие вопросы?... А может быть *Они* специально сделали это, чтобы он и Саша оказались здесь вдвоем? Чтобы наступила вот эта минута, немножко похожая... да, чуть-чуть похожая на венчание...

Или как это называется — «обручение»?.. От такой грешной мысли у Коли полыхнули уши. Он покосился на Сашу: не догадалась ли?

Она легко встала.

— Идем, Коля. А свечки пусть горят...

Снова обнял их солнечный воздух с запахом южных трав и моря. Теплый ветерок приподнял Колин воротник, мотнул Сашино платье с частыми оборками ниже колен, сбросил с ее головы на плечи белую козынку.

Сквозь чертополохи Коля и Саша прошли шагов двести и оказались у остатков серой крепостной стены: Они торчали из земли обглоданными зубцами, словно хребет притаившегося под землей исполинского дракона. Кое-где камни густо опутывало желтое мелкоцветье дрока. Местами к камням прижималась высокая полынь. Среди травы цвел синий цикорий... Здесь Коля сделал первую находку. Башмак его зацепился за какую-то скобку. Оказалось — полукруглая ручка глиняной амфоры с остатком горлышка и круглого бока. Под ободком горлышка были заметны зубчики выдавленного узора.

— Ой, да такого добра здесь сколько хочешь, — махнула рукой Саша. Но Коля, как представил, что эту ручку тысячу лет назад держали в ладонях древние жители Херсонеса (может быть, такие же мальчики и девочки, как он и Саша) — сразу озноб между лопаток. Он сунул остаток амфоры в сумку.

— Пойдем к морю, — предложила Саша. — Там у берега волной намывает много всего.

Пошли вдоль стены — без тропинки, через всякие заросли. Саше-то ладно, она в чулках, а на Колиных икрах колючки оставляли белые царапины, а иногда и крошечные красные бусинки. Но он ни разу даже не пикнул. И в награду за терпение судьба наградила его новыми трофеями. Там, где стена была совсем низкой, на уровне локтя, Коля заметил на ее гребне, среди каменной крошки два черных кружка. Размером с мундирный «гудзик». Не веря еще в такое счастье, он ухватил их, повертел перед глазами, потер помусоленными пальцами, почистил о штаны и рубаху (что, конечно, не прибавило его костюму чистоты).

— Саша, это же монетки.

— Ой, правда... У меня таких еще нету...

На черной меди проступали прямоносые греческие профили в шлемах с гребешками. Это с одной стороны. А с другой... На одной монетке, приглядевшись, можно было рассмотреть остроносый корабль с мелкой щеточкой весел и квадратным лоскутком паруса. На другой — какой-то запутанный клубок.

— Ох, Сашка... Это, кажется, змеи сплелись. Наверно, священные...

Саша часто задыхалась у Колиной щеки.

— Правда змеи... Ой, страх, как они сцепились...
 — Опять «ой, страх»? Щелкну!
 — Я нечаянно... А кораблик тоже красивый.
 — Тебе что больше нравится? Кораблик или змеи?
 — Не знаю...
 — Тогда выбирай! — Коля подержал руки за спиной и протянул сжатые кулаки.
 — Зачем? Обе денежки твои...
 — Ты мне еще поспорь. Выбирай живо...
 — Тогда вот... — Она мизинцем коснулась его костяшки на кулаке.

Саше достался кораблик. Она благодарно засопела, стиснула монетку в пальцах...

Потом они спустились к морю, под обрыв — узкой ломаной тропинкой среди желтых пластов известняка.

Обломки такого же камня валялись у воды. Источенные прибоем, в круглых впадинах и дырах, они похожи были на черепа морских чудовищ. Легкие волны с шорохом отбегали эти камни. Разбегались по крупной гальке и откатывались. После них оставались полосы шипучей пены с искрами в каждом пузырьке. Резко пахло водорослями. Их бурые груды были навалены среди камней. Над ними густо скакала какая-то мелкая живность, похожая на стеклянную крупу.

Саша села в тени обрыва. Достала из сумки квас и краюху, отломив кусок.

— Хочешь?

Коле не хотелось есть. Он проглотил из бутылки теплого кваса, постоял над Сашей, которая аккуратно жевала корочку. Они встретились глазами. Коля вспомнил, как только что они стояли в разрушенной церкви на коленях, рядышком. Как потрескивали свечки. Почему-то очень застенялся, сбросил башмаки и, прихрамывая на каменных окатышах, пошел к воде. Волна залила щиколотки. Коля по очереди дрыгнул ногами и зашел поглубже. Соль защипала царапины, но не сильно, даже успокаивающе. Прохлада смыла усталость. Коля, растапкивая ногами воду, пошел вдоль берега. Новая волна приподнялась упругим пластом, замочила кромки штанов. Коля засмеялся, выбрался на гальку и пошел вдоль полос угасающей пены.

Здесь он увидел и отправил в сумку сразу множество интересных вещей. Громадную крабью клешню, несколько обточенных прибоем разноцветных камешков, пару черно-коричневых осколков херсонесской посуды с узором из квадратных завитков, ржавую шлюпочную уключину, почерневшую пуговицу с арабской вязью и большую деревянную пробку (наверняка от морского бочонка).

Он так увлекся, что на минуту забыл про Сашу. Она догнала его:

— Коля, смотри!

Он оглянулся. Саша безбоязненно держала за спину крупного краба. Протягивала Коле — прямо к лицу!

Краб сердито шевелил клешнями. Коля взвизнул и отскочил. Саша засмеялась:

— Ага, испугался!

— Я... не испугался вовсе. Просто от неожиданности. Суешь под нос...

Смех у нее мигом угас.

— Ты обиделся?

— Да ничуть... Ну-ка дай. Как его держать, чтобы не цапнул? — Это потребовало от Коли немалой храбрости: взять в пальцы такого зверя. Но он взял, хотя сердце колотилось. Краб задергался сильнее. Это живое шевеление передалось Колиной руке, и он ощутил в нем досаду и страх.

— Давай отпустим. Зачем мучить...

— Я и сама хотела! Только решила сперва показать.

Посаженный на плоский камень краб заторопился и боком убежал в воду. Рядом с ним проскочили узкие рыбешки и колыхнулась похожая на большущую пуговицу медуза...

Коля обулся, и они с Сашей пошли рядом. Скоро обрывы сделались ниже, превратились в нагромождения желтых глыб. Среди них заметна была каменная кладка — арки и участки стен. Меж камней и у воды лежали несколько серовато-белых колонн. Они похожи были на великанские свечи или, пожалуй, на прямые березовые стволы, только без черных рубцов. Отдельно от колонн валялись их верхушки — капители — с причудливыми завитками из мраморных листьев.

Это вам не осколки посуды, это была настоящая монументальная древность! И Коля всей душой пожалел, что не может утащить домой хотя бы одну колонну. Поставить бы у калитки, увенчать капителью — и ты будто в Элладе времен Одиссея и Язона... Оставалось подобрать кусок мрамора, отколовшийся от каменного листа на капители. Кусок этот изрядно утяжелил сумку.

По камням сновали серые ящерки с мелким узором на спинках. Взбегали по вертикальным выступам, словно их трехпалые лапки были смазаны клеем. Коля немало минут потратил, охотясь за ними — хотел накрыть ладонью. Ни разу не удалось. Чего боялись глупые! Он бы только подержал их чуть-чуть, поразглядывал и выпустил...

Пробравшись через глыбы, прошли по песку вдоль небольшой полукруглой бухты и опять отделились от моря. Здесь по заросшим всхолмлениям снова потянулись остатки крепостной стены — такие же, как неподалеку от собора. В одном месте, среди полыни, различим был фундамент круглой башни.

Пошли вдоль стены, раздвигая коленями и животами полынь — искали, где каменная кладка пониже, чтобы перебраться на ту сторону. Саша сказала, что в этих местах были главные городские ворота. Отец Кирилл рассказывал.

— Те самые ворота, к которым вещей Олег свой щит приколотил? — ахнул Коля.

Ему вмиг представилось, как Олег, стоя на седле верного белого коня, вгоняет обухом боевого топора гвозди в прижатый к воротам щит. Створки ворот сбиты из громадных дубовых плах с железными скобами. Щит — обтянутый красной кожей, окованный по краям и украшенный позолоченными шляпками. Посередке — золотистая узорчатая бляха. Сверху щит округлый, а внизу заостренный. Князь вбивает громадные гвозди в верхний край, а снизу щит подпирают копытами усатые дружинники. Голова у Олега запрокинута, шишकाстый шлем сорвался в траву, русые волосы разметались по плечам. Коня пугают гулкие удары, он перебирает тонкими ногами. Наверно, это тот самый конь, из черепа которого потом выползла «гробовая змея»...

Конечно, потом жители Цареграда-Херсонеса отовали Олегов щит и забросили в чертополох...

— Ох, Сашка, а вдруг он и сейчас где-то здесь валяется?!

— Кто? Вещий Олег?

— Да при чем тут Олег! Я про щит!

— Ну, ты и выдумщик! Его бы тыщу раз нашли!

— Не всё сразу находят. Может, завалился в камни, зарос травой...

Саша опять что-то сказала, но Коля уже не слушал... Конечно, щит уже не тот, красная кожа почернела и превратилась в лохмотья, золоченые бляшки потускнели, железная оковка в бурой ржавчине. Но все равно это он... Коля совершенно отчетливо представил, как из щели между глыбами ракушечника торчит среди стеблей сухого бурьяна ржавый закругленный край. Это совсем рядом, надо только перебраться через стену!

Уверенность была такая, что он не медлил ни мига. Подскочил, ухватился за верхний край и, царапая колени о серые пористые камни, забрался на гребень. Лег животом, подышал две секунды. Перевалился вниз и оттолкнулся...

Хозяин каменной кельи

Казалось, он прыгнул удачно — на желтый плоский камень. Как раз на такой, чтобы встать на него обоими башмаками. Но... время будто завязло в своем беге. Потому что Коля увидел на камне гусеницу.

Изворачиваясь и раскидывая (медленно-медленно) руки для плавного опускания, Коля успел разглядеть гусеницу до самых мелочей. Она была длиной с его мизинец и щетинистая, как ершик для чистки ламповых стекол. Полосатая, красновато-коричневая. На кончике каждого волоска горела крохотная солнечная искра. На головке шоколадного цвета двумя маковыми зернышками чернели глазки...

«Пушистик...»

Сейчас левая подошва впечатает пушистика в извествняк...

Коля отчаянно поджал ногу. Тело его, лишенное с одного бока опоры, ушло в сторону. Лицо зарылось в пахучую полынь, локоть попал на щебенку. Каменные зубы сквозь рукав вгрызлись в кожу. Ох и боль...

Коля приподнялся, сквозь мокрые ресницы, сквозь стебли увидел, как подбегает Саша. Она совсем неподалеку нашла в стене пролом. Коля встал на колени. Потом поднялся совсем. Прятать слезы было бесполезно, они текли по щекам.

— Ну-ка покажи... — ловко и осторожно принялась она подвертывать рукав. На сгибе он был изодран и набух красным. Вывернув локоть и вытянув шею, Коля посмотрел на рану. «Ух ты как...»

— И зачем полез, — упрекнула Саша. — Тут дыра недалеко, можно и не прыгать. У всех мальчишек одно скакание на уме...

— Я нормально скакнул. Это из-за нее... — Он подбородком (с которого сорвалась капля) показал на камень. Там, сгибая пушистую спинку, все еще двигалась гусеница.

— Ой, страх...

— Сама ты страх. Она красивая...

— Я их боюсь до ужаса. Таких... щекотательных.

Коля улыбнулся сквозь слезы. Правым рукавом вытер щеки и глаза. Режущая боль в локте слегка ослабела, обдугая прилетевшим с моря ветерком.

Саша размотала с шеи косынку.

— Дай-ка, завяжу.

— Вот еще! Портить платок! И так засохнет...

— А если зараза попадет! Во время осады знаешь сколько народу померло из-за этого в Гуцином доме!

— В каком еще доме!

— В лазарете. Мне соседка наша, тетка Федосья рассказывала, она там за ранеными ходила. Привезут солдатика или офицера с пораненной рукой и сперва рана вроде не очень опасная, а потом рука начинает распухать, чернеет вся, как головешка. Ее отрежут, а уже поздно, чернота на тело полезла. И пиши пропало... Гангрена называется.

«Сама ты гангрена! — чуть не взвыл Коля. Страх ожег сильнее боли. — Наворожишь еще!» Но только сказал сквозь зубы:

— Ладно, вяжи... Только промыть бы сначала...

— Тогда бежим к морю!

И побежали было, да тут голос за спиной:

— Что, ребята, беда приключилась?

Незаметно оказался рядом человек в длинном темно-сером подряснике, в черной скуфейке, из под которой торчали пегие пряди. Высокий, сутулый, с редкой бородкой и очками на утином носу. Не поймешь — старый или не очень. Голос хрипловатый и ласковый.

Длинными пальцами незнакомец аккуратно взял

Колину руку ниже локтя, нагнулся, чуть не уронив очки, кашлянул:

— Изрядно... Однако же не смертельно. Пойдемте ко мне, чада, моя келья неподалеку. Там и займемся врачеванием.

Он пошел, шурша подрясником по листьям, головкам и колочкам высокого разнотравья. Коля — следом, Саша — позади всех. Раза два незнакомец оглянулся на Колю с улыбкой: не бойся, мол. Он слегка похож был на Бориса Петровича — и взглядом своим сквозь очки и тем, что при каждом шаге так же по-птичьи дергал вперед головой. Под грубым подрясником двигались острые лопатки. Коля опять, уже насухо, рукавом вытер щеки.

Келья оказалась каменным сарайчиком, сложенным частью из брусев ракушечника, а частью... из обломков колонн, капителей и мраморных кусков со следами орнамента. Две небольшие колонны стояли по краям двери, сверху на них лежал карниз какого-то древнего херсонесского дома.

Дощатая дверь со скрежетом уехала внутрь от толчка ладонью.

Внутри оказалось светло — солнце падало сквозь широкое застекленное окно с частым церковным переплетом. А утварь убогая — топчан под суконным одеялом, некрашенный стол, такие же табуреты и косоватые, но крепкие полки вдоль стен. На полках вперемешку книги, терракотовая посуда, бутылки разной формы и величины...

Совсем неяркая при солнце горела перед большим образом Спасителя лампада.

Хозяин кельи закашлялся, подержал ладонь у груди, словно загоняя кашель внутрь. Глянул чуть виновато.

— Как вас звать-то, птички Божьи?

Они сказали свои имена разом и сбивчиво, но хозяин разобрал.

— Ты, Николай-свет, садись к столу да руку клади на него. А ты, Сашенька, дай-ка с полки вон тот зеленый пузырек...

В глиняной плошке хозяин принес воду, куском очень белого холста промыл Колин локоть, потом откупорил флакон.

— Не бойся, больно не будет.

Коля и не боялся. Слегка пощипало, зато прежняя боль растворилась во влажном холодке. Пока этот неожиданный спаситель бинтовал руку прохладной холщовой лентой, Коля смотрел по сторонам. Он разглядел, что посуда на полках — не обычные кринки и корчаги, а скорее всего, древние горшки, амфоры и кувшины. Некоторые были склеены из черепков. Кое-где черепков не хватало — чернели дыры. А в дальнем углу стояли амфоры побольше. Одна — совсем громадная, с Колю ростом. Сбоку от нее белела мраморная голова какого-то древнего мужа с отбитым носом и печальным взглядом. У другой стены светилась рас-

колотая каменная плита со строками вырезанных греческих букв...

— Ну вот и готово, — хозяин кельи похлопал Колю по руке. Покашлял опять. — До свадьбы заживет.

«При чем тут свадьба!» — Коля мельком глянул на присевшую у окна Сашу и ощутил, как опять затеплели щеки.

— Спасибо... святой отец.

Это «святой отец» прозвучало как-то слишком книжному, но как еще обратиться, Коля не знал. Посопел и спросил: — Простите... а как вас зовут?

— В монастыре называют брат Андрей. А вы, если хотите, можете звать отцом Андреем. Не для чина, а поскольку я вправду вам в батюшки гожусь, а то и в деды.

— Спасибо, отец Андрей... А скажите, вот это все вокруг... это вы сами собрали?

— Кое-что сам. А иные вещи принесли разные люди. К нам ведь нередко приезжают археологи, те, что древности раскапывают. Из Петербурга, из Москвы, из Киева... А я определен настоятелем нашим к ним в помощники да в сторожа. Такое у меня послушание... А я и рад. Старину я люблю, и жизнь у меня тут спокойная, помогает размышлениям... Говорят, в скором времени устроят здесь выставку откопанных редкостей, тогда это все, что видите, там, я думаю, пригодится... — Он опять покашлял, вытер губы холстинкой. — Ну а вы, дети мои, чем тут заняты? Просто так гуляете или с каким интересом?

И тогда Коля сказал... сказал то, что зрело в нем незаметно, будто давно уже, а сейчас вдруг сложилось в несколько слов:

— Отец Андрей, можно я вам исповедуюсь?

Тот быстро нагнулся над Колей, дернул себя за бородку.

— Но ведь... оно не по закону. Я не священник, а простой монах. Исповедоваться надо батюшке, в храме, в своем приходе. А потом — причастие...

— Ну да, я знаю... Но я читал, что иногда могут исповедовать и монахи. Например, на поле боя или на корабле или... ну, если какие-то необычные условия...

Отец Андрей нагнулся еще ниже.

— А сейчас что же? Они такие... необычные?

Коля уткнулся глазами в стол. Как про это сказать? Как объяснить, что именно сегодня, на этой древней земле, среди святых развалин, солнца, запаха вечной полыни и вечного моря вдруг захотелось ясности и чистоты. Чтобы никакие тяжести не томили душу, никакие самые мелкие занозы ее не царапали... Ох, да что это? Стыд какой... С ресницы опять упала капля, расплылась на желтой доске темной звездочкой. Коля лбом лег на забинтованный локоть.

Отец Андрей быстро придвинул табурет, сел рядом.

— Э, да ты что распечалился, отрок?... Сашенька, душа моя, окажи мне подмогу. У меня все венники кон-



чилишь, погуляй поблизости, нарви сухой полыни, она для подметания пригодней всего... А мы с Колей пока побеседуем.

Коля услышал, как Саша ответила что-то послушно и неразборчиво, скрипнула дверь. Мягкая ладонь коснулась Колиного затылка.

— Ну, голубчик... что с тобой такое? Что-то тяжкое на сердце?

Коля поднял лицо.

— Да... святой отец. Прежде всего страх... Он уже прошлый, но все равно...

И он стал рассказывать про страх тоски и одиночества, который не дал ему остаться в корпусе. Думал, это будет долго, а вся история уложилась в две минуты, в десяток сбивчивых фраз.

Пальцы отца Андрея легли ему на плечо.

— Не терзайся. Возможно, это и не страх был, а влечение судьбы. Она тебе предписала иную дорогу...

— Но ведь я хотел быть моряком!

— В моряки идут не только через военный корпус. Может быть, не случайно ты оказался в этих краях... В любом случае, грех твой не велик, тем более, что ты сожалеешь о нем. А Господь милостив...

— И еще был страх... Перед ночными развалинами. Но я его преодолел. То есть мне помогла одна девочка...

— Уж не Сашенька ли?

— Нет, другая, незнакомая. Когда я пошел среди ночи, чтобы победить себя, она встретилась в разбитом доме и сказала: «Ты больше не будешь бояться»...

— Добрая девочка.

— Очень... А еще я...

Ох как трудно было говорить про медицинский атлас (хорошо, что Саша еще не вернулась). Но рассказал и это. И про записку в конце.

Кажется, отец Андрей улыбнулся. Потом покашлял.

— Похожее со многими мальчишками случается. Главное — помни, что прочитал в конце.

— Я помню.

— Вот и хорошо. А Господь простит.

— А еще... У меня есть друг. Он тоже любит... ну, тайны всякие и старину... Надо было бы вместе с ним сюда пойти, а я... Мне хотелось только с Сашей...

— Ну, это дело объяснимое... Будет время, сходишь и с другом. Дней у вас впереди не считано...

— Все равно... получилось, будто обманул его.

— А ты скажи ему про это, признайся. Как-нибудь при случае. Вот и снимешь вину. Если друг, он обиды держать не станет...

«А ведь правда!»

— А еще... сделал я палочки барабанные. На станке в школе. И продал приезжим, будто настоящие, военные. Сказал, что отыскал на бастионах...

Отец Андрей усмехнулся:

— И много ли с того торгу нажил?

— Рубль... Да я не ради рубля. Скорее ради интереса...

Отец Андрей вздохнул. И сказал, что Господь простит мальчику и этот грех.

Про Женю Коля говорить не стал. Почему-то ему казалось, что для Жени случай с палочками не был прегрешением.

— А еще...

И вдруг понял: вроде бы настоящих грехов больше и нет. Ну, Тё-Таню порой не слушал, убежал без спросу из дома. Ну, стянул однажды из шкафа леденцы для Савушки (потом, кстати, почти что признался — сказал, что сгрыз сам, не утерпел). Уроки порой не делал, а тетушке говорил, что выучил... Вспоминать такие мелочи здесь были как-то не к месту... Пистолет у Фрола выманил почти что обманом, да вернул же...

Но нет же! Оставалось еще одно, и немалое. И смолчать про такое было никак нельзя.

— А если не дела, а мысли... Они тоже бывают грехом?

— Смотря какие...

— Я сегодня подумал... Я и раньше про это думал, а сегодня особенно... в развалинах церкви Святой Ольги... Вы сказали, что Господь милостив, да?

— А разве не так?

— Я знаю, что так. Но он еще и всемогущ, да?

— На то он и Господь Бог.

— А тогда почему...

— Что, мальчик? — тихо сказал отец Андрей.

— Почему он позволил, чтобы расстреляли церковь. И чтобы вообще стреляли... Чтобы войны всякие и несчастья... Вы скажете: в наказание за грехи. А разве у всех грехи? Под бомбами гибнут и невиноватые. Даже младенцы...

— Вот оно что... — непонятно вздохнул монах.

Коля вопросительно поднял мокрые глаза. Отец Андрей с печалью смотрел сквозь стеклышки маленькими бледно-серыми глазами.

— Значит, и к тебе пришло сомнение...

— Сомнение тоже грех? — спросил Коля чуть ли не с вызовом.

— Сомнение, наверно, не грех... если не ведет к дурным делам. Ни один человек не проживет без сомнений... Когда-нибудь у каждого появляются такие вопросы, как у тебя.

Коля ощутил непонятную виноватость. Опять опустил глаза. Шепнул:

— А ответа нет?

— Полный ответ знает только Создатель... Он сотворил мир громадный и непростой. И сотворил законы, по которым надобно жить в этом мире. А люди творят свои законы, не всегда согласные с Божьими... Ну что ж... Господь после греха Адама и Евы позволил людям жить, как они сами разумеют, и добывать истину своими силами, в спорах и ошибках.

Это на Земле. А уж на небе каждому воздастся по делам его...

— Это правда? — прежним шепотом сказал Коля.

— Это правда. Если в такое не верить, как тогда жить?.. Наверно, Господу в его царстве нужны души, которые сами укрепили себя среди земных тягот и страданий... И невинные страдальцы там получают самую большую радость.

— Значит, всё на Земле идет, как люди задумали, а Бог ни при чем?

— Бог отзывается на многие просьбы, которые от чистого сердца... Но только посуди сам, как можно выполнить их все? При осаде и наши, и союзники равно молились о победе... Но победу решают не молитвы, а людские усилия. Господь же с одинаковой болью смотрел на страдания тех и других. И на их безумие...

— Значит, все, кто воевал, не попадут... на небо?

— Отчего же не попадут? Они долг свой выполняли. Ежели от опасности не бежали, не предавали, не зверствовали, друзей защищали, Господь их примет... А вот с тех, кто столкнул тысячи людей на бранном поле, кто заставил их нарушить заповедь «Не убий», спросит сполна.

— Значит... и с государя? — испуганно выдохнул Коля.

Отец Андрей коротко посмеялся.

— Перед Господом все едины — и великий государь, и самый маленький барабанщик...

Это он случайно сказал или что-то знал?

— Вы, наверно, слышали историю про барабанщика?

— Что за история, Коленька? Не помню...

— Ну, мальчик-барабанщик французский. Будто убили его, а он все ходит по развалинам, ищет свой барабан. И пока не найдет, душа его не успокоится...

— Да это же сказка, их немало после осады... А если веришь в нее, помолись, чтобы нашел он свой барабан поскорее...

«Он уже нашел... И наверно, он уже на небе. А если нет... Господи, возьми этого барабанщика к себе», — быстро прошептал Коля. Мысленно прошептал. И вдруг ощутил, что на душе у него ясно и спокойно. Даже улыбнулся.

Улыбнулся и отец Андрей.

— Вот и поговорили... У тебя, Коля, сердце доброе, по добру и старайся жить, а Господь тебя не оставит... И Сашеньку...

Оказалось, Саша вернулась и сидит у порога на корточках. Рядом со снопом сухой полыни. Услыхала про себя и подошла.

Отец Андрей встал. Коля тоже встал. Отец Андрей легко положил ему на растрепанную голову ладонь, поддержал немного. А когда опускал, Коля неожиданно для себя перехватил его запястье (показалось — неве-

сомое) и быстро ткнулся губами в сухую кожу над пальцами.

— Ну-ну... — неловко сказал отец Андрей и опять прошелся пальцами по его волосам. Саша тоже приложилась губами к руке монаха — неспешно, как в церкви у батюшки. Отец Андрей и ее погладил по голове.

— Пташки вы мои... залетели мне на радость. И угостить-то вас нечем. Разве что молочком холодным? У меня тут две козы обитают в окрестностях, я за ними сам смотрю, сам дою...

Он, покашляв опять и отдышавшись, отодвинул в стене у пола каменную плитку, достал из открывшейся дыры глиняный горшок, а с полки такие же красно-коричневые толстостенные кружки.

— Только вот хлебушка у меня нет, не сходил за ним нынче в трапезную...

— У нас есть! — обрадовалась Саша.

Разломил ковригу на три части. Стали пить прохладное, пахнущее сладкими травами молоко. Из-за большущей кружки Коля вновь поглядывал по сторонам. И вдруг столкнулся со взглядом безносого мраморного грека. Взгляд теперь был почему-то укоризненным. И Коля понял — почему.

Наверно, это был пустяк. Едва ли стоило говорить о такой мелочи. Но... нет, пусть даже самая мелкая мелочь не царапает душу.

— Отец Андрей... А вот все, что здесь есть... и у вас, и еще в земле зарытое... Оно, значит, ваше?

— Да почему же мое? Божье.

— Ну, раз это археологи ищут для науки, а вы у них сторож, значит, все находки надо отдавать вам?

Видно, отец Андрей сразу понял, о чем речь. Опять посмеялся сквозь кашель.

— Вы про черепки, про монетки да бусинки? Этого добра здесь хватит на всех, на сто лет вперед. Другое дело, если мраморную фигуру откапаете, или какую-то плиту с письменами, или целую посудину. Особенно, ежели такую, как вон та... — Он кивнул на громадную амфору в углу.

— Или щит вещего Олега, — невинным голосом подсказала Саша.

Ох, Сашка! Смирная-смирная, а порой будто шило в языке.

— А щит-то здесь откуда? — удивился отец Андрей.

— С ворот. Вот он, — Саша стрельнула в Колю глазом из-за кружки, — говорит, что Олег его где-то здесь приколотил, когда Херсонес назывался Цареградом.

— Голубчики мои... — отец Андрей зашелся дребезжащим смехом. — Да ведь Цареград-то был вовсе не здесь. Так звали на Руси стольный город византийский, Константинополь. Его и взял однажды Олег. Там и щит свой оставил в знак победы...

«О-о-о... — Будь кружка чуть побольше, Коля засунул бы в нее голову. Чтобы скрыться от стыда и осту-

дить запольхавшие щеки. — Вот балда дубовая! И что на меня нашло?»

В таких случаях лучше сразу раскаться до конца.

— Ох, да знаю я! Знаю про Константинополь! Просто у меня в мозгах... будто что-то одно за другое зацепилось. Наверно, от полынного запаха... И потому что два знаменитых города. С одним Олег воевал, с другим Владимир... — Коля даже стукнул лбом о стол.

— Ну, не кручинься так, — отец Андрей дотянулся, потрепал его по воротнику. — С кем не бывает? От твоей ошибки никому беды нет...

— Кроме его самого, — вздохнула Саша. — Зря только руку ободрал... Отец Андрей, скажите ему, чтобы не скакал как дурная коза, а то сломит шею. Там проход рядом, а он через стену прыг!..

— Я как надо «прыг!» — обрадованно перескочил Коля на другой разговор. — Кто знал, что там гусеница?

— Неужто испугался букашки? — усмехнулся отец Андрей.

— Что вы, он не испугался, он давить не хотел. Красивая, говорит!

— Конечно, красивая! А ты свое: «Ой, страх...»

— Значит, жалеешь всякую Божью тварь, — покивал отец Андрей.

— Он жалеет. Нынче краба отпустил. Иные мальчишки, как поймают краба, хряп его о камни, так что брызги! А он его в воду как в люльку...

— Всё про меня изложила? Или еще будешь? — сурово спросил Коля.

Саша виновато сморщила нос.

— Больше не буду... Я же не худое...

Молока выпили по две кружки, даже в животе забулкала. Пора было двигаться дальше.

Отец Андрей помахал им с порога, а когда они отошли шагов на десять, закашлялся опять, прижал к груди руки. Коля остановился. Подумал чуть-чуть.

— Саша, подожди... — и бегом вернулся к порогу.

— Отец Андрей, у вас ведь простуда. Кажется, изрядная. Давайте я сведу вас к знакомому доктору. Или приду с ним сюда, он не откажется.

Отец Андрей улыбнулся, часто дыша после кашля:

— Добрая ты душа, Коля, спаси тебя Христос... А болезни я не страшусь, на все воля Божья.

— Но... вы же говорили, что люди решают сами. Значит надо к доктору.

— У нас в монастыре есть лекарь. Он обещал мне сделать овчинные припарки с медом. Говорит, всю хворь разом снимет. Ступай с Богом, за меня не тревожься. Будет случай, заходи с Сашенькой. И друга приводи...

Синие тени

Скоро приземистое каменное жилище осталось за взгорком. А вокруг опять был солнечный, пахнущий степью и йодистой солью простор. Справа — синева от-

крытого моря, впереди и слева — чуть всхолмленные пустоши, где среди серых камней обильно атели маки. Трещал в траве всякий «кузнечиковый народ», пересвистывались пичуги. И ни души кругом. Повстречались только две лохматые козы — наверно те, о которых говорил отец Андрей...

Ноги у Коли шагали без всякой усталости, не смотря на увесистые башмаки. Коля не знал, была ли его беседа с отцом Андреем настоящей исповедью, но на душе и в теле звенела легкость, как, наверно, у жаворонка. Если разбежаться как следует, можно, пожалуй, и взлететь. Только трава мешает разбегу...

А локоть, кстати, совсем уже не болел.

Скоро, однако, стала ощущаться досадная помеха. Квас и молоко, скопившиеся в животе, давали о себе знать. Хорошо хоть, что эта смесь не забурлила в кишках, а только тяжелела с каждой минутой.

— Саш, гляди, вон за тот камень коршун сел. Может, там гнездо! Надо посмотреть.

— Опять придумываешь! То щит, то коршун... Не пойду я, иди один, если хочешь... — Кажется, она все поняла.

— Я мигом! — И помчался. Потому что, если не мигом, то... ой-ёй-ёй!

Через минуту он вышел из-за камня с новой легкостью в теле. И с трофеем в руке. А Саши не было... Впрочем, почти сразу она появилась из-за дальнего обломка скалы. Застеснялась, крикнула чересчур бодро:

— Ну, нашел гнездо?

— Нет! Зато вот что нашел!

Это был треугольный, изъеденный ржавчиной кусок железа. При желании его можно было принять за наконечник скифского копья. Коля так и обьяснил. Саша не спорила. Пусть будет наконечник, жалко ей, что ли... Поднялись на плоский холм у моря.

Море было темно-синим, с зеленью и белой кромкой пены под обрывами. Стригли воздух и покрикивали чайки. Облаков почти не было — так, два-три комка пуха. Слабый ветер колыхал Колин воротник. Коля огляделся. Ого, сколько они прошли! Недостроенный собор казался отсюда совсем маленьким. Город на береговых ярусах Большой бухты был виден почти целиком. Белый, стройный, будто вовсе не разрушенный. Низкий форт на Константиновском мысу был врезан в море желтой решительной чертой. Наверно, он все еще ждал вражеские корабли...

Саша потянула Колин рукав.

— Идем. Девичья бухта уже рядом.

Бухта была крошечная, тесная, по форме похожая на изогнутый мизинец. Со спокойной темно-зеленой водой, в которой угадывались размытые пятна медуз. Воду обступали слоистые желтые обрывы. Они были почти такие же, как везде, только из пластов известня-



ка всюду торчали козырьками белые плоские камни. Словно в давние времена создания мира кто-то замешал в слоеный пирог сплюсненные ядра орехов. Внизу между обрывами и водой лежала узкая белая полоса пляжа. Сразу видно — не галечного, а из чистого песка, что в здешних местах было редкостью.

В бухте было тихо и пусто. Кругом — тоже безлюдно, однако там, под обрывами, как-то чересчур. Будто заколдованно. Даже чайки не летали. В Коле вдруг шевельнулась полузабытая боязнь, похожая на страх ночных развалин. Он повел плечами.

— Какая тут... пустота. — Он чуть не сказал «безмолвие», но это было бы слишком... поэтично, что ли.

А у Саши, конечно, никакой боязни не было.

— Идем вниз... Осторожно только, а то опять...

Вниз вела то ли тропинка, то ли лесенка из редких камней-ступенек. Крутая до невозможности. Саша привычно запрыгала вниз. Коля — следом. Страх пустынности он одолел, а крутизны и высоты он никогда не боялся. Прыг, прыг... Наконец он сиганул далеко в сторону и заскакал впереди Саши, чтобы в случае чего по-рыцарски подхватить ее (это, по правде говоря, было бы очень приятно). И...

— Ай!.. — Камень, торчавший из обрыва этаким балкончиком, закачался под Колей. Тот замахал руками, не зная куда прыгнуть дальше. Сейчас вместе с этой глыбой вниз... Уф... Камень покачался и замер. Коля тоже.

— Я ведь говорила: осторожнее, — назидательно сообщила сверху Саша. — Стой смирно...

— Ой! — Коля присел. Потому что Саша прыгнула рядом, и камень заболтало опять. Саша крепко взяла Колю за плечо. Камень успокоился.

— Испугался? — поддела Колю Саша.

Отпираться было глупо.

— Конечно... Я же не знал про такое...

— Все пугают первый раз. Это камень-качун. Кажется, что вот-вот сорвется, а на самом деле он держится крепко. Можно качаться сколько хочешь.

И они покачались вновь, крепко держа друг друга за руки. И пустота покачалась под ними, и море в теснине берегов, и скалы...

— Теперь прыгай вон туда...

Наконец оказались внизу, у воды. Солнце светило из-за кромки обрыва громадной лучистой звездой. Коля поднял лицо. Сухой жар защекотал щеки... Коля приоткрыл один глаз. Высота берегов казалась небывалой. А синева неба — во много раз темнее, чем обычно. Коля шумно вздохнул. Эхо этого вдоха мягкими крылышками разлетелось по бухте.

Коля опять сбросил башмаки и пошел у воды. Было очень приятно идти по твердому прохладному песку. На нем оставались удивительно четкие отпечатки босых ступней (как следы дикарей в книжке о Робинзоне). Но песок был все-таки не везде. Иногда вровень с ним лежали плиты песчаника — в их круглых вмяти-

нах слюдяными оконцами блестела вода. А местами попадались небольшие россыпи гальки. Там и большие окатыши светло-серой и желтой расцветки, и крошечные круглые камушки разных пород. Когда их заливала вода, они делались удивительно разноцветными...

— Коля, смотри!..

Саша сидела на корточках у края галечной россыпи. Мизинцем передвигала камешки на ладони. Потом потянула Коле. Он сразу увидел, что это не простые гальки. На ладони блестели полупрозрачные горошины из мутноватого стекла с перламутровым отливом. В них чернели крошечные проколы для ниток. Коля опустился рядом.

— Ух ты! Бусы... Ты скоро собираешь на целое ожерелье.

— Красивые, верно?

Признаться, бусинки были не столь уж красивые. Главное достоинство их то, что древние. Может, тысячу лет назад (а то и две!) их носила на тонкой шейке девочка, похожая на Сашу. Коля сказал:

— Переливаются... Вот наденешь их и станешь совсем красавицей.

— Ох уж! Это я-то красавица? — Она царапнула себя ноготком по переносице. — Конопушек больше, чем мака на прянике, не отскребешь.

Коля чуть не сказал, что «в конопушках главная твоя красота», но сильно застеснялся и засопел. И быстро спросил про другое:

— А тот осколок с кентавром ты где-то здесь нашла?

— Вон там...

В давние времена скальный обломок в сажень ростом скатился с обрыва и застрял на пляже в двух шагах от воды.

— Я под камнем рылась в песке и вытащила... Даже и не ожидала такого...

— Давай еще пороем...

— Давай!

И дальше случилось... ну, просто небывалое! Сидя на корточках, они с полминуты путались руками, подкапывались под камень-великан. Потом пальцы их разом нащупали твердый неровный краешек. Потянули... Черепок был с половинку Сашиной ладони.

Он был с рисунком...

Не просто с рисунком, а... у обломанного края различим был крепкий лошадиный круп с пышным хвостом и ногами, а справа от него — тонконогий кентавр-жеребенок. Он стоял как бы поодаль и виден был целиком. В пол-оборота к зрителю.

— Ух ты-ты... — тонко сказал Коля. Он и Саша сдвинулись над находкой висками, и Сашины завитки защекотали Колино ухо. Но сейчас это не вызвало у него никаких особых чувств. Он смотрел только на кентаврёнка. Тот стоял спокойно, однако в каждой его жилке

ощущалась готовность в любой миг сорваться с места и помчаться по степи. Степь была оторочена по нижнему краю квадратными завитками орнамента...

— Саш, это ведь половинка того... что ты мне подарила...

— Ой... тебе так кажется?

Она совсем вблизи глянула ему в глаза своими зрачками-смородинами. То ли с тревогой, то ли... с лукавством.

— Не кажется, а точно! Я же помню излом!.. — Коля положил черепок на колено, пальцем провел на кромке. — А это — часть кентавра, который тянет за руку мальчика...

— Правда похоже... Коля...

— Что?

Саша чуть улыбнулась. Ноготком тронула кентаврѐнка.

— Погляди, он на тебя похож.

— Не выдумывай... Здесь и лица-то не разглядеть.

— Зато волосы. И еще это...

— Что?

— Твоя прыгучесть...

— Ох, Сашка... — Он сделал вид, что рассердился.

Она не поверила.

— Похож, похож... Это, наверно, сын большого кентавра. А тот кентавр, на твоём черепке, зовет мальчика, чтобы они подружались...

— Саш... — надулся Коля. — Но так ведь не бывает.

— Думаешь, кентавр и человек не могут подружиться? Они же оба мальчишки.

— Я не про то. Не бывает таких совпадений. Чтобы сперва один черепок, а через год — его другая половинка... — И он строго глянул Саше в лицо: «Признавайся. Этот осколок был у тебя раньше и ты подсунула нарочно, чтобы получилось чудо!»

— Но она сказала спокойно (может, чересчур спокойно?):

— А чего такого? Вся посудина пряталась, наверно, здесь в песке. Потом камень скатился и раздавил ее. Вот и находим по кусочкам...

— Тогда давай еще!..

И они несколько минут подрывались под камень с энергией перепуганных землероек. Но отыскали только два крошечных осколка со следами орнамента.

— Если бы спихнуть камень... — вздохнула Саша. Но для этого нужен был циклоп Полифем из мифа про аргонавтов.

Они сели, прислонившись к бугристой каменной грани. С теневой стороны известняк был прохладным.

Коля опять положил осколок на колено.

— Теперь-то они уж точно подружатся, — с довольным вздохом сообщила Саша.

— Почему?

— Ну как же! Ты этот черепок тоже вставишь в рам-

ку, вплотную к тому. Вот он... — Саша опять тронула кентаврѐнка, — и мальчик окажутся рядом...

— Нет, что ты! Я сделаю отдельную рамку, ты это повесишь у себя!

— Зачем?!

— Ну... зачем. Так будет правильно. Хорошо...

— Это, может, мне хорошо и тебе. А ему?.. — на сей раз она коснулась лошадиного крупа. — Думаешь, радостно быть разделанным напополам?

«А ведь и правда!»

— И мальчишки тогда не сбегутся, — тихо добавила Саша. — И вообще...

— Что вообще?

— Это же довесок к подарку, вот и все...

Это было конечно не «все». Оба понимали, но говорить про такое неловко. И Коля сказал:

— Тогда я попрошу Женю, пусть нарисует, будто оба черепка вместе. И вставлю это в рамку. Для тебя.

— Ладно, — шепнула Саша.

Потом они минуты три сидели молча. Коля вдруг ощутил, что ноги-то, оказывается, изрядно устали. Коля их вытянул и, нагнувшись, начал тереть от щиколоток до колен.

— Притомился? — заботливо сказала Саша.

— Гудят немного, — честно признался Коля. И пошевелил пальцами.

— Можно уже и домой. Обратный путь короче, потому что без задержек...

— Ага... Только давай еще посидим.

Сидеть было хорошо. Коля прислонился к камню затылком и смотрел на обрывы. Солнце давно уже перевалило свою верхнюю точку и наклонными лучами освещало скалы из-за ломающей кромки. От камней, торчавших в слоях известняка, падали на желтые отвесы косые тени. Они были похожи на синие перья. Частые и словно приглаженные в одну сторону взмахом неслышного ветра.

— Саша, смотри сколько синего на желтом...

— Чего?

— Я про тени... Они же синие. И вон их как много. По всем скалам...

— Ой, правда. Я раньше не замечала...

— Наверно, это не всегда, а только в такой вот час... Смотри, похоже, что вот-вот все кругом станет синее.

Правда, казалось, будто высоченные берега захлестывает бесшумный ультрамаринный листопад.

— Саш... Я понял!

— Что?

— Это та самая *Синекаменная бухта*! Где прятался «Македонец»!

— Ой... да ну...

— Что «да ну»! Смотри сама! Место здесь как раз для такого парусника. Вход в бухту узкий, тендер уйдет вон туда за поворот, с моря и не заметишь! А он ведь может осторожно, даже на веслах... Люди гадают: «Где,

где эта Синемакаменная бухта», а она у всех под носом!.. Ну, скажи опять: «Выдумщик».

Саша сказала не так:

— Если она *та самая*, то должен быть подземный проход. А где?

— Мало ли где! Небось тут немало всяких дыр среди камней... — И Коля опять обежал глазами обрывы. И зацепился глазом за знакомый камень-качун. Тень под ним... да, она была особенно густой! Под самым камнем — даже не синяя, а черная.

— Я сейчас! — Коля рывком прогнал из ног усталость, скачками пересек пляж. До качуна было саженой пять. Коля по каменным выступам ринулся вверх (хорошо, что босиком, ноги не скользят!).

Качун торчал не прямо над пустотой, а над узким известняковым выступом. Тот был, словно нижняя губа, а качун — верхняя. Когда он, покачиваясь, опускался, то как бы замыкал щелястый рот. Понятно, что в этом «рту» лежала самая густая тень.

Коля лег на «нижнюю губу» животом. Верхняя нависла над ним, почти коснулась спины.

— Сашка, смотри, чтобы какой дурак не прыгнул сверху! — И добавил про себя: «... а то как гусеницу».

— Коленька, не надо-о!

«А-а-о-о...» — разнеслось меж обрывов.

— Не бойся, я быстро!

И опять задергал ногами, ввинтился в темноту.

Он правильно догадался! Каменный «рот» не смыкался вблизи, за ним начиналась «плотка». Этакая округлая щель длиной в аршин. А потом небось и расширяется!

Но из черноты тянуло холодом и такой жутью, что Коля понял: соваться одному — себе дорожке. Сбивая на животе рубаху, он выбрался на солнце. Спрыгнул на уступ ниже каменных губ.

— Саш, иди сюда!.. Прихвати мою сумку и башмаки, чтобы не возвращаться!

Саша послушалась. Скоро она часто и пугливо дышала рядом.

— Ты какой-то... совсем не думаешь, да? Суешься, куда не надо! А если он качнется!

— Разве он сам по себе качается?

— А вдруг!

— Такое «вдруг» не бывает... Саша, там проход. Я видел, вот ей-Богу! Наверно по нему и ушел Новосильцев с матросами.

— Ну и пусть ушел. А ты не ходи! Страх такой...

— Опять?.. Да ладно, не пойду. Это же надо готовить специально, потому что тут должна быть экспедиция.

— Чего там искать-то? Они все равно давно ушли.

— А если как раз там закопали флаг и журнал... и золото?

— Да ну тебя! А если сгинеешь там?.. Колька, не вздумай! А то я тете Тане скажу, пусть она тебя взгреет! Вот!.. И можешь меня потом хоть со свету сжечь.

Конечно, никому она ничего не скажет. Но вся изведется от страха. Или (что еще хуже!) полезет следом, не отступится. А разве это девчоночье дело!

Коля засмеялся как можно беззаботнее:

— Да пошутил я, никуда не полезу. Что там делаться-то? Только шишки набивать. Да еще скелет какой-нибудь под ноги попадетс...

— Ой, страх какой!

— Ты снова? Ну, все! Подставляй нос.

— Я больше не буду.

— Подставляй, подставляй! — Коля с самым беспощадным видом сложил пальцы для щелчка. — И стой крепче, не слети вниз...

Саша покорно опустила руки. Зажмурилась. Конопушки сбежались на боязливо сморщенной переносице. Коля... коротко вздохнул, вытянул трубкой губы и, ужаснувшись тому, что делает, чмокнул Сашу в загорелую щеку.

Она широко открыла глаза:

— Ой...

У Коли колотилось сердце. В ушах стоял комариный писк.

— Зачем ты... — шепотом сказала Саша. Густой румянец смешался с загаром.

— А что... — сипло сказал Коля. Он смотрел на свои босые ноги.

— Это же... так нельзя...

— Отчего же нельзя... если...

— Что... если... — Саша опустила лицо. Кажется она не очень рассердилась.

— Если... ты мне нравишься, — выговорил Коля с последними остатками смелости.

— Ну... и все равно. Это нехорошо.

— Отчего же нехорошо?

— Потому что... это лишь большие так делают. А мы ведь...

— И не только большие. Такие, как мы, тоже. Только не говорят другим.

Она чуть-чуть (или показалось?) улыбнулась, не поднимая ресниц:

— Откуда же ты тогда знаешь? Если не говорят...

— Ну... иногда все же рассказывают. Только редко.

— Это самые бессовестные болтуны. Фрол, небось...

— И не Фрол вовсе! Мне один взрослый знакомый признался про себя. Американец...

Саша вскинула глаза. В них даже слезинки блеснули. И горький упрек: «Ну, ты уж совсем...»

— Да правда же! — Коля отчаянно перекрестился, вскинув лицо к небу. — Пусть меня бомба разорвет, если вру!.. Его зовут Сэм. То есть Сэмюэль. Он турист. Я водил его по городу. А он вспоминал свое детство... Ты послушай!

Окончание в следующем номере.

Виктор БУРЦЕВ, Брянск — Таллин

Командная работа

Ситуация становится необратимой,
когда уже нельзя сказать:
«Давайте все забудем!»
Правило Фергюсона.

Третья бутылка была лишняя, и последствия после нее были соответствующие. Перед глазамиплыли круги, желудок находился где-то под самым кадыком, а в висках стучало так, что, казалось, кости не выдержат и полопаются, выпуская наружу исстрадавшийся мозг.

Вставать не хотелось совершенно, и поэтому Курт просто вывалился из нерасстеленной постели, в которой он пришел в себя. Падение тут же дало себя знать, и он еще некоторое время судорожно сглатывал обильную слюну, которая обычно предшествует пьяной рвоте.

«Боги, как плохо... Как плохо мне... — ничего круче слова «плохо» ему в голову не приходило. Именно это простое и такое емкое слово билось сейчас в его голове, как птица в клетке. — Как плохо мне. Мама...»

Мама Курта не могла его услышать, кричи, не кричи. Она погибла много лет назад. В последний день войны. Отец тоже не мог ничем помочь Курту, поскольку был уничтожен во время террористического акта, когда все представительства и офисы корпорации «Ультра Якузи» были уничтожены с орбиты боевым спутником системы обороны. Случай тот так и не раскрыли, хотя террористических организаций, «признавшихся» в совершении этого деяния, было предостаточно.

Таким образом, Курт был круглым сиротой, что, впрочем, его не слишком огорчало, потому как сиротская жизнь сильно облегчалась наличием некоторого, достаточно большого, количества свободно конвертируемой валюты, доставшейся Курту в наследство.

Это, в свою очередь, позволяло жить в свое удовольствие, наслаждаться жизнью и всеми ее прелестями, которых в техногенном веке хватало. К его услугам было все, начиная от виртуальной проституции, наркотиков и заканчивая их реальными аналогами. В этот сомнительный диапазон укладывался весь спектр сомнительных развлечений.

Однако было бы неверно предполагать, что Курт бездумно проматывал родительское состояние, ради которого не ударил и пальцем. У него было свое маленькое, но позволяющее уверенно плыть на волнах житейского моря дело.

Курт был агентом. Или, как он любил себя именовать, Сводником.

Жизнь довольно странная штука, и часто бывает так, что несколько, на первый взгляд довольно здравомыс-

лящих людей, вдруг перестают друг друга понимать и между ними происходит то, что на жаргонном языке называется просто: «разборка».

В разборке должны участвовать люди с «понятиями», оснащенные соответствующим оборудованием и умениями. То есть наемники.

Наемники, по роду своей деятельности, народец довольно нелюдимый. Хорошие наемники — скрытные и недоверчивые. А уж лучшие из них вообще лежат на иллом дне и только глаза выставили наружу. Дно, правда, у каждого свое. У кого-то дешевая квартирка с минимальным количеством удобств, а у кого-то шикарный частный небоскреб с увеселительными заведениями. Эдакая ярко расцвеченная рыба-дьявол, к которой просто так не подберешься.

Так вот, деловые люди, которые на разборки «подписались» и особенно в наемниках не разбираются, ищут человека, который является их полной, в этом вопросе, противоположностью. Профессионала в своей области. Сводника...

И тогда наступает для Курта момент истины.

Время выкладывать планы, рекламные буклеты (да, даже такое есть), списки выполненных (успешно) дел и тому подобную чушь, в которую деловые люди, в обычном состоянии, не верят. Но в том-то и состоит хитрость сложившегося положения, что деловые люди находятся в крайне необычном положении. Можно сказать, щекотливом положении. Ведь ведение разборок дело не простое, требует умения.

А значить повышается спрос на профессионалов. А там, где спрос, там всегда посредники. Такие как Курт.

Кстати сказать, «Курт» это совсем не настоящее его имя. Это просто кличка, полученная им еще в годы, когда он, молодой и безмозглый балбес, колесил по просторам Нового Подмосковья на здоровенном мотоцикле в банде таких же, как и он сам, балбесов, которые именовались «Кара-Курты». Тем, кто не имеет понятия о составе подмосковного андеграунда, совсем не стоит валить всех мотоциклистов в одну кучу. Не стоит смешивать, например, «Героев Асфальта» и «Кара-куртов». Хотя бы потому, что первые киберы, а вторые нет. Правда общее качество у них всех имеется. Все подмосковные группировки совершенно не желают чтить законы и их хлебом не корми, а дай кого-

нибудь с дороги столкнуть, фургон ограбить или автомобильный грузовой состав тормознуть. Таким образом личности в бандах подбираются довольно трудные... А Курт был, если можно так сказать, самым трудным из всех в его банде. За что, собственно говоря, и получил соответствующее прозвище.

Однако после известных событий, когда в Новой Москве произошла попытка переворота, а под этим фасадом были вынесены к такой-то матери все иностранные преступные кланы, ситуация резко переменялась. Отечественные «братки» взялись за проблему воспитания молодежи довольно круто. Все, что раньше вольно и свободно шляется где попало, было пристроено к делу. Если не к нелегальному, так к вполне законному, лишь бы по улицам не шаталось и простому гражданину не мешало. Пошли вниз, ранее задранные сверх меры, все кривые статистик по уличным ограблениям, изнасилованиям и квартирным кражам. Потому как пробежал слухок, что ограбившему квартиру мерзавцу лучше самому мотать в милицию, где и сдать в руки закона, суровые, но хотя бы справедливые. Потому что если хозяин ограбленной квартиры в горе своем к «браткам» направится... А те в свою очередь за воришкой собак пустят... Да и сдать подержанное барахло уже не представлялось возможным, уж что-то, а этот бизнес отечественная мафия держала под контролем всегда.

Так и «Кара-курты» со временем и не без чужой помощи сошли на нет... Пораспродали мотоциклы, пораскидали по барахолкам костюмы в стиле «Power Armog MARK II» и отправились, освещаемые огнями большого города, искать новых, более перспективных приключений.

Курту в этом отношении было проще. За время своего вожачества в «Кара-куртах» он ухитрился занять массу знакомств в совершенно неожиданных компаниях. Что позволяло ему быть в курсе всех дел и помогать в этих «делах» зачастую всем сторонам, всегда оказываясь в наваре.

Плоды одного именно такого дела сейчас и заставляли Курта страдать от грандиозного похмелья, вызванного совершенно неумеренным потреблением спиртосодержащих жидкостей...

— Курт! — донесся из соседней комнаты девичий голос. Надо отметить, что этот голос изобиловал высокими тонами и в похмельном состоянии очень плохо переносился. — Курт!!! Иди сюда. Тебя к видеофону. КУ-УРТ!!!

— Твою мать! — собрав последние силы, рывкнул Курт и одной рукой схватился за горло, а второй за голову, в которой, казалось, поднялась метель, целиком состоящая из огромных, стальных и невероятно шипастых шаров. Кричать больше не было сил и он тихо просипел: — Иду...

Вопреки собственным словам в комнату он не во-

шел, а вполз, стараясь не попадать в зону приема видеофона.

— Солнышко... — позвал он ласковым шепотом. — Подь сюда...

Солнышко, или по идентификационной карточке Мария Локхард, светловолосая девушка двадцати одного года от роду, черт его знает какая дальняя родственница писателя, известного на рубеже двадцатого — двадцать первого веков, легко соскочила с кресла, где сосредоточенно подкрашивала каким-то особенным лаком светящуюся в темноте и «живую» татуировку у себя на животе. Татуировка изображала дракона, зеленого, с шипами по гребню, который постоянно двигался в зависимости от настроения своей хозяйки. Это произведение поп-искусства обошлось Курту в весьма кругленькую сумму, однако Солнышко того стоила.

— Чего? — спросила она, когда опустилась рядом с развалившимся на полу Куртом.

— Кто там? — спросил он, имея ввиду звонящего.

— Без понятия, малыш. Совершенно. Какой-то незнакомый чувак... Вероятно из твоих клиентов. Описать?

Не в силах говорить, Курт махнул тяжелой головой и тут же пожалел об этом. Угомонившаяся было метель стальных шаров взвилась с новой силой.

— Значит так... Лысоватый, с горбатым носом, остатки волос черные, один глаз карий, второй искусственный, морда круглая и гладко бритая, губы нервные такие... Дергаются. Ниже галстучек.. Ну все как обычно. Узнал?

За что Курт любил Марию, так это за почти фотографическую память, которая, кстати сказать, тоже обошлась дорого.

— Узнал... — произнес Курт. Нельзя заставлять клиентуру долго ждать. Даже если ты в таком плачевном состоянии. — Включи эмулятор.

Мария встала, отошла к стене и что-то там нажала. После чего Курт подошел к видеофону. Встрепанный, с отеками лицом, синяками на побелевшем до синевы лице. Глаза болезненно щурятся, разглядывая своего собеседника... Который, однако, видит совершенно другую картинку. Собеседник видит, как сбранный и энергичный, хотя и чуть-чуть неаккуратно одетый («прошу прощения, небольшая вечеринка...») Курт входит в зону приема. Голос его бодр и весел. Выражение лица уверенное. Черт возьми, эмулятор, идеально подменяющий видеоизображение и звук, тоже штука дорогая... Как, впрочем, и все вокруг. Такова жизнь.

— Здравствуйте, уважаемый Леонид Давыдович. Как вы проводите отпуск? — По последним данным Курта, этот представитель корпорации «Гелиотек» должен быть где-то очень далеко либо на юге, либо на севере и дышать там относительно свежим воздухом. Если это не так, значит случилось что-то совершенно

непредвиденное и возможно влекущее за собой серьезные последствия.

— Отпуск? Знаете, милейший, я таки позабыл, что это такое. И уже давно, можете мне верить. Нет, я таки был там, где вы сказали. Но, милейший мой, я ни на секунду не смог отвлечься от тех проблем, о которых вы и без меня знаете...

Леонид Давыдович еще что-то говорил, а Курт уже почувствовал запах паленого. Когда этот невзрачный, а на самом деле довольно страшный человек, начинал припускать в диалоге местечковые обороты, это означало, что произошел прокол. И проколы, обычно, происходили у того, с кем общался этот проклятый представитель корпорации «Гелиотек».

Курт потянулся за антиалком, который лежал всегда около видеофона. Если приходится решать проблему, то лучше уж иметь чистую голову, а то упустишь что-либо важное и останешься совсем без головы...

Пока антиалк действовал, а Леонид Давыдович словизливался с голографического экрана, Курт прикидывал стратегию поведения. Судя по манере разговора, самый большой «сюрприз» заведующий безопасностью корпорации приготовил на финал своей стилизованно сумбурной тирады. Пока инициатива у него, а не мешало бы получить ее в свои руки...

Курт выбрал для себя дружелюбно-наглое поведение.

— Леонид... — перебил он говорившего, с удовлетворением отмечая легкое удивление на лице собеседника. — Вы знаете, какое уважение я испытываю к работе, которую вы делаете и что я думаю по поводу лично вас. Мы сотрудничали с вами по ряду очень непростых вопросов и мне не в чем упрекнуть вас лично и представляемую вами организацию. Платежи всегда приходили исправно и никто не пытался обмануть ни меня, ни моих мальчиков. Если вы связываетесь со мной, значит у вас проблемы, а поскольку мы совсем недавно решили ряд ваших «заморочек», я понимаю, что у вас возникли какие-то претензии к моей работе. Лучше скажите сразу все, что вы думаете, и не тяните... Я знаю ваш характер, вы сами терпеть не можете этих славословий. Вы человек дела. Прошу вас. Что я сделал не так?

Эта речь, по мнению Курта, должна была спровоцировать еще один поток слов и дать время для размышлений. Однако последовавшая реакция не совсем соответствовала ожиданиям.

— Вы нас обманули, алмаз души моей, — тихо произнес Леонид Давыдович.

— Я?... — растерянно спросил Курт.

— Вы... — с такой же деланной растерянностью повторил его собеседник.

— Я! Я... — Курт был готов выдать оправдательную обвинительную речь, но Леонид прервал его.

— Вы, вы... И не мельтешите мне тут, не на Приво-

зе. — От столь явной наглости Курт онемел. — Собственно я и звонить вам не должен. Все, что я делаю, только из уважения к вашим, точнее к нашим с вами, прошлым делам. Позвольте мне изложить суть дела... Было так: у корпорации «Гелиотек» возникли некоторые недоразумения с другой корпорацией, имеющей название «Оптон корректор». Недоразумения возникли из-за одного продукта, на который обе корпорации претендовали в равной степени. К сожалению, проблема промышленного шпионажа, и ранее стоявшая со всей остротой, теперь имеет просто колоссальные масштабы. Таким образом мы были вынуждены прибегнуть к не совсем чистоплотным методам, а в частности выкрасить документацию и тестовые заготовки данного продукта из лабораторий корпорации «Оптон корректор». Для подбора подходящей команды мы обратились к вам. И вы не подвели нас, как всегда. Не подвели, предоставив к нашим услугам профессиональную, слаженную команду из пяти игроков... Однако, к великому нашему сожалению, вы не оправдали возложенного на вас высокого доверия, предоставленная вами команда столкнулась с определенными трудностями. Выраженными в виде профессионального «комитета по встрече».

— Простите, но я не обещал красной дорожки и хлеба с солью...

— Да-да конечно! Если бы все было так просто... Будь это служащие «Оптон корректор», мы бы не предъявляли вам никаких претензий, а просто попытались бы перекупить этих бравых молодцов от Оптона... Однако вследствие взаимодействия вышеназванного «комитета по встрече» и вашей команды выяснилось... Выяснилось, что и команда, работающая на «Оптон корректор», подобрана вами. Это очень похвально, что вы расширяете свой бизнес... Но в данном случае дело пахнет слишком плохо. Вы нарушаете и без того многочисленные этические законы, действующие в вашей деловой области.

— Где доказательства того, что обе группы были подобраны мной? Пока их нет...

— Они есть. Нам удалось вскрыть ваши финансовые архивы... Там обнаружилось множество любопытной информации, но мы соблюдаем определенные законы и не собираемся использовать ее в неблагородных целях. Однако должен сказать, что это только дополнительные доказательства вашей нечистоплотности. В обеих группах нашлись люди, знающие друг друга, может быть не лично, но достаточно, чтобы отказать от бессмысленной бойни, где могло не оказаться выигравших. Вы действительно подобрали хороших профессионалов. Как вы сами понимаете, эти профессионалы сумели выяснить, что они работают на одного и того же нанимателя. В результате... они не слишком довольны и желают прояснить эту неприятную ситуацию с «игрой в солдатики», которую вы затеяли так не

вовремя. Единственно, почему я предупреждаю вас, это неожиданный результат, который дала ваша ошибка. Было проведено срочное совещание глав корпораций... и в скором времени объявится новая межконтинентальная организация, состоящая из лучших частей «Гелиотек» и «Оптон корректор». Жаль только, что вы этого не увидите.

— Могу я узнать, что вы намерены предпринять? — Курт понял, что тянуть время и оправдываться смысла не имеет. Тем более, что все было именно так, как сказал Георгий Давыдович.

— Ну, как вы сами, наверное, понимаете, обе набранные вами команды, несколько поредевшие из-за ваших игр, питают к вам не совсем дружественные чувства. А точнее страстно хотят повесить вас на ваших же кишках... Это с одной стороны. С другой... с другой вы оказали нам в прошлом множество услуг и были честны. Учитывая все это, мы порешили, что будет честно дать вам некий шанс. Людей вы нанимали сами. Их возможности знаете тоже... Вероятно, знаете и их недостатки. Если по окончании двух недель вы еще будете живы, мы заплатим за вас достойную компенсацию обеим командам и вышлем вас из города... Навечно. Вы не сможете заниматься бизнесом, но по крайней мере останетесь живы. На наш взгляд все получается довольно-таки справедливо. Бонусом ко всему вышеперечисленному я могу добавить, что после стычки, которую вы спровоцировали, в живых осталось только семеро. Согласны?

— Согласен... — сквозь зубы выдавил Курт.

— Вот и чудненько. Игра начинается через десять минут. Я надеюсь, вы готовы. — Он помедлил немного, а затем добавил: — И, кстати, ваш эмулятор не функционирует. Так что я бы рекомендовал вам привести себя в порядок. Хотя на ванну у вас не остается времени.

Курт дернул выключатель и позволил себе потратить несколько драгоценных секунд, наблюдая, как тает в воздухе голографическое изображение ухмыляющегося человека.

Из личного архива:

Дмитрий Скобелев. *Снайпер, выдвинувшийся в локальных конфликтах между различными преступными группировками. Живет по своему моральному кодексу, который старается свято соблюдать. Никогда не нарушает установленных правил. Любую работу выполняет с предельной точностью.*

Антон Рязанцев. *Специалист по оружию. Имеет обширные связи с большинством филиалов по торговле нелегальными вооружениями. Предпочитает пистолеты. Некогда проходил обучение у ряда выдающихся наемников.*

Павел Воронин. *Частично киборг. Родился в Хоккайдо во время оккупации. Обладает ярко выражен-*

ными способностями к выслеживанию своих жертв. Хорошо входит в доверие и располагает к себе. Жесток и не затрудняется в выборе средств. Предположительно морф. Имеет возможность с легкостью изменить свою внешность до неузнавания.

Максимилиан Копровский. *Подрывник. Уволенный в запас бывший военный сапер. Имеет опыт работы с ядерными технологиями. Нелюдим. Истеричен.*

Егор Трубников. *Из рядов ТехНадзора вышел по не подтвердившемуся подозрению в коррупции. Специалист по обнаружению и уничтожению кибер-систем. Взломщик электронных сетей.*

Свен Реа. *Скандинав. Более точное место рождения не известно. Профессионал в области электронного взлома. В совершенстве знает все существующие охраняемые системы, а также методы их преодоления. В критические моменты предпочитает ликвидацию противника со стопроцентной гарантией, в связи с чем часто пользуется методами тотального уничтожения. Специалист по взрывам, минированию, а также системам слежки. Предпочитает работать с крупными организациями.*

Антонина Воронина. *Бывший «Гном». Член команды «Диггер». Хорошо ориентируется в условиях подzemелий. Владеет всеми видами оружия, но ввиду специфики условий работы в подземельях предпочитает холодное оружие.*

Семь человек, деятельность которых перестала быть безопасной для дела Курта. Кто-то излишне уверовал в собственную неуязвимость, кого-то перестали удовлетворять получаемые гонорары, еще кто-то начал играть по своим правилам. Так или иначе, все эти люди были помечены Куртом, как бесперспективные. Они, конечно же, продолжали действовать, существовать, попробуйте-ка прекратить существование наемного убийцы, который входит в сотню лучших по неофициальным чартам! Довольно сложное занятие, не так ли? А ведь именно таким человеком был этот чертов скандинав Свен Реа, некогда беспрепятственно проникший в святая святых одной очень известной корпорации и выкравший буквально из-под носа у службы безопасности экспериментальные и неизвестные тогда схемы к модулям связи Ericsson Ja 17-45. Чем и вызвал экономический крах предприятий, работающих в области цифровой связи.

Список лучших ставил его на семидесятое место, и Курт знал, что Свен не выбрался на место покруче только потому, что был помешан на собственной безопасности и действовал всегда наверняка, без риска.

Или взять Павла Воронина. Милягу парня с лицом интеллигента-вырожденца, вместо контактных линз или специальных операций по улучшению зрения использующего старинные, но снова входящие в моду очки.

Стройный, с почти женственной фигурой, со светлыми волосами и располагающей к себе улыбкой, этот человек, постоянно балансируя на грани превращения в киборга, сделал себе такое количество разрешенных операций, что окончательно потерял многие свойства человеческого организма. Правда, приобрел некоторые другие. В частности зрение, независимое от погодных условий и освещения, слух, незначительно уступающий самым совершенным прослушивающим устройствам, обоняние, способное выделить любой запах из десятка тысяч! Идеальная машина выслеживания. И не только... Именно Павел, хотя и немногие об этом знали, выгнал почти из зала суда двух хакеров, которых охраняла чуть ли не президентская гвардия. Он прошел сквозь строй, не теряя своей очаровательной улыбки и ни на минуту не останавливаясь даже для того, чтобы заменить израсходованную обойму.

И это только двое из всего списка. Из семи человек, одного из которых было бы достаточно, чтобы стереть с лица земли некоего посредника, наживающегося на чужом труде, настоящее имя которого не было известно даже его собственной женщине. А ведь были еще и Дмитрий Скобелев, снайпер высшей категории, Антон Рязанцев, предпочитавший бой на средней дистанции, Антонина Воронина, прославившаяся своей работой в условиях подземелий, бывший функционер ТехНадзора Егор Трубников...

Курт тихонько повизгивал, мечась по богато уставленному пространству своей квартиры. От двери к окну, от окна к потайному люку. Истерика радостно хохотала в углу и скалилась, пуская слюну.

Из отваленных ему с барского плеча десяти минут прошло уже четыре, и протяни Курт еще немного, топиться было бы уже некуда. Положение спасла Мария... Как девушка в достаточной степени решительная, она, еще не окончательно понимая, из-за чего собственно происходит весь сыр-бор, но внутренне решившая держаться выбранного пути до какого-либо конца, перехватила Курта на полпути его бестолковых метаний и свалила его на ковер, выбив воздух из легких ударом острой коленки в область, почему-то именуемую «солнечное сплетение».

— Фуххх-хх... — все, что сумел произнести Курт, на некоторое время приобретая удивленное выражение лица и созерцая белый в причудливых, насколько хватило фантазии дизайнера, разводах потолок. На некоторое время он утратил ощущение реальности происходящего и целиком сконцентрировался на тщетных попытках вдохнуть. Лицо Курта покраснело, по нему катились крупные капли пота.

Мария между тем, понимая, что времени по каким-то неведомым ей причинам осталось довольно-таки мало, распаковала свой набор «НЗ» и вкатила беспомощному Курту дозу успокоительного.

— Ма-а-а, — простонал Курт. — Нам уходить надо...

— Куда? — резонно спросила она.

— Куда-нибудь, — также резонно ответил Курт. — У нас времени мало.

Времени действительно оставалось мало. Всего-навсего минуты три... Но, как оказалось, этого предела времени достаточно, чтобы убраться. Конечно, не с полным багажом, но живыми, что тоже неплохо.

Они неслись в личной капсуле куда-то вниз, проваливаясь сквозь этажи огромной многоэтажки, оставляя позади все, чем когда-то жили, оставляя навсегда. Это подтвердил гул, догнавший их в полете, и тряска, которая подсказала опутанному смирительной повязкой успокоительного сознанию Курта, что этажа, который он занимал в этом небоскребе, больше не существует. Совсем.

Несколькими минутами раньше

— Погоди, Свен. Не пори горячку, у нас есть жесткие правила. Начало ровно в это время... — Павел постучал по циферблату.

— Да плевать я хотел на правила. Кто они такие, чтобы мне диктовать правила. Пусть скажут спасибо, что мы просто не развалили их центр, и всем делам конец.

— Делу конец, Свен.

— Тоже плевать... Я тебе что, лингвист? Я террорист! — ответил Свен.

— Не лингвист, — согласился его собеседник. — Просто человек, который работает в России в нашей с тобой области и в минуты волнения не контролирует свой язык, сильно запоминается. Ну, не сильно, но достаточно.

— Да уж, тебе с твоей мордом запоминаемость не грозит.

— Не «мордом», а мордой, — улыбаясь, поправил его Павел Воронин, зная особенность Свена время от времени делать ошибки в словах. — Или внешностью. Так более вежливо.

— Вежливо... — тихо фыркнул Свен.

Они находились в пустой, недавно арендованной через подставное лицо комнате-боксе. Единственным достоинством этого бокса было реальное (это отличало комнату, находящуюся во внешнем круге, от комнат, находящихся где-нибудь в центре жилого здания) окно, выходящее на нужную им улицу. Как раз напротив небоскреба, в котором жил их объект, а в прошлом посредник, с которым они активно сотрудничали, а теперь собирались «разорвать» контракт. Оправдание этому «несерьезному» поведению было: посредник постарался вывести их из игры первыми.

Свен Реа и Павел Воронин не впервые работали вместе и уже успели достигнуть необходимой в их профессии слаженности действий и взаимопонимания в отличие от остальных членов этой наспех сооруженной команды.

Например, Свен Реа не выносил Максимилиана Копровского, считая его дилетантом. По мнению же самого Максимилиана, Свен не мог отличить кусок дерьма от куска пластита. На что, впрочем, худощавый скандинав отвечал, что только дилетант может использовать настолько устаревшее и малоэффективное взрывчатое вещество.

С остальными членами команды дела обстояли не лучше. Это понимали все и все понимали также, что удерживают их от разброда только те условия, которые были поставлены им их новым нанимателем, корпорацией «Гелиотек». Ну и, может быть, еще уважение к одному члену команды, Егору Трубникову, с которым работали почти все, каждый в свое время.

Кто-то там в заоблачных финансовых высях решил поразвлечься и затеять травлю зайца сворой борзых. Или травлю крысы терьерами. По правилам этой жестокой игры травля должна происходить «командно», то есть терьеры должны работать в стае, а не как получитесь. По окончании работы всем обещан солидный гонорар. Тот факт, что не обученные специально к этому терьеры вообще в стае уживаются с трудом, никого не волновал.

— Свен, а какого хрена ты взялся за эту работу? — спросил Павел, сев прямо на пол.

— В смысле? Ты что, не знаешь, за что мы все тут сидим?

— Нет. Ну, про себя знаю. А ты? То есть я не имею ввиду, почему ты сейчас в этой компании, «Гелиотек» платит достаточно, да и дело достойное, а вообще зачем ты полез в эту историю с кражей чего-то там у «Оптон корректор»? Да еще в команде...

— Курт мне слишком много пообещал. Скотина. Я и согласился. Деньги... — Свен неопределенно пожал плечами.

— Деньги... Черта с два, деньги. — Воронин говорил словно бы сам с собой. — Это уже болезнь.

— Болезнь?

— Ну да. Что, тебе денег не хватает? Я и говорю, болезнь...

— Хм... — Свен на мгновение отвлекся от созерцания окон небоскреба напротив. — Не знаю, что ты имеешь ввиду, но денег мне действительно не хватает.

Воронин с интересом на него посмотрел. Открыл рот, словно бы собиравшись что-то сказать, а затем пожал плечами и сказал в пространство:

— Бред это... Собрать из остатков двух команд одну. Да еще после того, как эти самые две команды чуть было друг друга не уничтожили.

— Ты уже это говорил, — ответил Свен, и в комнате наступила тишина, которая, впрочем, продержалась недолго.

В комнату вошел Максимилиан Копровский.

Он аккуратно поставил возле двери чемоданчик, снял плащ и, игнорируя Свена, обратился к Воронину:

— Время начала отодвигается еще на четыре минуты. В принципе все готово. Я сам проверил.

После этой фразы Свен брезгливо дернул верхней губой.

— Так что, можно взрывать, в принципе? — спросил Воронин, глядя мимо Максимилиана, которого сам любил еще меньше, чем Свен.

— Можно, — ответил Копровский и, встряхнув свой плащ, вышел из помещения.

— Так можно или нет? Или еще на четыре минуты? Идиот... — зло сказал Свен.

— Ну... Знаешь, друг викинг, взрывавай к такой-то матери. Сказано — сделано. На крайняк все свалим на Копровского. После того, как его штучки накрыли Станислава и Доджа, я испытываю к нему некоторую антипатию.

Взрыв, уничтоживший целый этаж, на котором несколько секунд назад проживал бывший Сводник Курт, выглядел достаточно эффектно. Особенно снаружи. Рой осколков стекла и бетона на миг застыл в воздухе, а затем ринулся вниз к такой далекой земле. В дыму, застилающем обзор, казалось, что сейчас не выдержат переборки и несущие стены, а затем все здание начнет оседать, рушиться...

Но нет. Все-таки игру вели профессионалы, которым гибель не причастных лиц была совершенно ни к чему. Или, можно сказать лучше, лишних жертв старались избежать всеми доступными средствами. Ну... когда это получалось.

Так уж вышло, что в зоне взрыва, направленного на уничтожение одного человека (и преподнесение показательного урока всем остальным), оказались трое из обслуживающего персонала, один рассылный, семеро случайных свидетелей, которые находились в этом здании по совершенно разным причинам, а также Егор Трубников, вытягивающий последние данные из компьютеров объекта. Собственно говоря, для отхода Егора начало операции и было отодвинуто на четыре дополнительные минуты.

Несколькими часами позднее

— Я так и не понял, ты мне поможешь или нет?

Курт был напряжен. Он дошел до того, что даже не заботился о том, как выглядит. Скрючившись в кресле, он прижал к груди колени и прятался от всего мира, сжавшись в тугий комок. Мария с отсутствующим видом торчала у голографической имитации большого аквариума. После горячки бегства эта успокоительная иллюзия действовала на нее благотворно. Было приятно смотреть на шевеление псевдоживых рыбок и ни о чем не думать. В доме этого странного человека с пугающей манерой на миг зависать и словно бы уноситься в другой мир все было пропитано покоем. Ни

громких звуков, ни ярких цветов... Сплошные полутона, нерожденные звуки. Создавалось ощущение, что все вокруг наполнено шептанием неслышимых для простого человеческого уха губ. Один только хозяин дома различал этот шепот, различал и выслушивал очередное донесение и также неслышно отдавал приказание... Неслышимый диалог несуществующих собеседников.

Хозяин дома был чуть полноват и выглядел так, что было невозможно угадать его возраст, как бывает у людей, живущих слишком долго. Бесконечные операции, переработки, кибер-дополнения... и только глаза, если они еще натуральные, смотрят устало, по-особому.

— Ну! — Курт требовательно мотнул головой.

— Алмазнейший, — произнес хозяин, сказал, словно бы прошептал. — Я очень часто прибегал к твоей помощи и к твоим услугам. Однако я и платил за эти услуги по той цене, которую ты называл. Это означало, что после расплаты ни о каких претензиях не может быть и речи. То есть я могу не помогать тебе, потому что ничего не должен...

— Да... — с трудом согласился Курт. — Ну а если я попрошу тебя об этом как об одолжении... Или услуге, которую я оплачу. После того, как разберусь с этими делами.

— Делами? Ты хотел сказать — проблемами? — Хозяин дома хитро улыбнулся. — Видишь ли, какое у тебя положение. Помогая тебе, с расчетом на будущую оплату, я автоматически втягиваюсь в твои заморочки. Потому что, чтобы оплатить мои услуги, ты должен выжить... А для этого... Для этого я должен принимать очень активное участие в твоей судьбе. То есть ввязаться по самые уши в войну, которую ты ведешь с корпорацией. Одной из крупнейших, надо отметить.

— Я не веду войну, это они...

— Дружок, — старик даже не улыбнулся. — Ты попытался использовать интересы корпорации в собственных целях. Даже не поставив в известность соответствующих людей... Это неправильно. Неужели ты думаешь, что правление, я имею в виду истинное правление корпорации, перед чем-то может остановиться? Для таких организаций весь мир — это игровая площадка. Правда, очень сложная, в которой запросто можно потеряться или потерять жизнь... В таких играх важен престиж, и оскорбления не могут быть прощены. Ты обидел кого-то там... Не сильно, но обидно. Теперь с тобой играют.

— Тогда какой смысл мне прятаться? Может, сразу...

— Нет. Сразу будет не интересно. Ни им, ни тебе. Знаешь, что делает крыса, когда на нее спускают собак?

— Что?

— Она прячется. В таких местах, где достать ее собаки уже не могут, а если и пытаются, то страдают сами...

Курт помолчал. Молчал и хозяин. Мария рассматривала виртуальных рыб и мысленно сравнивала мир с огромным аквариумом, прикидывая, есть ли возможность вырваться из этой удушающей атмосферы наблюдения всех за всеми и взглянуть на аквариум снаружи.

— Так. Хорошо... Я понял, кажется, твой совет. Но скажи мне, в чем тут подколка? — наконец сказал Курт.

— В том, — ответил хозяин, — что крыса никогда не успеет спрятаться должным образом. А если и успевает, то выбирает не то место. Не веди себя, как крыса. Думай, если еще можешь. Ты же сам подбирал этих людей...

Он встал и вышел. Курт понял, что пришло время уносить ноги. Похоже, что смысла в этом визите не было.

Когда они вышли на улицу, Мария спросила:

— Кто это был?

— Шептун... — устало ответил Курт.

— Прозвище ему подходит.

— Точно... — сказал Курт и, резко пригибаясь, ринулся куда-то в толпу, таща за собой перепуганную девушку.

Реакция бывшего мотоциклиста, частенько спасавшая шкуру на крутых поворотах, помогла ему и на этот раз. За считанные секунды, потраченные стрелком на перевод прицела, Курт увидел, как грудь мимо идущего человека брызнула красным. Курт успел идентифицировать выстрел и, поняв, что второй промашки не будет, рванулся в сторону переулка.

Единственное, чего он так и не понял, так это почему произошел первый промах.

Часом раньше

— Димочка, не мог бы ты посвятить меня в свои хитромудрые планы, а? — Павел Воронин осторожно присел на бетонный порожек, отделяющий людей, которые стояли на крыше, от провала в четырнадцать этажей. Дом был старый, целиком находящийся в личной собственности какого-то магната. В последнее время это стало популярно, выкупать у города многоэтажки в личное пользование.

Магнат, владелец дома, имел в прошлом какие-то темные дела, и след от этих дел так и тянулся за ним, позволяя разношерстной команде боевиков беспрепятственно поджидать свою жертву прямо на крыше частного здания.

Впрочем, на крыше были не все. Свен Реа, после неудачного взрыва утративший всю свою агрессивность, разлегся у самого края и флегматично рассматривал облака, которые неслись над возвышающимися вокруг небоскребами. Рядом с ним, демонстративно ухмыляясь, сидел Копровский и разглядывал какую-то голографическую схему. Больше никого вокруг не было.

— Ну так что? Дима... — Воронин снова обратился к Скобелеву, который лежал на краю, уложив на бортик крыши оптическую винтовку.

— Ты «флер» поставил? — вместо ответа спросил Скобелев.

— Поставил, — игриво ответил Павел. — Никто тебя не видит, не дрейфь.

— Даже об этом и не думал.

— Да? А о чем думал?

Скобелев чуть подался вперед и вгляделся в мельтешащих внизу людей через сенсоры оптики, а потом сквозь зубы пробормотал:

— Слушай, Павлик, ты бы шел... Погулял, походил... Не мешай дяде работу делать.

— Что ты, Димочка, — радостно возопил Павел, с удовольствием отмечая, как скривилось лицо Скобелева. — Я же не мешаю, я просто хочу выяснить... Мы вроде как команда или все-таки нет? Уже некоторые самодеятельностью дозанимались. И посекретничали уже вдоволь... Может, скажешь, что ты собираешься делать и как? Нет, я, конечно, вижу общую нить твоих действий и смотрю на нее одобрительно. Однако хотелось бы выслушать и детали. Обсудить... А?

Скобелев некоторое время молча созерцал улицу внизу, а затем с едва слышимым вздохом отложил винтовку в сторону и посмотрел на Воронина.

— Чего тебе? Неужели непонятно, что я собираюсь приложить этого парня сверху, без всяких громких «БУМ» и «БАХ»... Красиво и надежно.

— И безопасно, — добавил Павел. — Здорово, молодец. А скажи мне, милый Дима, откуда у тебя информация о том, что объект выползет именно тут?

— А ты считаешь, что он выползет не тут?

— Гхм, нет. Я тоже считаю, что он выйдет на поверхность именно в этом месте...

— А почему?

— Так... — Воронин замолчал, не желая разглашать свои источники информации.

Во время этой паузы Скобелев окатил его ледяным взглядом и снова вернулся к прерванному процессу.

Воронин отошел от него и присоединился к Свену, который по-прежнему созерцал облака.

— Слышь, друг викинг, дело — табак. Самый натуральный, — Свен молчал. — Я привык работать либо один, либо в команде. А такой фигней я никогда еще не занимался... Где сейчас остальные?

— Ну, где Трубников, я тебе сказать не могу... Кстати, жаль парня. А Тоня внизу, где-то... Она высоты не переносит, ты же знаешь.

— Да, слышал... А что, она со Скобелевым договорилась?

— Не знаю... Может быть, договорилась. Тоня вообще человек самостоятельный.

— Самостоятельный? Мать моя... Мы же команда.

По крайней мере, так называемся. Какой разговор может быть о самостоятельности!?

— Это ты у меня спрашиваешь?

— Ну а у кого же? А Антон где?

— Не знаю, вероятно, тоже внизу, — внезапная флегматичность Свена была непробиваема. — Лидером был Трубников, он по крайней мере работал когда-то почти со всеми. Кто теперь отвечает за операцию... Не знаю, да и наплевать мне.

— Классно, просто классно... Единственное связующее звено исчезло. Ты знаешь, на что это похоже?

— Догадываюсь.

— А как ты считаешь, заказчик сильно огорчится, если мы из дела выйдем?

— Это ты у него спроси, у заказчика, — Свен немножко помолчал, что-то припоминая. — Но ход вашей мысли, Марья Ивановна, мне нравится.

Часом позднее

— Слушай, родной... Ты ж не его завалил, — Павел смотрел вниз. — Ну точно не его...

— Ну и что? — спросил Скобелев, собирая свои «инструменты».

— А то... А то, — Воронин опустил бинокль, не глядя сунул его Свену, и развернулся в сторону Скобелева. — Димочка, твою мать... Ты не промахнулся.

Воронин сделал шаг, но Скобелев, занятый сбором оружия, не обратил на это внимания.

— Ну не промахнулся... А что? — Когда он поднял голову, то увидел только, как тело Воронина рванулось вперед, подминая его под себя.

— Не промахнулся! Сука! Падла! Он тут в свои игры играть вздумал!!!

Они катались по всей крыше, молотя друг друга. Никто не мешивался.

— Он чего? — спросил удивленный Максимилиан.

Свен презрительно скривил губу.

— Для обосо сообразительных поясню: твой любимый Скобелев вместо нашего объекта хлопнул кого-то другого. Но поскольку он снайпер мирового класса, промахнуться он мог только сознательно... Понимаешь к чему я клоню? — И видя озадаченное выражение на лице Копровского, Свен добавил: — У него свои дела тут. Свой заказ, понятно?! Он его и выполнил, а на нас ему плевать!!

Наконец Воронин оказался сверху и, трясая Скобелева за грудки, закричал:

— Ты что делаешь? Ты что делаешь?! Скотина!!! Ты свои заказы выполняешь?! Ты нас всех подставить хочешь?!

Скобелев не сопротивлялся.

Вскоре выдохся и Воронин.

— Ты вообще стрелять собирался? По Курту я имею виду, — спросил Свен.

— Собирался... Вторым номером, — сорванным голосом ответил Скобелев.

— Дерьмо, — спокойно сказал Свен. — Уходить пора. Время и так потеряли. Сейчас переполох начнется.

Несколькими минутами ранее. Внизу

Антонина Воронина не приходилась Павлу Воронину женой, сестрой или любовницей. Они были совершенно разными людьми и ко всему прочему никогда не работали вместе, хотя безусловно слышали друг о друге, как часто бывает у профессионалов в какой-либо области.

Ей казалось странным то, что таких разных людей, как она с Павлом, свела вместе судьба. То, от чего всегда отталкивалась Антонина, наоборот присутствовало в Павле. Причем в избытке. Впрочем, другие тоже не слишком подходили на роль напарников. Поэтому теперь, с деланной неуклюжестью протискиваясь в толпе, Антонина чувствовала себя как никогда хорошо. Все-таки она привыкла действовать в одиночку, а не толпой или, как это называли остальные, «действовать в команде».

Когда ведешь охоту на мутантов в подземельях города, и когда каждый шаг, каждый камушек под ногой может быть гибельной ловушкой, большой отряд обречен. Численность имеет значение только в момент прямого столкновения. Двое — команда, а трое... Сами знаете.

По мнению Антонины, это дело уж слишком затянулось. Может быть, педант Скобелев считает иначе, но кому какое дело до его вшивого мнения. Сначала штурм со стрельбой в лабораториях «Оптон корректор», потом объединение с бывшими противниками ради охоты на бывшего Сводника... Сами по себе эти события наделали достаточно шуму, а теперь несколько неудачных покушений, и на деле можно будет поставить крест. Вокруг поднимется шумиха, власти начнут расследование... И вся команда будет замечать следы. Курта нужно убить сейчас, сегодня... А если не получится, залечь на дно. И плевать, что там думает по этому поводу «Гелиотек».

Людская толпа сжимала Антонину со всех сторон. Люди толкались, спешили куда-то, что-то рассматривали... Каждый жил своей жизнью, не зная, что среди их пестрой и разнокалиберной стаи притаился хищник, ловящий трепетание тонких нитей, которые протянули информаторы и которые жертва обязательно должна зацепить...

Выстрела Антонина Воронина не услышала. Естественно.

Только впереди кто-то закричал и опрокинулся, а кто-то рванулся в сторону темного в это время суток

переулка. В какой-то грязный и заваленный хламом закуток. Затравленная мышь ринулась в первую попавшуюся крысиную нору современного города.

Почему ас снайперского искусства Дмитрий Скобелев промахнулся, Антонина не знала и знать не хотела, не до того, перед ней маячила спина жертвы. Даже двух. Дело, которое нужно было завершить вчера, представляло ей блестящую возможность ткнуть всех этих снобов мужского пола носом в дерьмо...

И с вечно живущим в каждой женщине азартом молодой кошки Антонина рванулась вперед, умело выкальзывая из плотных щупалец замершей от ужаса толпы.

Почти в то же время

Курт вбежал в переулок, как в черную воду упал. Темно, холодно, сырость заползает под ворот. Что-то шевелится у стен. Мария позади тихо взвизгнула, когда ткнулась в прохладное, мокрое и мягкое, которое еще ко всему прочему жадно потянулось к ее обнаженной ноге... Курт обернулся и пнул ногой что-то отдаленно напоминающее человеческий силуэт. Однако одичавший в одиночестве города божь был не самым страшным на текущий момент времени. Позади, в светлом проеме переулка появилась женская фигура, не узнать которую Курт просто не мог. В его картотеке это была единственная женщина-наемник.

Словно в замедленной съемке Курт увидел, как поднимается вверх пистолет, услышал, как скрипнул по металлу пистолета длинный женский ноготь, ощутил, как просыпается оружие... И...

И все кончилось совершенно не так, как задумывалось.

В сумрачное пространство безымянного переулка ворвался еще один действующий персонаж. Точнее не ворвался, а влетел... Толкая спиной Антонину Воронину.

Пуля выбила сноп искр из камня, зло и голодно взвизгнула, а затем ринулась куда-то... Мимо, мимо, мимо...

Больше Курта ничего не интересовало. Он опять бежал, он снова был жив, и это было единственным положительным моментом в текущей ситуации. Хотя, если посмотреть на все с другой стороны, могло бы быть гораздо хуже.

За несколько секунд до событий в переулке

Антон Рязанцев, так же как и Тоня Воронина, выстрела, который произвел с крыши Скобелев, не услышал. Но в отличии от Антонины, Антон его еще и не увидел, потому что знал, что Дмитрий не будет стрелять в Курта, а отдаст его Антону. По знакомству.

Антон с Дмитрием работали в паре не один раз и у

них не было друг от друга почти никаких секретов. Таким образом, Антон нашел Курта несколько раньше Антонины и теперь держал его постоянно в поле зрения, не отвлекаясь на панику, поднятую стрельбой, и не зная, что рядом находится еще один человек из их команды.

Именно это сыграло с ним дурную шутку.

Когда Курт бросился в переулочек, стремление Антона направиться туда же было довольно грубо прервано.

Какой-то толстый и дурно пахнущий гражданин от вида крови рванулся в сторону, как испуганная лошадь. Сбил Антона с ног и породил такую панику, что прокладывая себе дорогу к переулочку, в котором скрылся Курт, пришлось кулаками.

С боем проходя последние несколько шагов, Антон утратил бдительность и не заметил приближающийся на небольшой скорости пикап. Удар был достаточно силен, чтобы сбить его с ног и направить вглубь переулочка спиной вперед...

Как все вышло, Антон не смог точно вспомнить. Он пришел в себя, когда увидел лежащую на земле Антонину с простреленной головой и понял, что пистолет, из которого она была убита, зажат у него в руке.

Оставалось только предполагать, что в горячке происшедшего реакция Антона опередила мысль и человек с оружием в руках, которого он увидел в полумраке переулочка, был застрелен только собственной безопасности ради. То есть на всякий случай.

Позади заунывно и тоскливо выли милицейские сирены.

Через четыре дня

Многие считают, что быть морфом это удобно. Многие считают, что они смогли бы добиться большего, будучи морфами. Многие думают, что морф обладает исключительными сексуальными способностями. Все эти «многие» ни черта не знают о том, что такое быть морфом. И о том, каково это отращивать новую кожу, они тоже ничего не знают. И даже не догадываются о том, что чувствует морф, когда меняет форму носа, или щек, или вообще головы. Никто из этих обывателей с их незначительными грешками и нарушениями просто не в силах представить, каково быть морфом.

Павел Воронин себе это отлично представлял. И переживая, весь в холодном поту, очередное изменение, он проклинал тот миг, когда родился на свет. Проклинал весь этот час, пока происходили изменения и разорванные нервы срастались по-новому.

Как только утихала боль, Павел снова со всей ясностью понимал, что быть в шкуре простого, не меняющегося человека еще хуже. Особенно если работать по «специальности», которую для себя выбрал Павел.

За все время своего существования Воронин сменил массу лиц и массу тел. Он в конечном счете даже позабыл, как выглядел с самого начала и не любил смотреть в зеркало. Неприятно, когда на тебя каждый раз смотрит другой человек.

Это, конечно, интересно... поначалу.

За четыре дня Павел сменил семь личин. Семь часов жгучей боли, семь часов бреда и бесконтрольного метания по пропитавшейся потом кровати. Многовато для обычной операции, которая стала для Воронина уже почти делом личным.

Однако теперь все должно было кончиться.

Четыре долгих дня Павел, используя все возможные каналы получения информации, как свои так и чужие, искал след своей жертвы. И таки нашел!

Там, где меньше всего ожидал.

— Я нашел его, ребята! — Провозгласил он, появляясь поутру в квартире, которую снимала команда.

— Ну и рожа у тебя... — устало сказал Дмитрий.

— Другую отращивать меня ломит, — ответил Павел, который из высокого и худого блондина превратился в низенького, с кривыми ногами и плоским лицом, человечка. — Эта располагает...

— К чему?

— К податью милостыней, — отрезал Павел и спросил: — Кому-нибудь интересно, где я его нашел?

— Интересно, интересно... — хмуро ответил Антон. — Где?

— В парке отдыха. Есть там такой аттракцион с прозаическим названием «Лабиринт». Оказывается, наш Сводник зарегистрирован как владелец этого парка. Не под настоящим именем, разумеется...

— А ты знаешь его настоящее имя?

— Хм... Интересный вопрос. Могу узнать.

— Не надо... Как давно он там сидит?

— Да как тогда от нас ушел, так и сидит... Удобно устроился, аттракцион полностью автоматический и вход обслуживающего персонала туда возможен только в самом крайнем случае. Голограммы вокруг, сиди сколько влезет! Девку его я тоже нашел, там же, только в соседнем павильоне. Он... — но договорить ему не дали.

— Ну вот и замечательно, значит посторонние нам мешать не будут. Приведи себя в порядок и пойдем. Завтра, — с этими словами Скобелев вышел из комнаты.

Воронин некоторое время молча смотрел в закрытую дверь, а потом обратился к Свену, который, явно нервничая, сидел около окна.

— А с каких пор этот козел взял на себя функции вожака?

Свен Реа нервно дернул плечами, а затем спросил:

— Может, рвануть этот аттракцион?

Ему ответил Копровский:

— Ты один раз уже рванул... Специалист.

Свен посмотрел на Воронина и промолчал. Хотя это далось ему с большим трудом.

На следующий день

В помещение вошли трое. Сам Скобелев, Антон и Копровский. Вольно или невольно Дмитрий взял с собой только тех, с кем неделю назад штурмовал лаборатории «Оптон корректор». Снаружи остались контрролировать выходы Свен и Павел.

И каждый имел свое мнение на этот счет.

Лабиринт раздваивался прямо у входа. Посетителю предлагалось пройти его целиком в поисках выхода, преодолевая разнообразные трудности и испытания, а также распознавая обманы, создаваемые генераторами голограмм. Лабиринт медленно изменялся, поэтому пройти его дважды одним и тем же маршрутом было просто невозможно. Развлечение для детей.

Антон направился в правый коридор, Копровский и Дмитрий в левый. Новые развилки и повороты... Фальшивые стены... Обман и иллюзия. Трое наемников проходили сквозь все это уверенным шагом, каждый знал, что Курт давно растерял свои бойцовые таланты и ему просто нечего противопоставить реакции профессионалов, для которых смерть стала обыденным явлением.

— Паша! — Воронин услышал голос из-за спины и, не оборачиваясь, ответил:

— Что, Свен?

— Паша... Отойди.

— Ты что задумал? — спросил Павел и повернулся, одновременно отходя с линии огня в сторону. Напарник напарником, а чем черт не шутит. — Аааа! Свен!

Свен Реа, человек, привыкший действовать наверняка, стоял перед Ворониным, удобно опершись на внушительных размеров тубус, и что-то там делал с небольшими рычажками у его оконечности. Наметанный глаз Воронина узнал в этом безобидном на вид тубусе гранатомет ЛИИК-94. Образец каких-то тульских умельцев. Запрещенный очередной послевоенной международной конвенцией.

— Снаряды направленного действия, мощность до уровня объемного взрыва... Зажигательные. Снесет эту халупу в один миг, — голос Свена был абсолютно бесцветен. — Со всем, что там внутри находится. Есть там Курт или нет его... Знаешь, мне наплевать. Я не же-

лаю, чтобы про меня пошла слава человека, который работал под началом Скобелева... Мы и так слишком подмочили репутацию, сгоряча ввязавшись в эту авантюру. Мы нарушили много правил, обидели много людей... Это нехорошо. Нехорошо настолько, что я собираюсь покончить с этим делом сейчас раз и навсегда. А потом убраться вон из этой страны... Человеку моей специальности найдется работа в любом уголке земного шара. Вот так...

Свен легко вскинул на плечо тяжелый на вид агрегат и продолжил:

— А еще мне до смерти обидно за тех ребят, которых положила команда Скобелева, когда она ломала двери в эти поганые лаборатории, которые мы удерживали... Ты со мной согласен?

И он скосил глаза на Воронина.

Тот глупо ухмылялся.

— С какой стороны мне встать, чтобы не задело? — вместо ответа спросил он.

— Справа, я так подрасчитал, что там волна будет минимальной...

Он нажал на гашетку и через секунду бросился на землю ногами в сторону аттракциона «Лабиринт».

Из статьи в газете «Московский комсомолец»:

Четыре известные террористические организации взяли на себя ответственность за совершенный вчера взрыв в парке отдыха на Лебедевских прудах. На месте теракта были найдены тела трех погибших, личности которых устанавливаются, полностью уничтожены три постройки и нанесены серьезные повреждения соседним с парком домам, а также лесопарковой зоне...

В день взрыва

— Господи, милый, это было так великолепно, что мне показалось, что земля дрожит... Милый? — Мария приподняла голову от подушки. — Что стряслось?

Побледневший Курт молча смотрел в зарешеченное окошко служебного помещения, в котором они находились. Он видел, как две фигурки около павильона «Лабиринт», кашляя и отряхиваясь, встали с земли и, быстро шагая, направились куда-то в сторону выхода из парка. Одна из фигурок отбросила какой-то длинный и бесполезный теперь предмет.

Неподалеку полыхали развалины аттракциона, откуда только вчера ночью убрался Курт.

Сергей БЕРЕЖНОЙ, Санкт-Петербург

Несколько главных слов

Что-то вроде апологии

Детство

Кир Булычев был всегда. Я научился читать году в семидесятом — и Кир Булычев тогда уже был очень активно. Слово «был» в предыдущем предложении — полное сказуемое. Обозначает оно все сразу: существовал сам по себе, в семье и трудовом коллективе, работал по специальности (историк-востоковед), а «для души» писал и переводил фантастику.

Я об этом тогда, в семидесятом году, еще не очень знал. Словосочетание «очень знать» здесь следует понимать так: маленький был, не соображал еще достаточно хорошо. Дальше я стал соображать еще хуже, но речь не об этом, а о том, что рассказ идет о временах для меня уже вполне исторических. Человек читать-писать научился, значит, исторические времена для него закончились.

Несмотря на вполне доступную возможность (по причине грамотности) вести подробнейшие дневники, я в те времена их почему-то не вел. Из-за этого теперь никак не выяснить, когда же я впервые прочитал «Девочку с Земли». Книга, обложку которой я помню, вышла в 1974 году — мне тогда было семь лет с копейками. Но я совершенно уверен (в частности, из-за отсутствия тогдашних дневниковых записей), что эту книгу я читал и в более раннем возрасте. Читал, понимал, любил и ценил.

Во всяком случае, в первый класс я пошел с опытом XXI века за плечами. Опыт был, понятный, не мой, а девчоночий, но я подошел к нему творчески и без догматизма.

Отрочество

К тому возрасту, когда я был уже в состоянии воспринять основы догматизма, вышла новая книга про Алису.

«Сто лет тому вперед» я читал в библиотеке. Книгу эту выдавали только в читальном зале и читать ее можно было исключительно в присутствии взрослой тети. И вообще, мне ее (книжку, а не тетю) дали только потому, что у меня мама работала в той же библиотеке. А иначе — видел бы я только тетю, а книжки бы не выдал. Ее (книжку, а не тетю) издали в самом большом детском издательстве тиражом в сто тысяч экземпляров, так не то что для детей — для детских библиотек этих ста тысяч не хватило. Книжка стоила всего 70 копеек. Семьдесят копеек я мог скопить за два дня. Максимум — за три. Но купить эту книжку я не мог, потому что она нигде не продавалась. Нигде. Даже за три рубля ее нельзя было получить насовсем.

Поэтому я после школы шел в читальный зал библиотеки — читать о том, как прилетевшая из будущего Алиса Се-

лезнева воеует с космическими пиратами в современной Москве. И больше всего я расстраивался, что пират Крыс не похож на себя самого. В «Путешествии Алисы» он совсем по-другому превращался. Это было несправедливо, вообще! Но все равно — книжка была потрясающая.

Она была круче, чем «Москва — Кассиопея».

Юность

А фильм «Через тернии к звездам» был еще круче.

Когда он вышел на экраны, я уже учился в восьмом классе. Вырос, кстати. В первых трех классах на физкультуре стоял второй с конца строя, после седьмого класса — третьим-четвертым от начала. Было чем гордиться.

Зато появились очки — не то от того, что как-то раз особенно неудачно получил пяточкой в глаз, не то из-за постоянных ночных чтений под одеялом. Батарейки в фонарике садились только так.

Примерно тогда же, кажется, начал запоминать фамилии писателей. Булычева запомнил первого — у него было больше всего опубликовано рассказов в «Химии и жизни» и «Знании — Силе». Одни рассказы были просто хорошие, а другие про Великий Гусляр. «Не гневи колдуна», «Паровоз для царя», «Градусник чувств», «Любимый ученик факира», «Ретрогенетика»...

Двадцать лет прошло — до сих пор не иссякла моя любовь к пенсионеру Ложкину. И еще к профессору Минцу и репортеру Мише Стендалю. Я даже какое-то время свои заметки в фэнзинах и газетах подписывал «М. Стендаль». Все думали, что выпендриваюсь, а это просто добрая память. «Каждому есть что вспомнить».

Меня никто не предупреждал, что фильм «Шанс» снят по повести Булычева. Прихожу в кинотеатр как-то в воскресенье, гаснет свет — и вдруг на экране Корнелий Удалов. Мама. Это как?! А вот Саша Грубин. Знакомые до последней черточки. Убиться хочется от неожиданного счастья. А «Марсианское зелье» я тогда еще не читал, прочитал только лет через пять. Смотрю фильм — и, вот. Великий Гусляр — ну как настоящий.

А еще в «Химии и жизни» печаталась гениальная повесть «Похищение чародея». Конечно, подросток — я ее воспринял совсем не так, как автор задумывал, но ведь именно с этой повести начался мой «взрослый» Булычев...

О главном

Нет, вы чувствуете? Чувствуете, к чему я гну? Конечно, Булычев был не

единственным хорошим писателем, кого в «Химии и жизни» и «Знании — Силе» публиковали. Там вообще был заповедник сказочников. Боря Штерн там был — нигде его не было, только там. «Знание — сила» новые повести Стругацких печатал...

Но Булычев был со мной постоянно и неотлучно. Сначала повестями про Алису в «Юном технике», потом «Снегурочкой» в сборнике «Люди как люди» и несравненным «Перевалом» в «Знании — Силе»...

Уже потом я узнал, что и фантастические повести, якобы писавшиеся «вместе с читателями» «Пионерской правды», тоже были его.

Одно время его принято было ругать за количество написанного и говорить, что он исписался. Я даже что-то такое сам подвдывал. Совершенно искренне, между прочим. Очередная повесть про Алису оказалась хуже, чем прежние. И «гуслярские» рассказы, вроде, были уже «не те». Ясен пень — исписался Булычев. На одной «Аэлите» ему даже кто-то вопрос задал — не считает ли он сам, что пишет теперь ниже своих возможностей. А Булычев честно сказал, что не считает. И даже объяснил — мягко, без нажима, — почему именно он так не считает. Писатель, сказал он, не может писать ниже или выше своего уровня.

Я только теперь, по большому счету, дорос до понимания его ответа. Мне никогда не понравятся новые приключения Алисы Селезневой — я не смогу погасить детский восторг перед теми — первыми, классическими. Мне никогда не понравятся новые «гуслярские» рассказы, так как я никогда не избавлюсь от пьетета перед теми, давними, вечными. И автор стал хуже писать — я стал иначе читать.

Я теперь читаю «Реку Хронос» и «Заповедник для академиков», «1185-й»... Или — «Перевал»... Или — «Похищение чародея»... Или — пересмотреть «Слезы капали»...

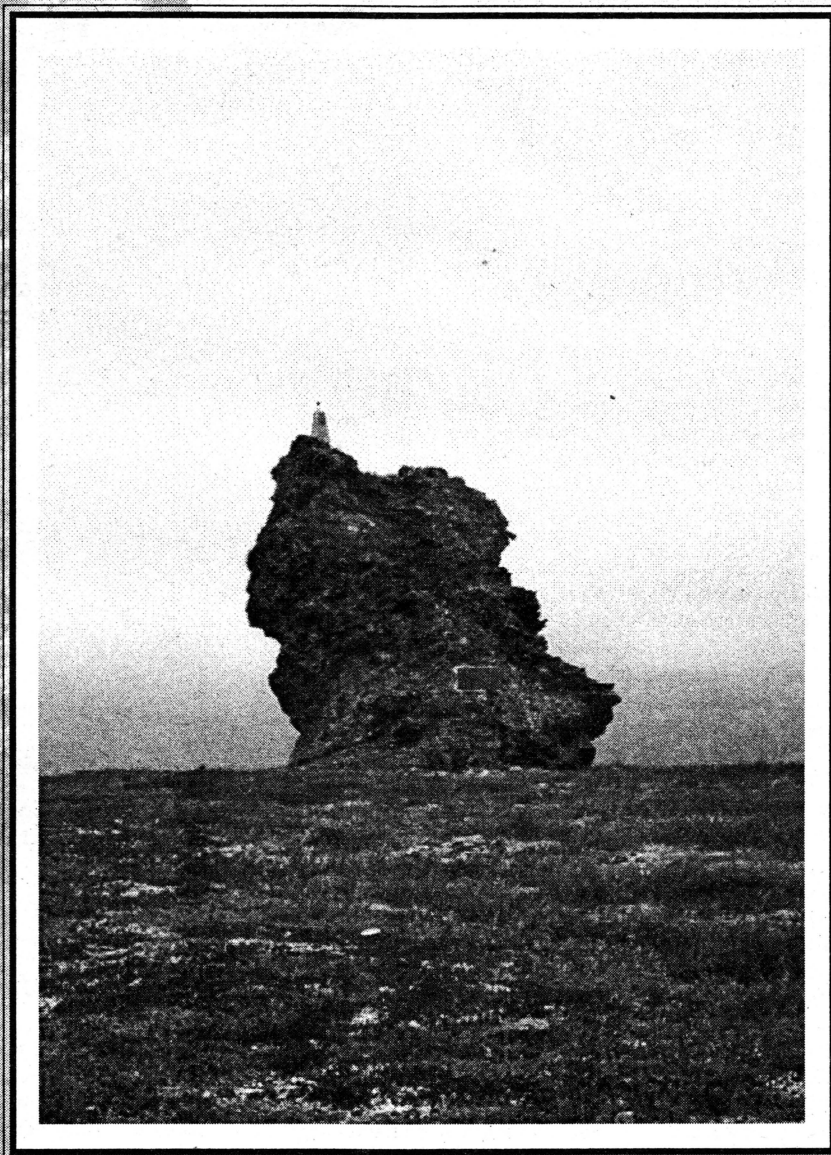
И напоследок — о главном. Ради чего, собственно, и затеял я эти заметки.

Спасибо Вам, Игорь Всеволодович. Хотел было поблагодарить Вас от имени всех тех, кто вырос на Ваших книгах и фильмах. Таких наверняка побольше сотни миллионов. Но мне эти сотни миллионов, в общем, на «спасибы» мандатов не давали... Поэтому — просто от меня: спасибо.

Да! И от Настешки моей — еще одно спасибо. Она просила, чтобы Вы передали Алисе привет.

Вы уж не забудьте, пожалуйста. Здоровья Вам. Удачи. Мы Вас любим.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР



СОДЕРЖАНИЕ:

Новости	стр. 64
Евгений ТАМПЛОН «Поход на перевал»	стр. 65
Сергей КОНДРАШИН «THISTLEGORM. Притяжение затонувших кораблей»	стр. 72
Юрий НИКИТИН «Каравелла» собирает выпускников»	стр. 75

ПОДВОДНЫЕ ТАЙНЫ УРАЛА

Им повезло. В детстве, прочитав впервые Жака Ива Кусто, заболели они «миром безмолвия». И с тех пор, даже если собираются просто доехать на трамвае до «конечной» и окунуться в пригороде, обязательно берут с собой маску и трубку. А дальше все, как всегда: первые ласты, первое в жизни погружение с аквалангом... и вечная любовь к водной стихии на всю оставшуюся жизнь.

Немного не повезло им в другом — родились они на самом, что ни на есть, Среднем Урале, т.е. в точке, в принципе равноудаленной от всех морей и океанов, но уж очень сильно удаленной. И все эти расстояния выражаются порой в непреодолимом «баксовом» исчислении, не для всех подъемном. Но кто сказал, что нет в этом мире места настоящей любви?! Кто сказал, что за этой любовью надо ехать за тридевять земель к южным морям и океанам?

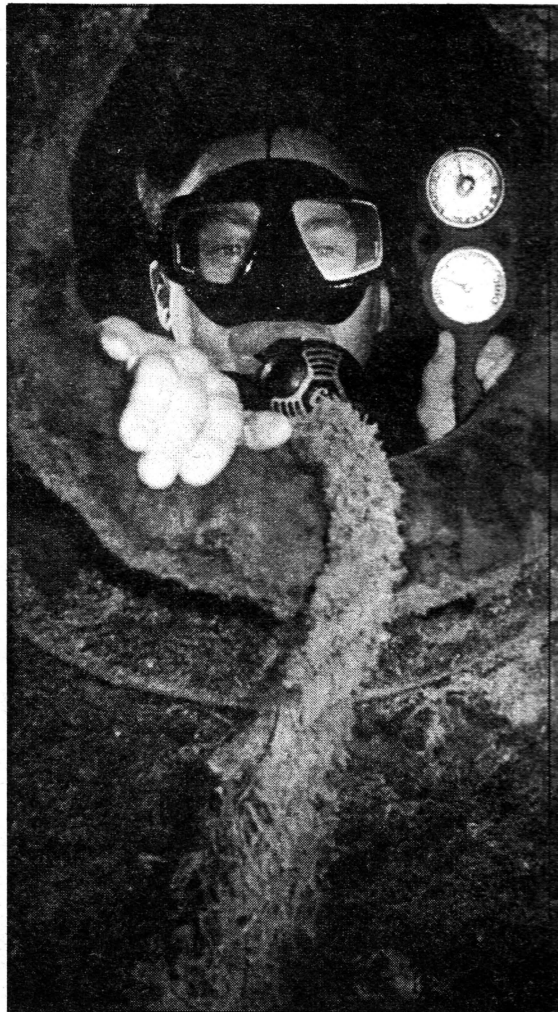
...Кристально-чистая вода, которой и не чувствуешь совсем. Пузырьки воздуха, переливаясь и посверкивая, уходят столбом вверх, к поверхности и солнцу, до которых метров тридцать. Вокруг причудливые скалы, и на расстоянии в полсотни метров виден каждый камушек и трещинка. А совсем рядом дно обрывается и ныряет вниз гигантской ступенькой еще метров на восемьдесят. И там уже темно. И там еще никто не был. Но тебе туда нельзя — ты пока что «любитель», «подводный чайник»... Но кто сказал, что ты не сможешь стать «дайвером»?

Где же всё это? В самом центре горнозаводского Урала, на затопленных чистейшей водой карьерах, оставшихся после открытой разработки полезных ископаемых, где среднеуральские дайвинг-клубы обу-

чают новичков азам «любительского», а затем и профессионального, «технического» дайвинга.

Но вот любительство позади, и за спиной помимо баллонов, первых зачетных погружений и уходов на глубину на смесях, уже и опыт, и имя в соответствующих кругах. А самое главное — проснулся и гложет тебя по ночам зуд первооткрывательства. Но есть ли на искоженном Урале места, где не ступала нога человека, тем более — обутого в ласты? Есть. Это за полные идеально чистой водой и практически неисследованные еще подводные пещеры. Размеры их поражают. В самой известной из них Ордынской пещере уже исследовано более 2 км подземных галерей и залов, и это еще только начало. Другая пещера, вход в которую начинается на дне озера Голубого близ города Чусовского, неисследована вовсе. Известно только, что узкая, но проходимая щель, через которую в весеннее половодье и в сезон дождей извергается мощный поток воды, уходит вниз на несколько десятков метров и выводит в гигантский подземный зал, заполненный водой. Дальше — тайна...

Такие первопрохождения —



высшая ступень мастерства. Они чрезвычайно опасны, сложны технически и требуют очень серьезной подготовки. Людей, занимающихся подобным «кейв-дайвингом» в России, можно пересчитать по пальцам — хватит двух рук. Но кто сказал, что ты не сможешь стать одним из них? Ведь дорогу проходит идущий. В нашем случае — «ныряющий». А начинается она с первого шага. В нашем случае — с «маски и трубки».

Олег ВОДОПЬАНОВ

Евгений ТАМПЛОН, Екатеринбург

ПОХОД НА ПЕРЕВАЛ

Урал-трофи благополучно закончилось 12 июля 2000 года. Участники рейда возвратились к своим привычным делам и быстро позабыли многочисленные беды и передрыги, с которыми им пришлось столкнуться на маршруте.

Но самых беспокойных мучил вопрос: «Трофи закончилось, а что же дальше?.. Ждать следующего года? А куда девать нерастраченную за лето энергию и энтузиазм?». Резонные люди отвечали, что в течение года нужно ремонтировать машины и морально готовиться к следующему сезону. Но этого мнения придерживались далеко не все.

Особенно не давал покоя этот вопрос маршалу Трофи и главному судье, для которых борьба с уральским бездорожьем за последние полгода стала основной жизненной потребностью. «Нужен новый поход, — решили самые отчаянные. — И поход этот должен запомниться надолго как самим участникам, так и всем сочувствующим».

Встали вопросы: «Что делать?» и «Куда идти?». В Молебском треугольнике — уральском пристанище неугомонных душ — участники Урал-трофи уже побывали в июле. Но, к счастью, есть на Урале еще одно мистическое место — легендарный перевал Дятлова, что расположен в отроге Поясного Хребта на самом севере Свердловской области. Здесь зимой далекого 1959 года погибла группа туристов из Уральского политехнического института.

За 40 лет, прошедших с момента трагедии, невысокий северо-уральский перевал оброс многочисленными легендами и слухами. Кто-то вспоминал о девяти манси, погибших здесь в незапамятные времена (студентов тоже было девять); поговаривали про таинственную гору Отортен, что находится в 20 км к северу от печально известного перевала. Якобы на Отортене, по поверьям тех же манси, находят свое пристанище души усопших.

По поводу гибели студентов в том же 1959 году в глубокой тайге велось следствие, которое, естественно, ничего не установило. Официально объявили, что туристы погибли под снежной лавиной. Любой мало-мальски знакомый с ландшафтом Поясного Хребта человек в эту версию, конечно, не поверит. На таких пологих и поросших лесом склонах, как там, никаких лавин быть не может. Но других объяснений дано не было, и трагическое событие послужило пищей многочисленным уфологическим гипотезам, перемешанным с откровенной глупостью и чертовщиной.

В реальной жизни все было, вероятно, намного проще. Скорее всего, ничего не подозревающие студенты-политехники оказались в зоне аварии какой-

то ракетной техники. В то время, в разгар холодной войны и бурного развития ракетостроения, испытания новых образцов производились довольно часто. Естественно, случались нештатные ситуации. Поскольку летали эти, еще далекие от совершенства образцы как раз над Поясным Хребтом, то нет ничего удивительного в том, что авария одной из ракет и послужила причиной гибели девяти студентов. Из соображений секретности компетентные органы никому ничего не говорили, в результате за многие годы печальное событие обросло многочисленными слухами и домыслами.

Тем не менее, злополучный перевал, названный в честь руководителя туристической группы Игоря Дятлова, до сих пор своей мрачной историей, как магнитом, притягивает все беспокойные души.

Именно о нем вспомнили и участники Урал-трофи. «Бросок на перевал» — вот о чем заговорили самые отчаянные покорители уральского бездорожья. Бывалые туристы, узнав об этом проекте, только крутили пальцем у виска. Ну, пешком или на лыжах, — это еще понятно, а на машинах... — там же нет дороги, даже самой плохой; там глухая тайга, по которой вьется узкая тропинка, и все...

До устья реки Ауспии, что впадает в реку Лозьву, а берет начало в нескольких километрах от перевала Дятлова, дорога идет. Конечно, это не асфальт, а лежневой тракт, построенный в 30-е годы заключенными ушминского лагеря, но ехать по нему можно. А дальше — тупик. Река Ауспия, туристическая тропа и несколько просек, сделанных сборщиками кедровых орехов, — вот и вся дорожная сеть.

Исторический опыт показывает, что ошибаться свойственно всем, даже самым опытным и здравомыслящим людям. И тот же опыт говорит, что иногда бесшабашные головы, не слушающие мудрых советов, оказываются правы и, благодаря этому, добиваются самых невероятных результатов.

События, произошедшие в начале сентября 2000 года, подтвердили это правило. Бывалые туристы и охотники, посещавшие перевал, ошиблись. Туда не только можно подняться пешком или заехать на олене, как это делали манси, жившие здесь с допотопных времен. Туда можно, хоть и без особого комфорта, вскарабкаться на нашем отечественном УАЗике и даже затащить на лебедке «навороченную» тойоту ленд круизер.

А теперь перейдем непосредственно к уникальному походу, который, как уже было сказано, стартовал теплым осенним утром, с которого началось 5-е сентября 2000 года.

Приключения начались обыденно, без торже-

ственных проводов и напутственных речей. Два УАЗика ассоциации «Экстрим» с шестью будущими покорителями перевала и одним псом по кличке Степ стартовали от собачьего питомника, что находится на южной окраине Екатеринбурга. Первый промежуточный финиш состоялся в ближайшем гастрономе, где было закуплено все необходимое для длительного путешествия.

В первый день на долю членов экипажей приключений не выпало, все они достались бедному Степу, который умудрился попасть под самосвал. Мастерство водителя грузовика и благосклонность собачьей судьбы спасли жизнь незадачливому псу, и он, потеряв кураж и сильно хромая, продолжил вместе со всеми путь на север к далекому перевалу.

По Серовскому тракту, через города Серов, Красноуральск, Волчанск, Карпинск и Североуральск в первый день похода удалось добраться почти до самого северного города Свердловской области — Ивделя.

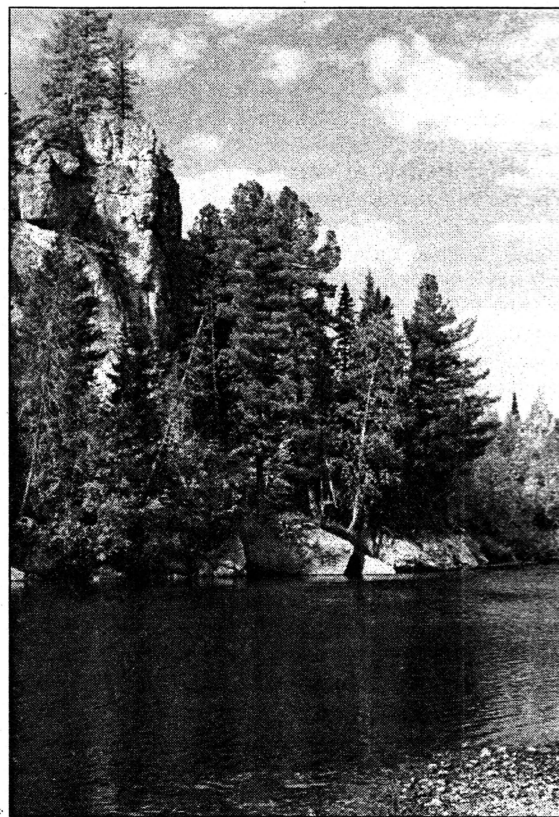
В 40 км от Ивделя, на берегу таежной речки Шегульта, сбегаящей с массива Денежкин Камень, и был первый ночлег экспедиции. Ясным, солнечным утром следующего дня снова двинулись в путь. За поселком Полудночное асфальтированная дорога закончилась, но до самого северного населенного пункта Свердловской области — поселка Вижай — доехать, хоть и без комфорта, можно на любом транспортном средстве. А вот уже за Вижаем все начинается, но начинается не сразу. Сначала пропадают мосты через реки и ручьи. Пропадают они не бесследно, тут и там торчат обгоревшие бревна, валяются куски деревянных настилов, какие-то трубы. Но все это уже не мосты, а одно недоразумение. Знающие люди утверждали, что мосты сожгли за собой любители бесконтрольной охоты, чтобы избежать законной кары со стороны местных охотинспекторов. Логика этих нарушителей закона абсолютно железна: никакой охотинспектор на своей казенной, а следовательно, хронически страдающей отсутствием запчастей технике, не рискнет ездить по разрушенным мостам и, тем более, форсировать речки вброд. Охотники же таких трудностей не боятся и спокойно посещают заповедные уголки, уничтожая в больших количествах боровую дичь.

Последний признак человеческого жилья предстал перед глазами путешественников в заброшенном поселке Ушма. Здесь некогда кипела бурная лагерная жизнь, от нее остались разрушенные бараки, сторожевые вышки, мотки колючей проволоки и горы мусора непонятного содержания. Жителей в некогда перенаселенной Ушме осталось совсем мало, всего один человек женского пола. Туристы поговаривали про ее неприветливый нрав и темное прошлое. Говорили также, что это старая цыганка, которую выгнали из табора за какие-то грехи, и живет она здесь, промышляя всякими таинственными делами. Скорее всего, ничего таинственного тут нет.

Человек живет там, где имеет возможность или хочет жить. А Ушма — далеко не самое худшее место на Земле. Если повернуться спиной к разрушенному поселку, а лицом к реке Лозьве, протекающей по окраине, то перед вами откроется великолепная панорама северной уральской природы, расцвеченная ярким солнцем и осенними красками. Невольно приходит мысль, что и здесь, на самом севере нашей области, жить можно, тем более, что отсюда до Ледовитого океана, на берегу которого тоже живут люди, еще более тысячи километров.

За Ушмой последние признаки цивилизации постепенно исчезают. Насыпная дорога превращается в полуразрушенный бревенчатый тракт, который строили в сталинские времена эки ушминского лагеря, работавшие на лесоповале. Но ехать по такой дороге можно, и относительно благополучно. К концу второго дня УАЗики ассоциации «Экстрим», шесть членов экипажей и один пес породы лайка добрались до реки Ауспии, что берет свое начало в районе перевала Дятлова. От места стоянки на реке Ауспии до перевала по карте всего 25 км, но какие это километры, пока не знал никто, тем более, что из команды никто ранее на перевале не бывал.

Первое, что бросилось в глаза на берегу таежной Ауспии, это невероятное количество брусники и го-



Река Лозьва

лубики, а также непуганых рябчиков, которые бежали прямо перед идущими машинами. Сезон охоты уже начался, разрешение на оружие было, лицензия на отстрел некоторого количества боровой дичи в Ивделе куплена, поэтому абсолютно на законном основании несколько рябчиков лишились жизни, и те, кого не успел съесть вечно голодный Степ, попали вечером в суп для всей компании. Владимир Рыкшин, сильно возбудившись от обилия дичи и ружья в его руках, умудрился, сделав несколько изрядных кругов по окрестностям, подстрелить огромную глухарку, которая также благополучно отправилась на сковородку и порадовала голодных путешественников. Затем была водка, потом баня, потом масса мелких недоразумений из-за большого количества выпитого. Но к ночи все успокоилось, и только группа поддержки от Института геофизики, которая несколько раньше прибыла к берегу Ауспии, долго шумела в крошечной темноте и весело плескалась в ледяной воде горной речки.

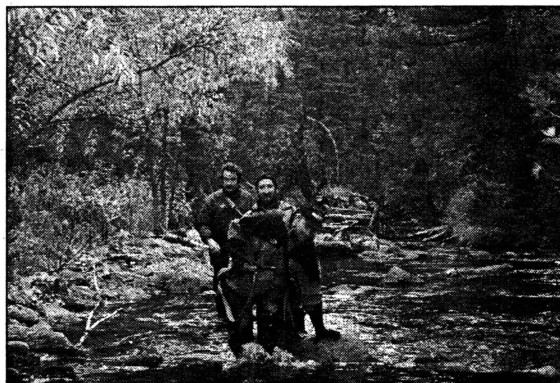
Утром, залечив ночные раны у членов группы поддержки, стали серьезно думать о дальнейших действиях. Дорога кончилась, перевал рядом, но как туда попасть, абсолютно неясно. Решили пойти на разведку по единственной тропе, протоптанной туристами, которых с завидным постоянством носит нелегкая на злополучный перевал.

Тропа — это не дорога. Там, где спокойно проходит самый габаритный турист с огромным рюкзаком, УАЗик может не пройти. Огромные ели и кедры встали плотной стеной, а тропинка причудливо петляла среди их могучих корней. Сотню эков ушминских лагерей это препятствие бы не остановило, и по команде начальства они в кратчайший срок смогли бы в тайге прорубить дорогу к самому перевалу, но времена те ушли в прошлое. Желаящим попасть к перевалу на своих транспортных средствах на десятом километре пути пришлось остановиться и долго чесать затылки. Даже самый опытный борец с бездорожьем Олег Майоров заметил, что дальше пути нет... не проехать.

Досаду тут же выместили на толстом кедре, который обстреляли из всех видов имеющегося огнестрельного оружия. Кедр сильно не пострадал, поскольку попаданий было намного меньше, чем выстрелов, но шуму наделали много, и настроение резко повысилось.

Обратно к лагерю возвращались по руслу Ауспии. И, если не считать нескольких грандиозных завалов и массы бревен, перекрывающих реку, то теоретически реку посчитали проезжей, что внесло некоторую надежду на успех предприятия.

Следующие два дня также были всецело посвящены разведке. На старой туристической схеме была отмечена еще одна тропа, которая ведет к перевалу не вдоль русла Ауспии, а на 5-6 км севернее от так называемого «домика Ильича», что, судя по карте, стоит на берегу Лозьвы.



Разведка

К домику Ильича еще проехать можно — это самая северная часть Свердловской области, до которой можно добраться на полноприводном транспортном средстве. Сам домик представляет собой покосившийся деревянный сруб, размером с маленькую деревенскую баньку. Кто был этот Ильич, в честь которого был назван самый северный дом в нашей области, сказать трудно. Но что никакого отношения к вождю мирового пролетариата он не имел, это наверняка; более того, из-за разногласий с партийной линией сидел он, скорее всего, в ушимском лагере, а потом, отмотав положенный срок, жил и охотился в этих местах.

Здесь, у домика Ильича, произошла долгожданная встреча с основной ударной силой экспедиции — командой «Суперстройка» во главе с Николаем Лантухом и экипажем тойоты ленд круизер, принадлежащей Александру Ляному.

На трех УАЗиках, одной тойоте и сопровождающей «техничке» (ГАЗ-66) они выехали из Екатеринбурга 7 сентября и так разогнались, что проскочили Ауспию, где заранее был намечен базовый лагерь, и заехали в тупик у избушки Ильича. Здесь, при попытке поймать в Лозьвае хариуса, их и застали организаторы и вдохновители похода.

После небольшого совета разведка продолжилась, но результаты оказались неутешительны. Между Лозьвой и Поясным Хребтом с перевалом Дятлова лежит еще один небольшой хребет. Перед ним обширное болото. Все тропы и дороги, которые прорубали заготовители кедрового ореха, упираются в это самое болото, которое почти непроходимо для пешего туриста и уж точно не по колесам для любого автомобиля.

На пути к пресловутому болоту состоялась интересная встреча с местным населением. Навстречу разведчикам откуда-то из тайги вышла пожилая манси с ружьем, цевье которого было примотано к стволу синей изолянткой, и две ее дочери или внучки. Манси утверждала, что ищет она в лесу свою дочь, которая несколько дней назад ушла за ягодами и до сих пор не вернулась. Мать беспокоилась,

что ее дочь ушла в одной летней кофте, а по ночам уже заморозки, да и медведи в лесу похаживают. Для любого городского жителя оказаться в лесу в такой ситуации смертельно опасно, поэтому все решили, что девушка наверняка погибла. Но, к великому удивлению, через несколько дней, когда экспедиция уже возвращалась домой, выяснилось, что сборщица ягод нашлась. Она неделю провела в тайге без еды и теплой одежды, что абсолютно не сказалось на ее здоровье. Пришла домой она сама, а на вопрос, почему она так долго ходила за ягодами, спокойно ответила, что решила прогуляться немного и заблудилась. Вот что значит родиться и жить в тайге.

Вечером 8 сентября подводили итог трех дней разведки. Итог неутешительный. Дороги на перевал нет.

Остался один вариант — русло реки Ауспии, но оно разведано только на 10 км выше лагеря. А что ждет экспедицию за этим десятком километров, не знал никто. В конце концов решили так: зайдем, куда сможем, а там видно будет. Понадеявшись на русский «авось», экспедиция двинулась в путь.

Сразу от базового лагеря в Ауспию нырять не решились, поскольку огромный весенний завал и большая глубина реки ничего хорошего не сулили. Двинулись в путь по туристической тропе, в своем начале она была достаточно широка и позволяла, хоть и с трудом, двигаться к намеченной цели.

Так удалось пройти несколько километров, пока не был найден относительно удобный спуск в русло Ауспии. Но еще до спуска в реку болотной топи и грязи миновать не удалось. Небольшой ручеек — приток Ауспии — разлился на пути экспедиции в большое и грязное болото. Сходу штурмовать его не стали, поскольку никаких шансов глубокие и топкие лужи вперемешку с высокими кочками не оставляли. Решили мостить гать. Конечно, эковско-го энтузиазма при мощении гати члены экспедиции при всем желании организаторов проявить не могли, но старались изо всех сил. Затрещала вековая тайга, и вскоре грозное болото оказалось завалено небольшими деревьями и ветками. Конечно, без ле-

бедки не обошлось; больше всех пострадала Тойота. Ее тяжелое японское железо вязло в топи, но длинный трос, хорошая лебедка и мастерство водителя свое дело сделали. Первое и последнее болото на пути к перевалу было пройдено. Далее дорога по усыпанному валунами и перепруженному завалами руслу реки. Болотная жижа быстро отмылась, и про грязное приключение вскоре забыли.

Первая ночевка на пути к перевалу состоялась в том самом месте, где рос кедр, обстрелянный разведчиками тремя днями раньше.

Выше по руслу Ауспии никто из членов экспедиции не поднимался, поэтому каждый поворот реки мог быть последним. Завал, глубокая промоина или камни — все это могло остановить экспедицию в любом месте.

Оставалось надеяться на благосклонность судьбы. Первая ночь штурма прошла спокойно под журчание Ауспии, но к утру погода начала портиться и пошел мелкий дождь. Сентябрь на севере — это уже середина осени, поэтому ожидать погожих дней не приходится, случиться может всякое: и заморозок ночью, и снег вместо дождя. Поэтому, радуясь, что идет дождь, а не снег, экспедиция начала активно взбадривать своих любимцев и упаковывать вещи. Своей жизнестойкостью потряс всех, даже бывалых походников, самый опытный турист и проводник экспедиции Александр Челноков, который бывал в этих местах неоднократно. Ночь он провел на берегу Ауспии, сладко уснув на мокрой гальке, подложив под голову большой круглый камень. Утром от бывшего туриста шел густой пар, поскольку небесная влага на его горячем теле тут же улетучивалась обратно вверх. С такими людьми можно идти на любой перевал, даже на Дятловский.

Второй день штурма прошел в тяжелой и изнурительной работе. Завал шел за завалом, некоторые места пришлось объезжать по берегу, прорубая дорогу в густых зарослях ивы и ольхи. К концу дня Александр, хорошо знавший дорогу к перевалу, заявил, что скоро будет поляна «с ложкой», где можно удобно разместиться всей команде. По его сло-



Тяжелый участок



По Ауспии

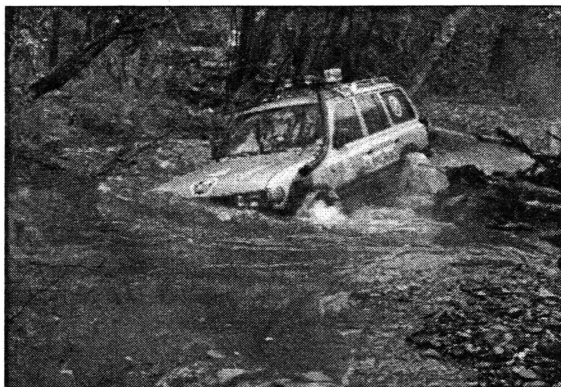
вам, много лет назад какие-то туристы «от нечего делать» вырезали из бревна большую ложку и оставили в этом месте. С тех пор поляна и называется «поляна с ложкой». По многолетней традиции туристы, осаждающие перевал Дятлова, устраивают здесь привал перед решительным подъемом, поскольку отсюда до перевала всего 5 км.

Близость заветной цели — поляны с ложкой — вселяла надежды и укрепляла силы, но каждый новый поворот реки приносил разочарование. Река становилась все уже и уже, к берегам подступала абсолютно непроходимая тайга, появились огромные валуны, а конца этому по-прежнему видно не было.

К вечеру надежды на удобный привал иссякли. Пришлось сунуться в ближайшее пересохшее русло и встать на ночлег. В 50 км выше привала разведчики обнаружили огромный завал и небольшой водопад, образованный упавшими и занесенными валунами и галькой деревьями. Дальше по руслу Ауспии не пройти.

Но утро вечера мудренее. Самые беспокойные встали пораньше и развели обездной путь, минуя завал и вновь русло Ауспии. Также разведка показала, что поляна с ложкой действительно есть, но до нее еще 5 км, и какие это километры! Практически все это расстояние река бежит, зажатая каменистыми берегами. Русло представляет собой лестницу, сложенную огромными валунами. Даже прытким УАЗикам предстояло сложное испытание, не говоря уже о тойоте ленд крузер.

Третий день штурма начался. Обезд огромного завала прошел относительно удачно, но лебедкам пришлось поработать, поскольку берега Ауспии в этом месте оказались топкими. А дальше началось настоящее «родео»: с камня на камень, с валуна на валун. Дорогу приходилось буквально мостить, закидывая промежутки между большими камнями, и только тогда с трудом, со скоростью 300-500 м в час, можно было двигаться вперед, к новым камням. Появились и первые потери. Личный состав оказался на редкость крепок и испытания выдержал, чего нельзя сказать об автомобилях. У большинства ма-



Глубокий участок

шин камни сильно поцарапали днище, выровняли все выступающие детали, а таких необходимых вещей, как выхлопные трубы, кое-кто лишился совсем. Покрышки тоже выдержали не у всех. Больше всего досталось тойоте. Мелкие помятости не в счет, но покрышка была основательно пробита колом диаметром в человеческую руку. Дерево вошло в прочную японскую резину, как в масло. За целый день изнурительной борьбы удалось пройти только те 5 км, что отделяли предыдущий привал от поляны с ложкой, и только поздно вечером вырвались из ущелья, пробитого Ауспией, на относительно широкое пространство, последнее перед перевалом Дятлова.

Ложка действительно на поляне стояла. Она была не так велика, как представлялось по рассказам, но, тем не менее, уважение внушала.

Утром, взглянув вверх по руслу Ауспии, все увидели вдалеке Поясной Хребет; на несколько минут его осветило солнце. Где-то там, правее русла Ауспии, и лежит перевал Дятлова. По прямой до него 5 км, а можно ли туда доехать и чего это будет стоить, не знал никто.

На утро, пока водители заканчивали ремонт своих автомобилей, группа разведки двинулась к перевалу. Туристическая тропа по-прежнему вилась между огромными кедром и елями, и ехать по ней было



Луноход



Опять завал



Текущая работа

невозможно. Оставалось русло Ауспии. Еще 2 км вверх к ее истокам, и здесь тропа, вившаяся вдоль русла, делает резкий поворот от русла реки вверх к перевалу. Вот он, последний рывок. Пешком и налегке подъем занял всего полчаса. Тайга уступила место редким кривым березкам и кустарникам, вскоре и они исчезли, и началась горная тундра, покрытая ярким осенним ковром мелких кустарничков. Желтые, красные, зеленые пятна сливались в пестрое покрывало, в котором при ближайшем рассмотрении видно безумное количество ягод. Здесь и брусника, и шикша, а голубики столько, что на кустарничках из-за сизых ягод не видно совсем листьев.

Но это великолепие быстро погасло под покровом тумана, неожиданно спустившегося на перевал. В одночасье все поменялось. Суровыми, мрачными выглядят в сером тумане одинокие скалы, изрезанные холодными зимними ветрами. На одной из них стоит скромный обелиск со звездой и прибитой мемориальной доской, где и написано, что именно здесь погибли 9 студентов УПИ 2 февраля 1959 года. Вот она — цель экспедиции. Но забраться сюда пешком намного проще, чем даже на самой проходимой технике.

Утро четвертого дня похода от базового лагеря было днем последнего и решительного штурма. Два километра по руслу Ауспии проскочили быстро и без потерь. Сказался опыт предыдущих дней. Но далее следовало новое испытание — крутой подъем на перевал.

Сразу было ясно, что «в лоб» склон взять будет невозможно. Скользящая, мокрая почва не даст как следует зацепиться колесами, и машины не пойдут. Но ехать «змейкой» тоже небезопасно, крутой склон коварен, малейшая ошибка водителя — и машина может катить до самой Ауспии. Пришлось выбирать разумную середину и рваться все выше и выше. Здесь-то и показали водители свое искусство и различные подходы к решению этой проблемы. Кто-то со всего газу рванул прямо вверх и, увязнув, продолжал карабкаться, используя лебедку и все подручные средства; кто-то, лавируя между деревьями,

умудрялся выбирать склон поглаже, неуклонно набирая высоту.

Выбора не было только у тойоты. Самостоятельный подъем вверх оказался за пределами ее возможностей. Поэтому, перецепляя лебедку с дерева на дерево, ее неутомимый водитель Александр Ляной потащил свое любимое детище к вершине перевала, не обращая внимания на цирковые трюки УАЗиков. Здесь-то экспедицию и подкараулило самое серьезное приключение всего похода. Выпало оно на долю известного своей экстремальной ездой Алексея Дубодова, управлявшего не менее экстремальным автомобилем «Луноход», который успел прославиться на минувшем «Урал-трофи-2000».

Решив, что хватит петлять и увертываться, «Луноход» неожиданно рванул прямо вверх, надеясь вырваться на более пологий, покрытый тундрой, склон. Но здесь, на границе леса, его ждал коварный камень. Машина, наскочив на него, подпрыгнула, и этого было достаточно, чтобы центр тяжести ушел в запредельную сторону. «Луноход» повалился на бок, и уже через долю секунды его вращающиеся колеса смотрели в небо. Чудо спасло Николая Лантуха, который выкатился из своего любимого автомобиля; на его счастье «Луноход» так и замер на горке, а не покатился вниз по склону. Что было бы в этом случае, догадаться несложно, но наверняка «Суперстрою» пришлось бы искать себе нового коммерческого директора и неизвестно, стал бы он лучше предыдущего. Но все обошлось; правда, ребро у Николая дало трещину, но так жить можно, да и зарастают ребра довольно быстро и без последствий.

«Луноход» перевернули быстро, лобовое стекло его осталось навечно лежать на склоне перевала, а все остальное вновь начало карабкаться к заветной цели.

Вскоре последнее препятствие было преодолено. Неожиданно туман и облака рассеялись, и в лучах яркого солнца, про которое за последние четыре хмурых и дождливых дня экипажи почти забыли, по почти ровной каменистой тундре на полной скорости рванули кто мог к заветной цели —



Перевал Дятлова

скале с обелиском. Опьянев от победы и простора, экипажи начали носиться, как безумные, по отрогу хребта. Покрытая мелким щебнем и кустарничком, тундра никакими препятствиями покорителей Ауспии остановить не могла. Наконец, немного успокоившись, все собрались у скалы с мемориальной доской. К тому времени подтащили и тойоту. По ровной тундре она шла не хуже всех, а жуткий склон, где до самого последнего дерева приходилось цепляться и подтягиваться, остался позади.

Перевал покорился. У намеченной цели время провели, как полагается. Помянули погибших, постреляли в их честь, сфотографировались и — вниз, обратно к поляне с ложкой, где остались палатки и машина технической помощи.

Вниз покатались быстро и весело. Особенно весело было Владимиру Рыкшину, поскольку на его УАЗике отказали тормоза, и замедлять ход ему было нечем. Буквально через час все уже были в лагере. Зажгли костры, быстро раскупорили все оставшиеся запасы и как следует отметили столь долгожданную победу. В горячих разговорах у костра и закончился четвертый день штурма. Наутро вновь пошел мелкий, холодный дождь, уровень воды в Ауспии начал подниматься, стало ясно, что небольшое промедление — и выход закроется, пора ехать домой, иначе туда придется плыть по бурной реке.

Дорога к дому всегда ближе и быстрее, чем от него. Лишний раз в этом убедились все участники экспедиции, поскольку от поляны с ложкой до базового лагеря путь занял всего 1,5 дня. Но без приключений здесь также не обошлось. За тойоту боялись все участники экспедиции, и не зря. В самый неожиданный момент, посреди русла Ауспии у нее отпало колесо (срезало все шпильки). Подобное происшествие было с ней на «Урал-трофи-2000», но тогда всё решилось очень быстро: вызвали бригаду сервис-центра из Екатеринбурга, она прикрутила колесо. Сейчас ситуация складывалась не столь благоприятно. До сервис-центра 600 км, причем последние 100 из них практически непроходимы. Машина стоит на брюхе в горной реке, идет холодный

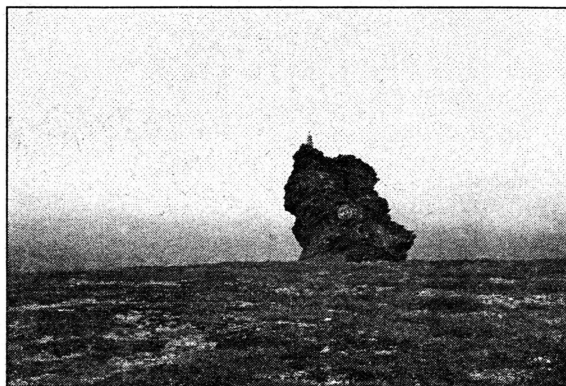
осенний дождь и собирается выпасть снег. Все приуныли. Перспектив тащить на себе трехколесную тойоту по реке никому не улыбалось. Но автомеханик Алексей совершил чудо. Пока народ сидел и горевал на мокром берегу, пытаясь разжечь костер, он, лёжа в ледяной воде, умудрился при помощи молотка и зубила вывернуть срезанные шпильки, ввинтить новые и поставить бедную тойоту вновь на все четыре колеса. Алексей был немедленно признан героем этого дня, правда, сам он ничего выдающегося в своей работе не видел и, приняв положенные 100 граммов, продолжил путь к дому в качестве почетного пассажира спасенной тойоты.

Последний рывок к базовому лагерю прошел без помех. Даже первое и последнее болото не смогло удержаться рвущихся к дому покорителей перевала. Да и погода окончательно испортилась, давая понять проливным дождем, что пора убираться отсюда и не мешать природе готовиться к зиме.

Далее никаких бурных событий больше не происходило. В базовом лагере привели себя в порядок, набрали ягод, распугали выстрелами окрестных рябчиков и глухарей и двинулись домой по уже известной дороге.

Правда, в Екатеринбург вернулись не все. Самые отчаянные, а именно организаторы и вдохновители похода Олег Майоров и Владимир Рыкшин решили, что на их долю приключений выпало слишком мало. В их буйных головах уже громоздились планы на «Урал-трофи-2001». Посмотрев на местные красоты, трассу для него решили подготовить в здешних северных местах, поближе к массиву Денежкин Камень.

На двух потрепанных УАЗиках они свернули в сторону, снова к Уральскому хребту на разведку новой трассы и в поисках приключений на свою голову. Надо сказать, что вернулись они только через неделю, небритые и голодные. К тому времени в горах уже выпал снег и им пришлось хлебнуть лиха, но трассу для будущего путешествия они разведали. Так что всё состоялось и состоится по заранее намеченному плану.



Вот она — цель экспедиции



Перевал взят

Сергей КОНДРАШИН, Уральский дайв-центр «Тритон»

THISTLEGORM

Притяжение затонувших кораблей



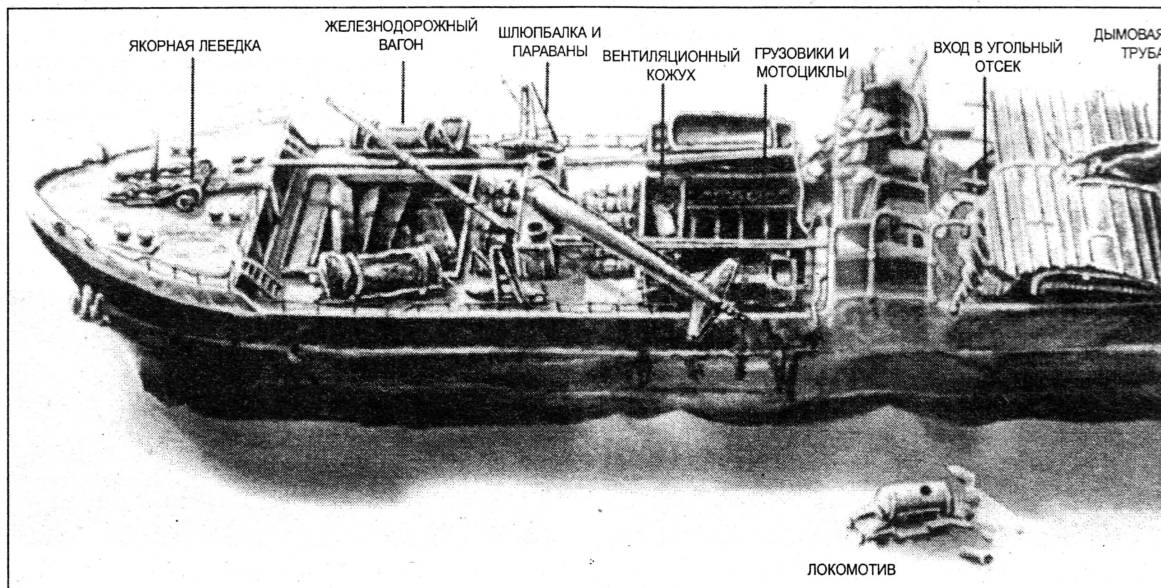
Сергей КОНДРАШИН

Еще совсем недавно слова «дайвинг», «дайвер» большинству людей были незнакомы и малопонятны. Погружения с аквалангом (diving) стремительно ворвалось в нашу уральскую жизнь, стало возможным, реальным и совершенно доступным. Мы с приятным удивлением узнали, что наряду с обычными погружениями с аквалангом существуют такие экзотические варианты, как погружения на затонувшие корабли, в подводные пещеры и много еще чего, что уже не дает покоя...

Мы только начинаем узнавать рейтинги лучших мест для погружений в мире, но мы уже сделали первый шаг и начали ездить, и в первую очередь на Красное море — потому что это близко, интересно и доступно.

Погружения на затонувшие корабли — своеобразная вершина в дайвинге. Здесь все пронизано и перемешено легендами и историями, рассказами очевидцев и свидетелей, что вызывает сложные ассоциации у аквалангистов, переживаниями о тех людях, кто находился в момент катастрофы на борту корабля. Всегда появляется предвкушение увидеть что-то древнее, необычное и запоминающееся. Вспоминаются легенды о кораблях-призраках, сиренах и гигантских спрутах увлекающих корабли в царство Нептуна, таинственном капитане Немо и бессмертных фильмах Кусто.

«Wreck» — так во всем мире называются погружения на затонувшие корабли. Это зачастую технически сложные погружения, сопряженные с проникновением в узкие места, ориентацией во



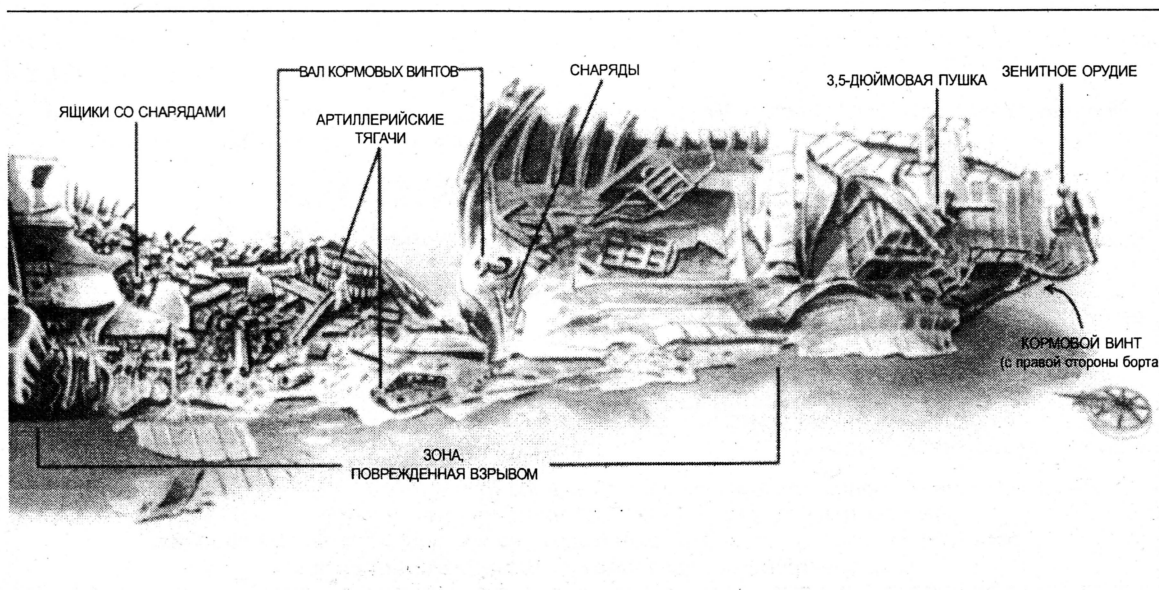
время нахождения в трюме корабля, соприкосновением с обветшалыми и ржавыми конструкциями. Всегда интересно предположить возможное поведение каждого ныряльщика во время погружения внутрь корабля: темнота, узость проходов, проблема замкнутого пространства, часто ограниченная видимость, неравномерное потребление воздуха. Принимаются дополнительные меры безопасности — с собой берутся подводные фонари, дополнительные пони-баллоны, проблесковые маячки. Все торчащие элементы снаряжения пловца фиксируются, чтобы исключить вероятность зацепиться ими за конструкции судна.



Все торчащие элементы снаряжения пловца фиксируются, чтобы исключить вероятность зацепиться ими за конструкции судна.

Английское транспортное судно «Тистлгорм», потопленное немцами в октябре 1941 года недалеко от входа в Суэцкий залив, считается самым известным, наиболее интересным и максимально посещаемым затонувшим кораблем на Красном море, мечтой всех дайверов.

...И вот начинается погружение на этот легендарный корабль. Дайверы спускаются по якорному концу и сразу же сталкиваются с первой опасностью — сильнейшим течением, готовым мгновенно отнести каждого погружающегося от группы. Кто то впервые с удивлением замечает, что пузыри выдыхаемого воздуха поднимаются не вверх, как обычно, а уносятся в сторону. Наконец группа достигает палубы «Тистлгорма» и медленно начинает двигаться вдоль его левого борта. Аквалангисты огибают огромную упавшую мачту, лежащую поперек палубы, и не спеша опускаются все ниже и ниже. И вот неожиданно перед их взором появляется локомотив, стоящий на дне рядом с судном. Глубиномер показывает уже 30 метров. Это максимальная глубина, разрешенная для погружений в Египте. Затем дайверы продолжают путь вдоль зоны повреждения взрывом: искореженное железо, ящики со снарядами, отдельно лежащие снаряды разных калибров, два танка, перевернутые вверх гусеницами, бухты колючей проволоки. Подплыв



дальше к корме судна, они замечают зенитное орудие, ствол которого направлен в дно, затем второе орудие, неожиданно встречается огромный винт-пропеллер. Далее группа разворачивается и двигается вдоль правого борта судна. Нырятьщики с удивлением обнаруживают стоящие на палубе железнодорожные вагоны с углем, заходят в каюту капитана, усыпанную мелкими ракушками. На палубе корабля в районе шлюп-балки живет удивительная, ни на что не похожая рыба-крокодил. Она встречает ежедневно десятки дайверов, вплотную подпускает к себе и позволяет фотографировать. Еще один редкий и опасный обитатель Красного моря — большой электрический скат — живет в носовом отсеке корабля. Погружение заканчивается осмотром носовых якорных лебедок. Если к этому времени еще остался запас воздуха в баллоне — можно постоять на палубе, подержаться за поручни, посмотреть вдаль и увидеть стаи больших тунцов и барракуд, которые притягиваются к судну, словно к магниту.

Второе ритуальное погружение на «Тистлегорм» совершается в трюм корабля. Дайверы, вооружившись фонарями, проникают в трюм № 1 сквозь грузовую шахту. Начинают появляться знакомые по книгам аксессуары трюма: стоящие в ряд грузовые автомобили «Бедфорд», вереница мотоциклов «БСА», аккумуляторы, крылья для самолетов, ящики с обросшими кораллами винтовками, солдатское обмундирование.

Погружение заканчивается как всегда на самом интересном месте. Здесь никогда не хватает воздуха в баллоне, чтобы не спеша побродить по этому уникальному музею на морском дне. Инструктор неумолимо подает команду на всплытие. Группа вновь возвращается на поверхность по натянутому канату, на глубине 5 метров аквалангисты делают профилактическую декомпрессионную остановку, и каждый в эти минуты начинает испытывать непреодолимое желание вновь когда-нибудь сюда вернуться, опять ощутить особый дух этого огромного и поверженного судна.

Ты начинаешь понимать, что этот корабль-музей уже живет новой и необычной жизнью. Он уже принадлежит истории, дайверам и рыбам.

«Тистлегорм» уже стал культовым местом, сродни пирамиде Хеопса, Лувру или Фудзияме.



Внимание – конкурс!

Журнал «Уральский следопыт» и Межрегиональная ассоциация любителей экстремальных и технических видов спорта «ЭКСТРИМ» объявляют о начале нового семейного конкурса:

«Уральской тропой»

Конкурс для любителей активного отдыха, для тех, кто ходит всей семьей в походы и экспедиции, сплавляется на плотах и лодках по бурным рекам, кто покоряет вершины гор, кому интересны горные лыжи и горный велосипед, и просто для тех, кто любит всей семьей активно общаться с природой, не взирая на встречный ветер.

Желательно, чтобы Ваши произведения были проиллюстрированы фотографиями или рисунками.

Итоги конкурса будут подводиться ежегодно. Каждый месяц подводится промежуточный итог. Победители будут награждены полезными призами и подарками. Лучшие Ваши произведения будут опубликованы в журнале «Уральский следопыт».

Рукописи и иллюстрации принимаются в любом виде (рукописный, печатный, электронный).

Наш почтовый адрес: 620142, Екатеринбург, ул. Декабристов, 67,

редакция журнала «Уральский следопыт», на конкурс «Уральской тропой».

Наш электронный адрес: info@uralstalker.ekaterinburg.com

«Каравелла» собирает выпускников

*И вновь я услышу, как ветер шкаторины рвёт,
Смеются друзья, и гремит штормовая вода.
Что было со мною — то было, и это — моё.
И это со мной навсегда, навсегда...*

В. Крапивин



Приятное это дело — праздники да юбилей... Хотя и хлопотное. Особенно когда сорокалетие отмечает не один, пусть даже самый известный и уважаемый человек, а большая детская организация, выпустившая за свою историю тысячи воспитанников. Если бы все они смогли прийти на юбилейную встречу, то зал ДК УГТУ-УПИ никак не смог бы вместить всех желающих. Впрочем, он и так был заполнен в этот день, 7 июля, почти до отказа. Выпускники разных лет и их родители, сегодняшний основной состав отряда, бывшие и нынешние инструкторы, представители различных государственных и общественных организаций, пресса и, конечно же, просто гости, друзья отряда, которые захотели поздравить «Каравеллу» с юбилеем. Некоторые даже специально приехали из других городов.

Отряд долго готовился к этой дате. Ребята, инструкторы, ветераны и родители — всем пришлось потрудиться. Снимали новый игровой фильм, монтировали кинохронику, писали материалы для прессы, готовили городской лагерь с участием гостей из разных городов, проводили репетиции, обзванивали ветеранов...

И вот на сцену по сигналу своего командира выходят барабанщики. Звучит команда Командора и основателя отряда В.П. Крапивина: «Флотилия! На флаги!», зал встаёт, и под Знаменный марш, вслед за выводящим барабанщиком знаменная группа выносит все 4 знамени «Каравеллы». Одно из них

— пионерское — не выносилось уже давно, с тех пор, как прекратила своё существование Пионерская организация. Но на юбилейном сборе было решено отдать дань уважения и этому знамени, которое долгие годы было главным для Пресс-центра и флотилии.

Много хороших и добрых слов было сказано в этот день со сцены ДК УГТУ-УПИ в адрес «Каравеллы». Даже выступления «официальных лиц» звучали непривычно тепло. Конечно же, не обошлось без подарков. Екатеринбургская морская школа, начальник которой — сам выпускник «Каравеллы» — подарила магнитофон. Департамент по делам молодёжи Свердловской области преподнёс видеокамеру. От Объединения детских и подростковых клубов «Социум» отряд получил видеомангнитофон. Редакция «Комсомольской правды» приготовила новый парус для одной из яхт флотилии. Детский клуб «Бригантина», с которым «Каравелла» дружит много лет, подарил якорь. А родители ребят, занимающихся в отряде, принесли большой торт с яхтой. Нельзя не сказать и ещё об одном подарке, о котором не говорилось со сцены, но который очень важен для нас: в помещении «Каравеллы», которое давно уже находится в аварийном состоянии, наконец-то начался ремонт. Организовал и спонсировал его выпускник отряда Павел Раков.

Пожалуй, впервые в одном зале собрались ветераны всех четырёх десятилетий «Каравеллы». Пред-



В числе гостей: Казанцев С.И., Крапивин В.П., Литищ З.А. — почетный командор «Каравеллы» (С-Петербург), Крапивина И.В., Васюкова М.Л. (С-Петербург)

ставители разных поколений — от Уктуских мальчишек 60-х до выпускников последних лет — выходили на сцену и получали из рук нынешних каравелловцев специальные юбилейные медали. Первая медаль была вручена, конечно же, Владиславу Петровичу Крапивину.

Наверное, и те, кто выходил на сцену, и те, кто сидел в зале — все вспоминали в этот день своё детство, наполненное парусами и звоном клинков. К счастью, всё это сохранилось не только в воспоминаниях, но и в кадрах кино и видеохроники, которая ведётся в отряде с первых лет его существования. И многие ветераны смогли увидеть себя в хроникальном фильме, специально смонтированном к юбилею.

А закончился сбор, как и начинался, под марши барабанщиков. Но теперь барабаны взяли ветераны этой гвардейской группы отряда. Оказалось, что за многие годы они ещё не забыли, как держать в руках палочки и могут вполне достойно играть знакомые с детства марши.

Кроме хроники в отряде снято и множество игровых фильмов, кадры из которых так же были показаны на юбилейном сборе. А в заключение состоялась премьера нового отрядного фильма «Ещё одна сказка о Золушке». Съёмки его начались в августе прошлого года в Крыму и продолжались в течение всего учебного года уже в Екатеринбурге. Режиссёром фильма стал студент ВГИК, давний друг отряда Илья Пономарёв, а генеральным продюсером — руководитель «Каравеллы» Лариса Крапивина.

А на следующий день ветераны отряда собрались на базе ЕМШ, чтобы снова, как много лет назад, пройти по волнам Верх-Исетского пруда на знакомых с детства яхтах. И надо сказать, волны в этот день были совсем нешуточные. Конечно, это ничуть не смутило бывалых каравелловских морских волков, и они смело вышли на визовские просторы. Но обойтись без приключений им всё же не удалось.



Вскоре одна яхта «кильнулась» (легла на воду), к ней на помощь поспешила вторая... и тоже легла. Как назло, в это же время сломался мотор на нашем спасательном катере. И вот тут-то оказалось, что очень не хватает взрослым дяденькам их бывлой мальчишеской ловкости и лёгкости. Некоторым пришлось порядком побултыхаться в воде — прямо с сотовыми телефонами, толстыми кошельками и прочими атрибутами «взрослой» жизни, пока подоспевшие на других яхтах товарищи не помогли им залезть обратно. Хорошо хоть плавать все умели.

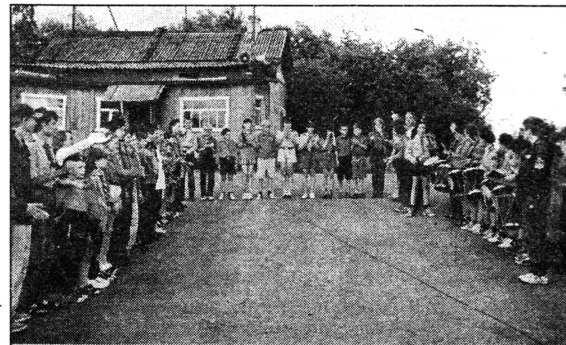
Все флаги в гости к нам!

В то самое время, когда в ДК УГТУ-УПИ заканчивался юбилейный Сбор, к Екатеринбург уже подъезжали первые иногородние участники городского лагеря, посвящённого 40-летию отряда.

Гости на парусной практике «Каравеллы» — дело обычное. Но такого их количества база Екатеринбургской морской школы не видела даже на 30-й навигации 2 года назад. На мачте, на которой обычно в дни парусной практики развевается один — каравелловский — флаг, 11 июля, в день открытия юбилейного лагеря, взвились сразу шесть. В гости к нам приехали как наши давние друзья, так и организации, с которыми мы познакомились лишь недавно: Скаут-отряд «Сполох» из Воркуты, отряд «Дорога» из Москвы, отряд «Эспада» из Перми, Юниорский союз «Дорога» из Петрозаводска, детский пресс-центр из Чебоксар и общественная организация «Форпост культуры» из Санкт-Петербурга. Всего около 70 человек.

Чтобы принять такое количество гостей, руководителям «Каравеллы» пришлось решить множество вопросов по расселению, питанию, культурной программе...

Конечно же, на первом месте — паруса, поэтому основная часть программы проходит на базе ЕМШ.



Распределиться по каравелловским экипажам, гости уже научились вооружать и разоружать яхты, управлять парусами, поучаствовали в традиционных для «Каравеллы» гонках рулевых-стажёров. А после нескольких дней учебных выходов их ждут ещё одни гонки. К сожалению, 13 яхт флотилги никак не могут принять на борт сразу столько людей, поэтому ходят ребята по очереди. Но и остающиеся на берегу не сидят без дела: инструкторы «Каравеллы», «Сполоха», «Эспады» проводят с ними занятия по фехтованию, журналистике, игре на гитаре, туризму...

В дни, свободные от выходов на яхтах, находят и другие дела: ребята выполняют корреспондентские задания, делают очередной номер газеты «Бермудский треугольник» (в пресс-центре, помещение для которого предоставил «Каравелле» «Уральский

следопыт»), ездят на экскурсии. А в воскресенье отряд «Дорога» пригласил всех на Каменные палатки: там прошла небольшая игра, а потом желающие могли испытать себя в спусках по верёвочным переправам.

Лагерь продлится до 28 июля, но на этом совместная программа не закончится: «Каравелле» и «Сполоху» ещё предстоит августовская встреча в Крыму, в палаточном скаутском лагере, который наши друзья из Воркуты проводят каждый год. Там ребят ждёт интереснейшая жизнь на берегу Горного озера, занятия по разным направлениям, ролевые игры, походы и экскурсии по городам и достопримечательностям Крыма.

Юрий НИКИТИН

Письмо «Каравелле» на ее 40-летие от Анны Аксёновой, мамы трех каравельцев

Здравствуй, моя прекрасная «Каравелла»!

Ты знаешь, я никогда не ходила девчонкой под твоими парусами. Я только ждала на берегу своих детей, которые бороздили с тобой визовские просторы и бурные моря и океаны твоих буден.

Боже мой, тебе уже 40 лет! Когда ты появилась на свет, я была первоклашкой, а сегодня мой младшенький, Вовка, окончил школу. Все мои дети, «Каравелла», и твои тоже! И все они пошли по стопам родителей: Тёма учится на моем родном истфаке в УрГУ. Санечка – перешла на 2-й курс журфака (это твоя заслуга), Володя идет в папин институт – горный. Всем сестрам по серьгам!

Низко кланяюсь тебе, «Каравелла», за все, что дала моим детям: мозоли от шкотов, умение ловко уворачиваться от тика, громко бить в барабаны, отчаянно сражаться на рапирах, петь песни Владислава Петровича Крапивина, писать стихи, редактировать газеты... Но самое большое материнское спасибо тебе за друзей, которых ты дала детям и мне (сама знаешь: друзья моих детей – мои друзья).

Тебе 40 лет! Но ты звучишь детскими голосами, звенишь шпатами и, поскрипывая перышками, сопишь над очередным номером «Ниньи». И твои белые паруса гордо скользят по серой глади Визовского пруда, а летнее ослепительное солнышко весело смотрит на тебя с голубых небес.

Семь футов тебе под килем! Попутных ветров, надежных матросов, опытных капитанов! И вперед с песней твоего творца и Бессменного Командора!

Твоя Анна Аксёнова.

7.07.2001 г.

Если вам кажется, что парусный спорт — это всегда пронзительно-глубокое небо, ласковая вода и ослепительное солнце, то... забудьте об этом. Особенно если речь идёт о яхтинге в России, на Урале. Здесь даже в июне-июле трудно выбрать ясный денёк, чтобы насладиться прогулкой на яхте.

Но кто сказал, что на яхтах только «гуляют»? Прежде всего красавица-яхта предназначена для увлекательных гонок, для скорости на воде, а уж потом для развлечений.

Вот и съехались в Екатеринбург, к взволнованной «глади» Верх-Исетского пруда, спортсмены со всех уголков страны и мира. Чтобы побороться сначала за Кубок Екатеринбурга, а потом и за призы юбилейной, десятой регаты «ЯВА-Трофи». Регаты первого грейда, которая одновременно является этапом Кубка мира (к этому надо добавить, что регат подобного уровня в России больше нигде не проводится, даже в черноморском Новороссийске).

Датчане, поляки, австралиец... Но больше всего, естественно, наших, россиян. И именно экипажу, который возглавляет русский шкипер, удалось стать победителем как на Кубке Екатеринбурга, так и на «ЯВА-Трофи». Двойной успех! И он достался экипажу Андрея Арбузова (Москва). Ни дождь, ни шквальный ветер не сумели остановить наших героев на пути к победе.

И вот на пирсе яхт-клуба «Коматек» за полчаса до начала торжественного закрытия регаты мы беседуем со шкипером победившего экипажа. И начинает Андрей нашу беседу не громкими заявлениями, а скромной оценкой своей спортивной карьеры.

АРБУЗНОЕ ЛЕТО «ПРИМОРСКОГО» ГРАДА ЕКАТЕРИНБУРГА

— Похвастаться особенными успехами в своей карьере в принципе не могу. Когда-то, в 1989 году, я стал третьим призёром «Кубка мира», потом была перестройка, после перестройки кризис. Мы почти не выезжали за границу, и я в регатах участвовал не часто, поэтому только в матчевых гонках у меня были кое-какие победы, оказывался призёром нескольких регат. Но вот теперь пришли значительные успехи, такие как неоднократная победа на «ЯВА-Трофи». А ведь «ЯВА-Трофи» обще-



признанная регата. И слава богу, что мне так хорошо здесь выступается.

— Можно ли назвать вашу победу здесь результатом закономерным, или всё же доля везения присутствует?

— Конечно, какая-то подоплёка побед должна быть: техника ведения гонок, мастерство экипажа, но и удача от нас не отвернулась.

— Расскажите, пожалуйста, о своём экипаже.

— Экипаж яхты «Рикшет-750» состоит из трёх человек: шкипер, ваш покорный слуга, а также шкотовый и баковый. Со мной вместе гоняются два просто изумительных парня. Они очень разные, чем, по видимому, и дополняют друг друга. Юра Фирсов — это мой старый товарищ, друг, которого я знаю более пятнадцати лет, мы с ним гонялись ещё соперниками в детских классах. И хотя он старше меня всего на два года, но он, можно сказать, учит меня жизни. Паша Комаров помоложе, хотя и габаритнее нас обоих. Паша очень координированный. Я сам занимаюсь теми видами спорта, которые требуют высокой координации: теннис, баскетбол и тому подобные. Так вот, Паша изумительно играет во всё это, а если не играл раньше, то учится очень быстро. Парень с замечательной реакцией, координацией и хорош уже только этим. Правда характером он далеко не прост, бывает агрессивным и резким, часто приходится его где-то останавливать, иногда поступаться собственными амбициями, чтобы не затрагивать его струнки. Просто мы

хорошо притёрлись друг к другу и научились обходить острые углы. Собственно, так и создаётся команда, которая работает выше всяких похвал. Может со стороны и казалось, что у нас бывают какие-то трения, но мы-то всё видим изнутри, нас всё устраивает. И главную задачу — победить, мы выполнили.

— Во время состязаний часто случались критические моменты, после которых всё могло пойти по-другому?

Да, несколько моментов было. Например, в полуфинале, когда из шести претендентов определяли первую двойку. Выиграли мы достойно. И ту гонку в полуфинале, которую проиграли, проиграли с минимальным отрывом, боролись до конца. Всё-таки сказались хорошая предварительная подготовка. Поэтому, считаю, мы здесь были одними из сильнейших. Хотя, конечно, Георгий Шайдуко (второе место) и Карол Яблонски (Польша; третье место) не слабее. Или тот же Максим Таранов. Но кто-то ведь должен был победить. Победили мы.

— Что вы скажете об иностранных гонщиках? Настолько ли они слабы, или им просто не везёт на екатеринбургской воде в последнее время?

— Почему не везёт? Карол Яблонски ведь показал, что он вовсе не слаб. Мы набрали одинаковое количество очков — и Шайдуко, и Карол, и я. Просто по предварительным результатам, когда Яблонски ещё не успел разогнать свою лодку, мы оказались лучше, и в итоге выш-

ли в финал, а он бился только за третье место. Дело в том, что «Рикошет-750» лодка специфическая, не простая, и нужно её поставить на ход, чтобы показывать результаты. А так как мы гоняемся на этих лодках уже пять лет, нам, конечно, секреты настройки яхты хорошо известны. Карол тоже разобрался во всём, но немножко поздно.

— А что вы можете сказать об екатеринбургских спортсменах?

Замечательные ребята. Особенно хочется отметить Евгения Неугодинова. Молодой парень, которому пока просто не хватает опыта. По гонке идёт великолепно. Но вот где-то в контактной борьбе, когда она доходит до своего пика, даже до столкновения, он немножко слаб. Но это объяснимо, потому что у него нет опыта. Нужно пройти через кучу протестов, получить кучу баранок, кучу разборок — и всё придёт. Но просто по гонке, как он её ведёт, как чувствует ветер, он один из лучших здесь. Конечно, ему и родные стены помогали, но и при этом молодец парень. У него, я считаю, большое будущее. Если ему помогут развиваться, участвовать в регатах, то я нисколько не сомневаюсь, что он будет хорошо выступать.

— Вы упомянули о контактной стороне гонки, расскажите немного об этом.

— Дело в том, что в гонке участвуют две яхты. Или ты первый, или никакой. Поэтому если ты имеешь преимущество перед соперником в корпус-два, то не напрягаешься, спокойно работаешь с ветром. Но если его яхта приближается на локоть, то уже надо отбрыкиваться, то есть начинается плотная техническая борьба с доскональным знанием правил. Но иной раз в азарте выплскивается столько адреналина, что выходишь и за рамки правил, ведь борьба зачастую идёт за сантиметры. Конечно, подчас на всё влияет субъективизм судейства, хотя я ни в чём никого не собираюсь обвинять. Но ведь любую, даже простую ситуацию каждый видит и трактует по-своему. Малая деталь может иметь большие последствия.

— Вы, как гонщик-яхтсмен, видите какие-то отличия воды пресной, на которой происходят соревнования в Екатеринбурге, от воды морской?

— Вязкость или плотность воды не имеют какого-то значения. Главное достоинство пресной волны — это небольшая волна. Без волны легче настроить яхту, или, скажем так, ошибки в настройке не так фа-

тальны, как на воде с большой волной. Основное сопротивление яхты испытывает от воды, волновое сопротивление. А здесь орехи в настройке нивелируются.

— С каким настроением вы собираетесь в Екатеринбург? Как никак, а сегодня вы стали трёхкратным победителем «ЯВА-Трофи».

— Приезжаю сюда всегда с большим удовольствием. Я познакомился здесь с удивительными людьми. Это и Юрий Крюченков, который задумал и воплотил в жизнь непростое дело — матчевые гонки яхт. Это и Валерий Язев, который поддержал проект не только финансово. Кстати, я ведь и выступаю за екатеринбургскую команду «Коматек». Крюченкову я благодарен за то, что он сделал лично для меня, пригласил в команду. Вот и сейчас мы вместе с ним отправляемся на регаты в Японию и Германию.

— Сейчас стали реальными участия наших спортсменов в зарубежных регатах. Сколько гонок спортсмену реально проводить за год?

— Я не могу сказать за наших зарубежных соперников. На регатах уровня «ЯВА-Трофи» зачастую участвуют одни и те же люди. И чтобы попасть туда, нужно очень много работать. Причём работать не только в спорте, но и, скажем так, в тусовке. Например, приглашение в Японию мы получили от японского ампаира, который увидел наш потенциал здесь. Думаю, если бы я послал ему заявку просто по электронной почте, он бы скорее всего отказал. То есть эта невидимая, черновая работа необходима так же, как и положительные результаты в самих гонках. Лично я и не участвую во многих зарубежных гонках потому, что не имею приглашений. Всё-таки мы ещё не в «европейском доме», хоть и стремимся туда попасть.

— Гонки уровня «ЯВА-Трофи» много?

— Очень много. Скажем так, только гонок первого грейда порядка десяти, но есть ещё просто шикарные, фешенебельные гонки во Франции, в Нью-Йорке, в Токио, в Лондоне и так далее.

— Глядя на то, как отгонялись в Екатеринбурге наши яхтсмены, можно сказать, что российский парусный спорт поднимается?

— Безусловно. Хотя, к сожалению, на последней Олимпиаде не было результата, чтобы подкрепить эти слова, но отрадно видеть, что приходят молодые ребята, есть

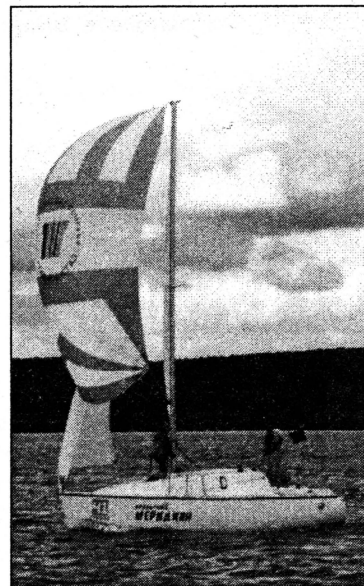
паруса, есть лодки. Уже пошла вторая волна, когда без государственного финансирования богатые люди находят желание и возможность финансировать элитный спорт. Конечно, жалко будет, если только дети богатых родителей смогут участвовать в соревнованиях, потому что это замечательный вид спорта, и я бы всем желал приобщиться к нему хотя бы краем, по крайней мере, уметь управлять яхтой. И я уверен, что наша страна всё равно пойдёт по общественному пути развития. У нас, у русских, внутри заложено что-то компанейское. И я не думаю, что парусный спорт будет спортом только элитным. Ведь есть же общественные фонды, которые могут взять на себя функцию отбора и поддержки талантливых яхтсменов.

— Для вас лично парусный спорт — это только хобби или также возможность подзаработать?

— Да нет, особенных денег это не приносит, а почти всё что выигрываем тратится на те же яхты, на заграничные командировки. Хотя, конечно, отношение к спорту профессиональное. Но, к сожалению, ситуация нет такова, чтобы можно было жить только этим. Зато победы в таких регатах, как «ЯВА-Трофи» помогают выжить. Нам легче после побед концентрироваться на парусных делах и не думать о хлебе насущном. В общем, можно пожить достойно.

— Спасибо за интервью. Желаем вам удач в будущем.

Беседу записал Е. Спирин.



ПОДПИСКА 2001

Хотя подписная кампания закончилась, читатели до сих пор звонят в редакцию и спрашивают, как подписаться на журнал «Уральский следопыт». Для тех, кто еще не успел подписаться на 2-е полугодие 2001 года, сообщаем: оформить подписку еще не поздно. Вы можете сделать это в редакции (Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, тел. 22-36-62, 22-45-01).

ПОДПИСКА В РЕДАКЦИИ

Сейчас подписка в редакции оформляется с августа 2001 года. Оформив подписку через редакцию, Вы будете получать наш журнал в конверте. Вы можете подписаться за наличный и по безналичному расчету.

Как подписаться за наличный расчет.

Если Вы хотите оплатить подписку наличными, Вам нужно прийти в редакцию. В Вашем присутствии сотрудник отдела подписки оформит абонемент на издание и выдаст Вам квитанцию об оплате.

Жители г. Екатеринбурга могут вызвать курьера из редакции и оформить подписку на месте.

Как подписаться по безналичному расчету.

Если Вы хотите оплатить подписку по безналичному расчету, это можно сделать платежным поручением, в котором необходимо указать реквизиты редакции (приведены ниже); в графе «Назначение платежа» написать: журнал «Уральский следопыт», период подписки и адрес, по которому будет доставляться журнал.

Частные лица могут оформить подписку почтовым переводом.

Обратите внимание на то, что, подписываясь в редакции, Вы сможете воспользоваться 10% скидкой!

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКА ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ

	по России	по СНГ	за рубежом
1 номер	27 руб.	52 руб.	3\$*
6 номеров (полугодие)	162 руб.	312 руб.	18\$*
12 номеров (год)	324 руб.	624 руб.	36\$*

* оплата в рублях по курсу ММВБ на день оплаты.

Наши реквизиты:

Общество с ограниченной ответственностью
«Редакция журнала «Уральский следопыт»
Расчетный счет: 40702810001010001096
Кор. счет: 30101810600000000781 в ОАО «ВУЗ-банк»
г. Екатеринбург, БИК 046577781, ИНН 6661014243

УРАЛЬСКИЙ следопыт



7"2001

Учредитель:
000 «Редакция журнала
«Уральский следопыт»

Редакция:
Александр СИНИЦЫН
(директор)

Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор,
компьютерная верстка, корректура)

Юний ГОРБУНОВ
(зав. отделом истории и краеведения)

Евгений ПЕРМЯКОВ
(зав. отделом фантастики)

Олег ВОДОПЬЯНОВ
(редактор отдела «Встречный ветер»)

Арсений БОРИСИХИН
(спец. кор. журнала)

Анна АКСЕНОВА
(специалист
по связям с общественностью)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЭБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Максим ФИРСОВ
председатель
наблюдательного совета

Адрес редакции: 620142,
Екатеринбург, ул. Декабристов, 67
Тел. редакции: (3432) 224-501
E-mail: info@uralstalker.ekaterinburg.com
Адрес в Интернете:
<http://uralstalker.ekaterinburg.com>

Регистрационное свидетельство № 441, выдано
13.12.90 Министерством печати и массовой
информации РСФСР

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением
автора статей.

000 «Редакция журнала «Уральский следопыт»
обладает исключительным правом собственности на
логотип и название журнала.
По вопросам подписки и доставки обращаться в
районные отделения «Росвязьинформа».

Подписано к печати 10.09.2001
Формат бумаги 84x108/16
Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 2 000. Заказ № 880
Отпечатано в типографии
«Уральские военные вести»
Екатеринбург, ул. Народной воли, 62.
Рисунок на обложке Ирины МИХАЙЛОВОЙ
Цена 30 руб.

© 000 «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»,
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 7-2001

УРАЛЬСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

ЮЖНЫЙ УРАЛ

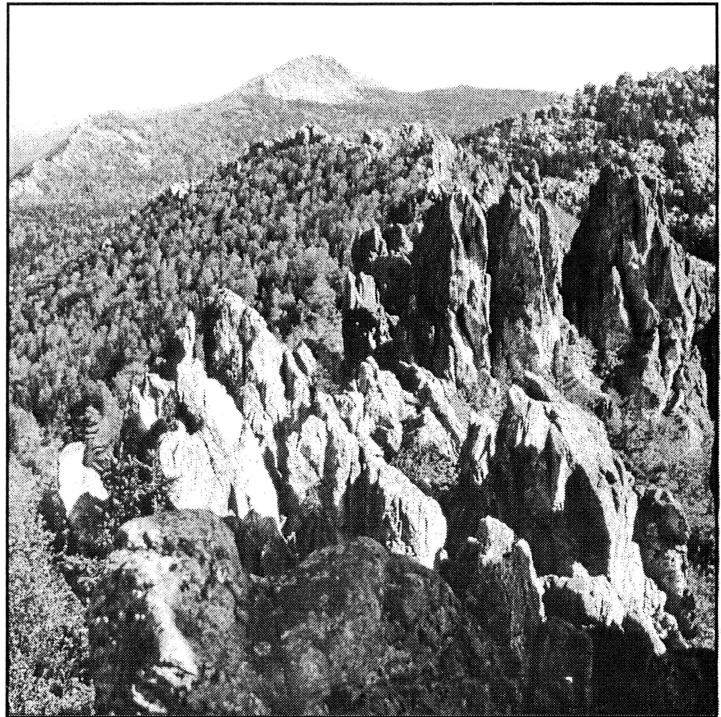
Подставка Луны — ТАГАНАЙ

Как отмечалось в предыдущей статье, хребет Большой Таганай является северным продолжением мощной гряды гор, идущей от Иремеля.

Таганай в переводе с башкирского — «подставка луны». Он состоит из нескольких гор и вершин, самая высокая из них — гора Круглица, высотой 1178 м. Южная часть хребта — это скалистый двухвершинный массив, называемый в различных источниках по-разному: Двуглавый Таганай, Ближний Таганай, Малый Таганай, хотя рядом восточнее находится небольшой хребет Малый Таганай. В последнее время эту гору чаще называют Двуглавой Сопкой. Самая северная вершина — Дальний Таганай, на котором расположена метеостанция.

Таганай — одно из популярнейших мест на Южном Урале. Привлекает разнообразие его горных ландшафтов: Двуглавая Сопка с остроконечными скалами-«Скалодромом»; узнаваемый с любой точки, похожий на спину динозавра — Откликной Гребень и самая высокая гора хребта — кругловершинная Круглица, а также типичная вершина со скальными выходами и горной тундрой — впечатляющий своей массивностью Дальний Таганай, на котором зафиксированы рекордные по скорости ветра.

Красиво здесь всегда. Летом радует глаз цветочное разнотравье высотой в рост человека, осенью, меняющееся в зависимости от высоты подъема, золото трав и листьев деревьев в сочетании с желтовато-золотистыми лишайниками и красновато-бурыми ягодниками. Поздней осенью поражают взгляд покрытые ледяным панцирем полупрозрачные ветви елей и сосен, а зимой — великолепные снежные уборы, когда деревья превращаются в сказочные терема. Не зря одна из седловин между Круглицей и Откликным Гребнем названа Долиной Сказок. Прокатиться с вершины Дальнего Таганая на лыжах приезжают не только челябинцы, но даже екатеринбуржцы.



ЮРМА по-башкирски — «не ходи»

Но мы все же сходили на него и не пожалели. Довольно симпатичная гряда гор с красивыми скалами, с пышной июньской растительностью. Летом и осенью там бывают очень сильные грозы со шквальными ветрами. На Юрму удобно выходить со стороны Карабаша, но можно и с маршрута по Таганая. Вдоль тропы, идущей по хребту, часто встречаются оригинальные скалы, одна из них напоминает перевернутый сапог. Чертовы ворота — главная вершина Юрмы.

Севернее Юрмы, как и севернее Ильмен, высоких гор нет. Северо-западнее есть несколько горок выше семисот метров, но они последние в этой довольно низкой части Урала, о которой некоторые геологи говорят, что здесь Уральский хребет исчезает. Однако он продолжается небольшими высотами и хребтами и вскоре даже на Среднем Урале достигает высоты более тысячи метров.

Евгений САВЕНКО. Фото автора

Начало серии заметок «Уральская горная страна» в № 3, 2001 г.

